

ГОРРОВИЦ
ЭТО СЛОВО — УБИЙСТВО

ОТ АВТОРА АБСОЛЮТНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
NEW YORK TIMES И SUNDAY TIMES
«Дом шелка» и «Мориарти»

ЭТО СЛОВО — УБИЙСТВО

РОМАН

ЭНТОНИ
ГОРРОВИЦ

культовый
британский
детектив

ЭНТОНИ
ГОРРОВИЦ
ЭТО СЛОВО – УБИЙСТВО

Москва
2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Г70

Anthony Horowitz
THE WORD IS MURDER

Copyright © Stormbreaker Production Ltd, 2017

Обложка: Will Staehle

Школа перевода
В. Баканова

Разработка серии и дизайн переплета *А. Саукова*

Горовиц, Энтони.

Г70 Это слово — Убийство / Энтони Горовиц ; [пер. с англ. Ю. Рышкова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-096213-6

Читатели и критики единодушны: Горовиц способен создать мощный детектив в любых декорациях. Автор сверхпопулярной серии об Алексее Райдере, культовых сериалов «Война Фойла» и «Несправедливость», он получил сразу два почетных предложения: расширить вселенные Шерлока Холмса и Джеймса Бонда. Редчайшее признание заслуг в жанре!

Едва вынырнув из мира Холмса, писатель идет на новый смелый эксперимент: пробует на роль современного доктора Ватсона... самого себя. Ему предстоит работать с Шерлоком XXI века, блестящим и совершенно асоциальным сыщиком Готорном, — чтобы превратить расследование в книгу. Пожилая женщина, мать голливудской суперзвезды, составила план своих похорон — и через несколько часов была зверски задушена. Знала ли она, что умрет так скоро?

Это безумно запутанная история, где среди героев не только сам автор, но даже Стивен Спилберг и Питер Джексон!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Рышков Ю., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096213-6

1. Организация похорон

Ясным весенним утром, в один из тех погожих дней, когда солнце обманчиво предвещает тепло, Дайана Каупер перешла Фулэм-роуд и открыла дверь агентства ритуальных услуг.

Это была невысокая женщина лет шестидесяти; в выражении лица, в коротко подстриженных волосах, даже в походке – во всем читалась решимость. Когда такие люди идут вам навстречу, невольно возникает желание отойти в сторонку и пропустить. И в то же время ее нельзя было назвать недоброй: приятное округлое лицо сохраняло нейтральное выражение. Ее гардероб свидетельствовал о достатке: распахнутый плащ пастельных тонов, розовый свитер и серая юбка; массивные бусы из камней (трудно сказать, дорогие или нет) и бриллиантовые кольца (определенно дорогие). На улицах Фулэма и Южного Кенсингтона полно таких женщин, спешащих на ланч или в художественную галерею.

Агентство ритуальных услуг называлось «Корнуоллис и сыновья», о чем гласила вывеска, выполненная классическим шрифтом. Точнее, даже две: на фасаде и сбоку, так чтобы видно было со всех сторон. Их разделяли викторианские часы над входной дверью, остановившиеся (пожалуй, весьма уместно) в 11:59 – за минуту до полуночи. Под названием (также в двух экземплярах) располагалась легенда: «Независимые распорядители похорон: семейный бизнес с 1820 г.». Из трех окон, выходящих на улицу, два были занавешены; в третьем виднелась открытая книга из мрамора с выбитой цитатой: «Беды, когда идут, идут не в одиночку, а толпами»¹. Все деревянные части – рамы, фасад, входная дверь – были выкрашены в темно-синий цвет, синий почти до черноты.

Громко звякнул старомодный дверной колокольчик. Войдя, миссис Каупер оказалась в маленькой приемной с двумя диванами и журнальным столиком; редкие тома на полках имели грустный вид, какой бывает у непрочитанных книг. Вдаль уходил узкий коридор.

Почти сразу же к ней спустилась полноватая женщина в тяжелых черных туфлях. Приятная вежливая улыбка на лице давала понять, что это печальное дело будет выполнено с подобающей деликатностью, но в то же время эффективно. Ее звали Айрин Лоуз – персональный ассистент Роберта Корнуоллиса, по совместительству администратор.

– Доброе утро. Чем могу помочь? – спросила она.

– Я бы хотела организовать похороны.

– Вы действуете от имени недавно умершего?

«Умерший». Весьма показательно. Не «покойный», не «усопший» – Айрин предпочитала называть вещи своими именами, полагая, что так будет удобнее для всех.

– Нет, от своего.

– Понятно.

Айрин Лоуз даже бровью не повела – вполне штатная ситуация, ничего особенного.

– У вас назначена встреча? – уточнила она.

– Нет. Я не знала, что нужно назначать заранее.

– Одну минутку, я уточню, свободен ли мистер Корнуоллис. Чай, кофе?

– Нет, спасибо.

Айрин Лоуз исчезла в конце коридора, и через несколько минут к Дайане Каупер вышел сам распорядитель. Его внешний вид настолько соответствовал образу похоронного агента, что невольно казалось, будто это нанятый актер. Дело было даже не в обязательном темном костюме и галстук мрачных тонов; уже самой позой он словно извинялся за свое присутствие. Руки скорбно сложены в замок; печальное морщинистое лицо, сдержанная улыбка, редкие волосы, борода, похожая на неудачный эксперимент. Очки с дымчатыми стеклами утопали в переносице, скрывая глаза.

– Доброе утро. Меня зовут Роберт Корнуоллис. Очевидно, вы желаете обсудить с нами организацию похорон?

¹ «Гамлет», акт 4, сцена 5 (пер. М.Лозинского).

– Да.

– Вам предложили чай или кофе? Прошу вас, пройдемте.

Новую клиентку провели по коридору в самую дальнюю комнату, такую же безликую, как и приемная, – с одним исключением: вместо книг на полках стояли папки с прейскурантами и брошюры с изображением гробов и катафалков (традиционных или на конной тяге). На случай, если разговор повернется в сторону кремации, на двух полках громоздились урны. Возле маленького стола лицом друг к другу располагались два кресла. Корнуоллис присел, вытащил ручку – серебристый «Монблан» – и положил на блокнот.

– Итак, речь идет о ваших собственных похоронах, – начал он.

– Да. – Миссис Каупер оживилась, переходя к делу. – Я уже обдумала детали; надеюсь, вы не против.

– Наоборот, конкретные пожелания для нас очень важны. В наше время запланированные и так называемые «индивидуальные» или тематические похороны составляют основу бизнеса. Мы стараемся как можно более точно удовлетворять потребности клиентов. После обсуждения – если вам подойдут предложенные условия – мы предоставим подробный счет-фактуру со всеми деталями. Вашим друзьям и родственникам ни о чем не придется беспокоиться.

– Отлично, – кивнула миссис Каупер. – Что ж, перейдем к делу.

Она сделала глубокий вдох.

– Я хочу, чтобы меня похоронили в картонном гробу.

Корнуоллис приготовился записывать; на последних словах ручка зависла над бумагой.

– Если вы рассматриваете идею экологических похорон, осмелюсь предложить экошпон или даже переплетенные ивовые прутья. Бывают ситуации, в которых картон... не вполне эффективен. – Он тщательно подбирал слова, оставляя пространство для всевозможных предположений. – Ива почти в том же ценовом диапазоне, а выглядит куда интереснее.

– Хорошо. Далее: я хочу, чтобы меня похоронили на Бромптонском кладбище рядом с мужем.

– Вы потеряли его недавно?

– Двенадцать лет назад. Участок уже куплен, так что с этим проблем не будет. А вот как должна проходить служба...

Она открыла сумочку, вытащила листок бумаги и положила на стол.

– Я вижу, вы все предусмотрели, – заметил распорядитель. – Очень продуманная служба: частью религиозная, частью светская.

– Полагаю, одного псалма будет достаточно; затем «Битлз», стихотворение, немного классической музыки и пара обращений. Я не хочу затягивать процесс...

– Мы разработаем поминутное расписание...

* * *

Итак, Дайана Каупер запланировала собственные похороны, и это оказалось весьма кстати: шесть часов спустя ее убили.

На момент убийства я понятия не имел ни о ее существовании, ни об обстоятельствах смерти. Возможно, я зацепился взглядом за газетные заголовки – «УБИТА МАТЬ ИЗВЕСТНОГО АКТЕРА», – однако фотографии и большая часть статьи относились к ее знаменитому сыну, которого только что выбрали на главную роль в американском сериале. Описанный мной разговор весьма приблизителен, поскольку сам я при нем не присутствовал. Впрочем, я посетил агентство и побеседовал как с Робертом Корнуоллисом, так и с его ассистенткой (по совместительству кухней) Айрин Лоуз. Если пройти немного вперед по Фулэм-роуд, без труда можно узнать здание. Комнаты в точности такие, как я описал; остальные детали взяты из свидетельских показаний и полицейских отчетов.

Нам известно, в котором часу миссис Каупер вошла в здание: ее движения зафиксировали камеры на улице, а также в автобусе, на котором она приехала из дома (покойная всегда предпочитала общественный транспорт, хотя легко могла позволить себе шофера). Итак, без четверти двенадцать Дайана Каупер вышла из агентства, дошла до станции метро «Южный Кенсингтон» и села на линию «Пикадилли» до станции «Грин-парк». Далее: ранний ланч с другом в «Кафе Мурано», дорогом ресторане на Сент-Джеймс-стрит, возле «Фортнума и Мейсона».

Оттуда такси до театра «Глобус». Нет, она не собиралась на спектакль: Дайана состояла в совете директоров, а в этот день было назначено совещание, которое продлилось с двух до пяти. Домой она приехала в пять минут седьмого и оставила зонтик – начался дождь – в псевдовикторианской стойке у входной двери.

Тридцать минут спустя ее задушили.

Дайана Каупер жила в элегантном таунхаусе на Британия-роуд; этот район Челси в народе называли «Край света». На улице нет видеокамер, так что нам неизвестно, кто входил или выходил из дома в момент убийства. Соседские дома пустовали. Один из них принадлежал консорциуму, располагающемуся в Дубае; в другом жил старенький адвокат с женой, однако в тот день они отдыхали на юге Франции. Таким образом, никто ничего не слышал.

Через два дня, в среду утром, ее обнаружила Андреа Ключанек, уборщица-словачка, которая приходила дважды в неделю. Дайана Каупер лежала лицом вниз на полу гостиной; ее горло было обмотано красным шнуром, какими обычно подвязывают шторы. В заключении медэкспертизы, составленном в сухой, безличной манере (стандартной для таких документов), в деталях описывались травмы шеи, сломанная подъязычная кость и состояние слизистой глаз. Андреа увидела кое-что похуже. Она работала на миссис Каупер два года; хозяйка всегда обращалась с ней приветливо, часто угощала кофе. В среду, открыв дверь, уборщица наткнулась на мертвое тело – судя по всему, лежащее там уже давно. Видимая часть лица приобрела багровый оттенок; пустые глаза смотрели куда-то вдаль; изо рта вывалился язык вдвое длиннее обычного. Одна рука была вытянута вперед; палец с бриллиантовым кольцом указывал на вошедшую, словно обвинял. Тело уже начало попахивать.

Согласно показаниям, Андреа не закричала и не испытала тошноту; она тихо выскользнула из дома, позвонила с мобильного телефона в полицию и до приезда органов ждала на улице.

Первым делом полиция предположила, что Дайна Каупер стала жертвой ограбления: из дома исчезли некоторые ценные вещи, включая украшения и ноутбук. Судя по беспорядку, в комнатах явно что-то искали. Надо отметить, что никаких следов взлома не обнаружили: очевидно, миссис Каупер открыла дверь сама, однако неясно, была ли она знакома с нападавшим. Ее захватили врасплох и задушили сзади, не оставив возможности сопротивляться. Отсутствие отпечатков пальцев и следов ДНК свидетельствует о том, что преступление тщательно спланировали заранее. Предположительно, нападавший чем-то отвлек внимание хозяйки, снял шнур с крючка в гостиной, подкрался к ней сзади, набросил через голову и затянул.

Однако вскоре выяснились обстоятельства визита жертвы к «Корнуоллису и сыновьям», и тут банальное ограбление превратилось в настоящую головоломку. Сами подумайте: человек организует собственные похороны, и в тот же день его отправляют на тот свет – таких совпадений не бывает, эти два события чем-то связаны. Может, Дайана Каупер знала, что умрет? Кто-то видел ее входящей или выходящей из агентства и по какой-то причине решил действовать? Кому известно, что она там была?

Определенно, загадка требовала особого подхода и в то же время не имела ко мне ни малейшего отношения.

Впрочем, недолго...

2. Готорн

Я хорошо помню вечер убийства Дайаны Каупер: мы с женой отмечали маленький семейный праздник в «Моро» на Эксмут-маркет. В тот день я нажал кнопку «Отправить», отослав в издательство свой новый роман и оставив позади восемь месяцев работы.

«Дом шелка» – продолжение приключений Шерлока Холмса – появился в моей жизни совершенно неожиданно: ко мне обратились наследники Конана Дойла, наконец решившие предоставить права на новую книгу. Стоит ли говорить, что я с радостью ухватился за эту возможность?

Впервые я прочел рассказы о Шерлоке Холмсе в семнадцать лет; с тех пор он оставался со мной всю жизнь. И дело даже не в персонаже, которого я обожаю, хотя Шерлок Холмс, безусловно, отец всех современных детективов; и не в оригинальных, запоминающихся сюжетах. Главным образом меня привлекала Англия эпохи Холмса и Ватсона: Темза, экипажи, грохочущие по булыжным мостовым, газовые фонари, лондонский туман... Словно меня пригласили переехать на Бейкер-стрит, 221В, и стать тихим свидетелем величайшей дружбы в истории литературы. Мог ли я отказаться?

С самого начала я решил превратиться в невидимку, спрятаться за тенью Дойла, имитировать его стиль и приемы, не «хозяйничать», если можно так выразиться. Я не привносил ничего, что не мог бы написать он сам. Я упоминаю об этом лишь потому, что на страницах вот этой вот книги меня слишком много, что довольно-таки смущает. Однако здесь просто нет другого выбора – я описываю ровно то, что случилось.

В кои-то веки я не работал для телевидения. «Войну Фойла», детективный сериал времен Второй мировой, сняли с производства, и его возвращение было под большим вопросом. В общей сложности за шестнадцать лет – втрое дольше, чем длилась сама война, – я написал кучу эпизодов длительностью более двадцати двух часов. Честно говоря, я устал. Хуже того: хронологически я достиг 15 августа 1945 года – у меня попросту закончилась война, и я не знал, что делать дальше. Один из актеров предложил написать «Мир Фойла» – ну, не знаю... Вряд ли это нужно.

Кроме того, я еще не успел начать ничего нового. В то время я был известен большей частью как детский писатель, хотя втайне надеялся, что «Дом шелка» изменит ситуацию. В 2000 году я опубликовал первый роман из серии приключений шпиона-подростка по имени Алекс Райдер, который разошелся по всему миру. Мне нравилось писать для детей, однако я боялся, что с каждым годом все больше удаляюсь от своей аудитории. Мне только что исполнилось пятьдесят пять – пора двигаться дальше. Кстати, в тот момент я как раз собирался ехать на литературный фестиваль рассказывать о десятой – и предположительно последней – книге этой серии.

Пожалуй, самый увлекательный проект на моем письменном столе – сценарий фильма «Тинтин-2». К немалому изумлению, меня пригласил сам Стивен Спилберг; за режиссуру брался Питер Джексон. Я никак не мог осознать до конца, что буду работать с двумя известнейшими режиссерами в мире; сам не понимаю, как это произошло. Честно говоря, я нервничал. Я прочел сценарий раз десять и каждый раз старался убедить себя, что двигаюсь в нужном направлении. Цепляют ли герои? Достаточно ли сильна сюжетная линия? Через неделю Джексон со Спилбергом собирались приехать в Лондон, и мы договорились встретиться и обсудить замечания.

Так что когда зазвонил мобильный и на экране высветился незнакомый номер, я сперва подумал – кто-то из них. Ну, разумеется, не сами лично звонят – скорее поручили секретарше. Было примерно десять утра; я сидел у себя в кабинете на верхнем этаже и читал «Суть измены» Ребекки Уэст – классическое исследование на тему жизни в Великобритании после Второй мировой: неплохое продолжение для Фойла. А что – взять и погрузить его в мир шпионов, предателей, коммунистов, ученых-атомщиков...

Я закрыл книгу и взял трубку.

– Тони? – спросил чей-то голос.

Определенно, это не Спилберг. Мало кто зовет меня Тони. Честно говоря, я предпочитаю «Энтони» – для некоторых друзей «Энт».

– Да?

– Как дела, приятель? Это Готорн.

Вообще-то я уже и сам его узнал поговору: гласные в нос, странный акцент, частью северный, частью кокни², словечко «приятель».

– Мистер Готорн, – отозвался я. Его представили как Дэниэла, однако с самого начала мне было почему-то не комфортно звать Готорна по имени. Он и сам никогда им не пользовался. – Рад вас слышать.

– Да-да. – В голосе прозвучало явное нетерпение. – Есть минутка?

– А что такое?

– Надо бы встретиться. Чем занят после обеда?

Типичная история. У Готорна что-то вроде душевной близорукости: он видит мир лишь таким, каким хочет видеть. Он не спрашивает, смогу ли я встретиться с ним завтра или на следующей неделе; нет, все должно произойти вот прямо сейчас, когда ему надо. В принципе, особых дел у меня не было, но я вовсе не собирался об этом докладывать.

– Ну не знаю... – начал было я.

– Как насчет трех часов в том кафе, куда мы раньше ходили?

– «Джей-эн-Эй»?

– Оно самое. У меня к тебе будет просьба, и очень важная.

Кафе находилось в Клеркенуэлле, в десяти минутах ходьбы от моего дома. Если бы понадобилось ехать через весь Лондон, я бы еще подумал.

– Ладно, давайте в три.

– Отлично, приятель, до встречи!

И он нажал отбой.

Передо мной на экране компьютера все еще висел сценарий «Тинтина». Я свернул программу и задумался о Готорне.

Впервые мы познакомились год назад, когда я начал работать над телевизионным сериалом «Несправедливость». Идея этой криминальной драмы с Джеймсом Пьюрфоем в главной роли родилась из вечного вопроса, который порой задают себе сценаристы, мыкаясь в поисках свежей идеи: как адвокат может защищать заведомо виновного? Говоря коротко, никак. Если клиент признается в преступлении до суда, адвокат откажется его представлять – должны быть хотя бы малейшие основания верить в невиновность подсудимого. И так, я придумал сюжет о защитнике прав животных, который глумливо признается в убийстве ребенка сразу после того, как адвокату Уильяму Трэверсу (Пьюрфой) удалось его оправдать. В результате у Трэверса случается нервный срыв, и он уезжает в Саффолк. Однажды на станции в Ипсвиче он замечает своего подзащитного, а через несколько дней того находят мертвым. Возникает вопрос: имеет ли Трэверс отношение к его смерти?

В итоге сюжет выливается в дуэль между адвокатом и инспектором полиции, расследовавшим дело. Трэверс – темная лошадка; человек опасный, непредсказуемый. И тем не менее он – герой, зрители должны болеть за него, поэтому я сознательно наделил полицейского самыми неприятными чертами: агрессивный, раздражительный, вспыльчивый, чуть ли не расист. Я писал его с Готорна.

Справедливости ради надо отметить, что Готорн вовсе не такой. Он, например, нисколько не расист. Но раздражал он всегда невероятно – каждая встреча становилась для меня испытанием. Мы с ним – полные противоположности. Я никак не мог понять, откуда он такой взялся.

Его нашел помощник режиссера. Мне сказали, что Готорн служил инспектором в городской полиции Лондона, в районе Патни, и специализировался на убийствах, пока его вдруг не выкинули по неясным причинам после двенадцати лет службы. Вообще, на телевидении полно бывших полицейских, консультирующих съемки детективов, это обычная практика: они добавляют небольшие штрихи, придающие сюжету правдоподобность. Честно говоря, Готорн здорово помог: он инстинктивно понимал, что мне нужно и что сработает на экране. Помню такой

² Изначально – лондонский просторечный диалект, сегодня в широком смысле – диалект Юго-Восточной Англии.

пример: в одной сцене мой детектив исследует труп недельной давности, и медэксперт протягивает ему тюбик ментоловой мази, чтобы тот помазал у себя под носом, – оказывается, ментол перебивает запах. Это Готорн поддал мне идею, и если вы посмотрите серию, то сами увидите, как оживилась сцена.

Впервые мы встретились в офисе компании, снимающей сериал. По сути, у меня были его контакты, я мог связаться с ним в любое время, задать вопрос и затем вплести ответ в канву сценария. Все это можно сделать и по телефону, встреча была чистой формальностью. Когда я приехал, Готорн уже сидел в приемной, закинув ногу на ногу, сложив пальто на колени. Я сразу понял, что это он.

Готорн поднялся мне навстречу. Мужчина не крупный, и нельзя сказать, чтобы выглядел угрожающе; и все же это единственное банальное движение дало мне пищу для размышлений. В его пластике проскальзывало что-то вкрадчивое, как у пантеры или леопарда, а в карих глазах светилась странная враждебность, словно он бросал мне вызов. Около сорока; чисто выбритое лицо, коротко подстриженные волосы неопределенного цвета с легкой проседью, бледная кожа. У меня создалось ощущение, что в детстве Готорн был очень красивым ребенком, однако позднее случился некий перелом; и хотя уродливым его не назовешь, он до странного непривлекателен, похож на неудачную фотографию самого себя. Элегантный костюм, белая рубашка, галстук, плащ перекинут через руку. Он взглянул на меня с преувеличенным интересом, словно я его чем-то удивил. Уже на входе я почувствовал, как он высасывает из меня энергию.

– Здравствуйте, Энтони. Приятно познакомиться.

Откуда он меня знает? В офисе толкалась куча народу, все бродили туда-сюда, никто нас не представил, да и сам я не успел.

– Я большой поклонник вашего творчества, – продолжил Готорн, и в его тоне ясно прозвучало, что он не прочел ни строчки и ему наплевать, если я это понял.

– Спасибо.

– Я слышал о сериале, который вы хотите снимать, – звучит интересно.

Издавается, что ли? Вид у него был откровенно скучающий.

Я улыбнулся.

– Буду рад поработать с вами.

– Взаимно, – кивнул он.

Если бы...

Чаще всего мы общались по телефону, однако были и встречи – главным образом в офисе или на летней террасе кафе «Джей-эн-Эй» (он постоянно курил: самокрутки или дешевый сорт вроде «Ричмонда»). Я слышал, что Готорн живет в Эссексе, но понятия не имел, где конкретно. Он никогда не говорил о себе или о прежней работе в полиции, тем более не упоминал, чем все закончилось. Помощник режиссера рассказывал, что Готорн участвовал в расследовании весьма крупных дел и имел серьезную репутацию, однако я погуглил и ничего о нем не нашел.

Без сомнения, у него был выдающийся ум. Хотя Готорн ясно дал понять, что сам не пишет, и не проявлял ни малейшего интереса к сериалу, тем не менее он всегда предлагал нужные решения еще до того, как я просил. Вот пример: в начальных сценах Уильям Трэверс защищает чернокожего ребенка, которого полиция обвиняет в краже медали; утверждалось, что ее нашли в кармане. Однако медаль была недавно почищена, а в карманах у мальчика не обнаружили следов сульфаминовой кислоты или нашатырного спирта (типичных составляющих средства для полировки серебра), что доказывает его невиновность, – и эту «фишку» придумал Готорн.

Не стану отрицать, он мне действительно помог, и все же я немного напрягся в ожидании встречи. Готорн всегда переходил к сути, никаких светских бесед. Казалось бы, у человека должно быть свое мнение о том, что происходит вокруг, – погода, правительство, землетрясение в Фукусиме, женитьба принца Уильяма... Нет, он говорил только по делу. Заказывал кофе (черный, два кусочка сахара), курил, но никогда ничего не ел, даже печенье, и носил один и тот же костюм. Я мог бы с таким же успехом разговаривать с его фотографией.

При этом он знал кучу всего обо мне: прошлым вечером я был в пабе; мой помощник заболел; все выходные я писал... И это не я ему рассказывал, а он мне! Может, спрашивает знакомых в офисе? Однако информация всегда была абсолютно спонтанной и непредсказуемой. Мне никак не удавалось его раскусить.

Самую большую ошибку я совершил, показав ему второй черновик сценария. Обычно до начала съемок эпизода я пишу с десятков черновиков, учитывая замечания продюсера, телекомпании (в данном случае Ай-ти-ви), агента, а затем режиссера и актера, играющего главную роль. Получается такой совместный творческий вклад, хотя у меня порой голова идет кругом: да когда же всех все устроит?! Впрочем, это часть рабочего процесса; проект не буксует, а продуктивно движется вперед. Важно помнить, что поправки неизбежны и все участники действуют в общих интересах.

Готорн ничего этого не понимал. Он был похож на кирпичную стену: раз уперся рогом – все, с места не сдвинешь. К примеру, в одной сцене мой детектив встречается со старшим по званию вскоре после обнаружения тела защитника прав животных. Тот предлагает ему сесть, на что мой герой отвечает: «Сэр, я постою, если вы не против». Мелочь, ничего особенного – я лишь хотел показать, что у моего героя проблемы с подчинением, однако Готорн и слышать об этом не желал.

– Неправдоподобно, – отрезал он.

Мы сидели возле «Старбакса» (забыл, где именно); между нами на столике лежал сценарий. Готорн в костюме и галстук, как обычно, докуривал последнюю сигарету, используя пустую пачку в качестве пепельницы.

– Почему?

– Если начальник велит тебе сесть, ты садишься.

– Так он и сел в итоге.

– Да, но перед этим поспорил. На хрена? Только выставил себя идиотом.

(Кстати, Готорн постоянно выражался. Если передавать его реплики в точности, пришлось бы вставлять мат через раз.)

Я попробовал объяснить:

– Актеры поймут, к чему я клоню. Это ключевая деталь к пониманию взаимоотношений начальника и подчиненного.

– Неправдоподобно! Херня собачья!

Я снова попытался донести, что правда бывает разная, что кино порой имеет мало отношения к реальной жизни; наши представления о полицейских, врачах, даже преступниках складываются из картинки, которую мы видим на экране, а не наоборот. Однако Готорна было не переубедить. Он прочел сценарий, и ему не понравилось. Мы спорили по каждой сцене, связанной с полицией. Он не видел сюжет, он видел лишь бумажную работу, протокол, угловатые настольные лампы...

Когда были написаны сценарии для всех пяти серий, я облегченно выдохнул. Дальнейшие контакты я перепоручил студии.

Сериал снимали в Лондоне и Саффолке. Детектива играл блестящий актер Чарли Крид-Майлз. Самое смешное, он был поразительно похож на Готорна, но этим дело не заканчивалось. Готорн произвел на меня столь глубокое впечатление, что я сознательно добавил герою его негативные черты. Даже имена у них связаны: Даниил и Марк – библейские персонажи, а Готорна я заменил Уэнборном. Я частенько так делаю. Когда я «убил» его, уронив с лестницы в четвертой серии, то поймал себя на том, что улыбаюсь.

Мне было интересно, чего он хотел, но в то же время меня не покидало недоброе предчувствие. Готорн не принадлежал к моему кругу общения и, честно говоря, сейчас был мне попросту не нужен. С другой стороны, я еще не обедал, а в «Джей-эн-Эй» лучшие пироги во всем Лондоне. Кафе расположено в переулке недалеко от Клеркенуэлл-роуд, и народу там обычно немного.

Готорн дождался снаружи с кофе и сигаретой. На нем был все тот же костюм, неизменный галстук и плащ. Он поднял голову и кивнул вместо приветствия.

– Ну как сериал?

– Что ж вы не пришли на просмотр? – спросил я.

Мы сняли отель в Лондоне и показали первые две серии актерам и съемочной бригаде; Готорна тоже приглашали.

– Занят был.

Подождал официантка, я заказал чай и кусок пирога. Знаю-знаю, не слишком полезно, но вы сами попробуйте провести восемь часов в день наедине с самим собой. Когда-то я курил между главами, но уже тридцать лет как бросил. Хотя пироги, возможно, столь же опасны для здоровья.

– Как дела? – вежливо спросил я.

Готорн пожал плечами.

– Не жалею. – Он скользнул по мне взглядом. – Ездил за город?

Я действительно утром вернулся из Саффолка – мы с женой уезжали на выходные.

– Да.

– И завел щенка!

В этом он весь. Я никому не сообщал, где был, ни в каких соцсетях ничего не писал. Что касается щенка, то он принадлежал соседям, мы лишь присматривали за ним в их отсутствие.

– Откуда вы знаете?

– Да так, сообразил. – Он жестом отмахнулся от расспросов. – Мне нужна твоя помощь.

– В чем?

– Я хочу, чтобы ты обо мне написал.

Каждый раз Готорну удавалось меня удивить. Большинство людей предсказуемо: сближаешься с ними, определяешь рамки отношений, некие условные правила взаимодействия, и дальше все работает в этих рамках. С ним же никогда не знаешь, чего ожидать. Только вроде начнешь понимать, куда клонит, ан нет – ошибся!

– В каком смысле?

– Я хочу, чтобы ты написал книгу со мной в главной роли.

– Э-э... А зачем?

– Ради денег.

– Вы хотите мне заплатить?

– Нет, я рассчитывал пятьдесят на пятьдесят.

Вошла пара; выигрывая время, я подождал, пока они пройдут мимо и сядут за соседний столик. Я боялся ему отказать...

– Не понимаю. О чем конкретно идет речь?

Готорн уставился на меня мутными глазами мальчика-хориста.

– Ну смотри, – начал он, словно пытался объяснить очевидное на пальцах. – Как ты знаешь, я иногда работаю на ТВ. Возможно, слышал, что меня выставили из полиции; им же хуже... Не суть, тема закрыта. Так вот, вдобавок я немного консультирую бывших коллег – неофициально, разумеется. Когда у них случается что-то из ряда вон выходящее, не вписывающееся в стандартную практику, – тогда они приходят ко мне.

– Вы серьезно? – Трудно было в это поверить.

– Вот так сейчас обстоят дела. У них там столько сокращений, что работать некому. Слышал о «Группе-4» и «Серко»? Сборище кретинов, да и те постоянно меняются. Присылают следаков, которые в четырех углах путаются, – и это еще не все. Раньше у нас в Ламбете была крупная лаборатория – туда посылали образцы крови и всякое такое; так вот, ее продали и теперь обращаются к частным компаниям. Занимает вдвое больше времени и в два раза дороже, но им на это наплевать. Вот и со мной та же петрушка, я – внешний ресурс.

Готорн умолк, будто проверяя, слежу ли я за ходом мысли. Я кивнул. Он зажег сигарету и продолжил:

– В принципе, я с этого неплохо имею: суточные плюс дополнительные расходы. Одна беда – работы сейчас мало. Поэтому когда мне сказали, что ты пишешь книги, то я подумал, что мы могли бы друг другу помочь. Иногда присылают весьма интересные дела. Напишешь, как я расследую преступление, а прибыль пополам.

– Но я вас почти не знаю!

– Ничего, узнаешь. Кстати, у меня сейчас одно дельце – думаю, как раз по теме.

Официантка принесла чай с пирогом, но мне уже ничего не хотелось – скорей бы домой.

– А почему вы решили, что кому-то будет интересно о вас читать?

– Я – детектив, людям нравится читать про детективов.

– Вы не настоящий полицейский, вас уволили... Кстати, за что?

– Не хочу об этом.

– Придется. Я должен знать, где вы живете, женаты ли, что едите на завтрак, чем занимаетесь в выходные – именно поэтому люди читают детективные повести.

– Думаешь?

– Конечно!

Готорн покачал головой.

– Не согласен. Есть ключевое слово. И это слово – *Убийство*, остальное неважно.

– Мне очень жаль... – Я старался донести свой отказ как можно мягче. – Идея, конечно, хорошая, и я не сомневаюсь, что у вас на руках захватывающее дело, однако, увы, я слишком занят. Да и вообще, это не мой профиль – я пишу о вымышленных детективах. Вот, к примеру, только что закончил повесть о Шерлоке Холмсе, а до того писал сценарии к сериалам «Пуаро» и «Чисто английские убийства». Я – беллетрист, вам же нужен тот, кто пишет о настоящих преступлениях.

– А какая разница?

– Огромная! Я сам управляю сюжетом, я знаю, о чем пишу: сочиняю мотив, улики, подсказки – в этом половина удовольствия! Если я буду просто следовать за вами и записывать, что мне это даст? Нет, извините, неинтересно.

Готорн смотрел на меня поверх кончика сигареты. Он не выглядел ни удивленным, ни обиженным, словно заранее знал, что я скажу.

– Книга могла бы выйти большим тиражом. Проще простого: я предоставлю все, что нужно. Хочешь, расскажу, над чем я сейчас работаю?

Я вовсе не хотел, но он уже продолжал:

– Женщина приходит в агентство ритуальных услуг в Южном Кенсингтоне, организывает собственные похороны вплоть до мелочей, и в тот же день, шесть часов спустя, ее убивают. Согласись, довольно необычно.

– А кто она?

– В данный момент ее фамилия не играет никакой роли. Важно, что она была богата, у нее знаменитый сын, и еще один нюанс: насколько мы знаем, у нее не было врагов – все ее любили. Поэтому меня и позвали – концы с концами не сходятся.

Надо признаться, я почувствовал легкий соблазн.

Самое сложное в написании детективных рассказов – разработка сюжета, и как раз в этот момент у меня в голове было пусто. В конце концов, причины убийства рано или поздно исчерпываются. Либо вам что-то нужно от человека: его деньги, его жена, его работа, либо он вас шантажирует, либо месть или случайность. После двадцати двух эпизодов «Войны Фойла» я перебрал все возможные варианты.

Далее встает вопрос сбора информации. Если, к примеру, я назначаю убийцей шеф-повара в отеле, мне нужно создать некий мир, вникнуть в схему бизнеса, сделать его правдоподобным, а это тяжелая работа – притом что он лишь один из двадцати-тридцати действующих лиц, смутно маячащих в голове. Мне нужно будет разобраться в стандартных полицейских процедурах: отпечатки пальцев, медэкспертиза, ДНК и все остальное. Могут пройти месяцы, прежде чем я напишу первое слово.

И вообще я устал... Хватит ли у меня сил на очередную книгу, ведь я только что закончил «Дом шелка»?

По сути, Готорн предлагал мне срезать углы, подавал всю историю на блюдечке. И он был прав – дело и впрямь интересное. Женщина приходит в салон ритуальных услуг... Неплохое начало, весьма неплохое. Я уже видел перед глазами первую главу: весеннее солнце, престижный район, женщина переходит улицу...

Нет, немыслимо.

– Откуда вы узнали? – спросил я вдруг.

– О чем?

– Ну вот вы говорили, что я вернулся из деревни и что у меня щенок. Кто вам сказал?

– Никто.

– Так откуда же вы узнали?

Готорн поморщился – явно не хотелось объяснять; в то же время я ему был нужен, а значит, у меня преимущество.

– У тебя грязь на туфлях, – пробурчал он. – За последнюю неделю в Лондоне дождя не было, зато в прогнозе передавали дождь на восточном побережье. Я слышал, что у тебя домик в Орфорде, вот и предположил.

– А щенок?
– На джинсах, чуть пониже колена, отпечаток лапы.
Я нагнулся: и действительно, едва видные следы – сам бы даже не заметил.
– Погоди-ка... А откуда ты узнал, что это щенок? Может, просто маленькая собачка? Или вообще на улице встретился приبلудный пес?
Готорн посмотрел на меня снисходительно.
– Кто-то методично жевал твой левый шнурок. Вряд ли это был ты сам.
Я не стал даже проверять. Надо сказать, он умел произвести впечатление и в то же время чем-то неуловимо раздражал.
– Извините, – покачал я головой. – Звучит, конечно, интересно, и вы наверняка найдете подходящую кандидатуру – журналиста или что-то вроде того. Даже если бы я захотел, то не смог бы – я сейчас занят.
Интересно, как он отреагирует?
И снова Готорн обманул ожидания – он лишь пожал плечами и встал.
– Ну ладно, мое дело – предложить. Я заплачу? – спросил он, кивая на стол.
– Нет-нет, я сам.
– Я пил кофе.
– Да, хорошо.
– Что ж, если передумаешь, звони.
– Да, конечно. Если хотите, я поговорю со своим агентом, она сможет подыскать кого-нибудь подходящего.
– Не беспокойся, сам найду.
Я доел пирог – жалко было выбрасывать, – затем вернулся домой и остаток вечера провел за чтением. О Готорне пытался не думать, но никак не мог выбросить его из головы.
Самое сложное для профессионального писателя – отказываться от работы. Ты закрываешь дверь, которая может больше никогда не открыться; кто знает, что ты потерял? Как-то раз мне позвонила продюсер и предложила поработать над мюзиклом, составленным из песен шведской поп-группы. Я отказался, и что в результате? Теперь на афишах Матта Миа! нет моей фамилии (не говоря уж об авторских отчислениях). Кстати, не жалею: далеко не факт, что у меня вышло бы лучше. Это так, для примера, чтобы показать, в каком тумане неуверенности барахтается автор в наши дни. Необычное преступление, притом настоящее. Женщина посещает агентство ритуальных услуг... Блестящего детектива призывают в качестве консультанта... Не сделал ли я очередной ошибки, отказавшись?..
Я раскрыл книгу и вернулся к работе.

* * *

Два дня спустя я поехал на литературный фестиваль.
Удивительно, сколько сейчас проводят фестивалей по всему миру! Я знаком с писателями, которые вообще больше не пишут – знай себе ездят с одной тусовки на другую. Интересно, как бы я выкручивался, если бы родился заикой или стеснительным? Современный писатель должен уметь общаться с публикой, зачастую весьма обширной; ему практически приходится играть роль эстрадного комика, разве что вопросы никогда не меняются и шутки всегда одинаковые.
В одной только Великобритании полно фестивалей: детективы в Харрогейте, детские книги в Бате, поэзия в Альдебурге; и все же Хэй, проходящий на окраине крошечного городка посреди грязного поля, почему-то стал самым популярным. Сюда приезжают за сотни миль; среди выступающих успели побывать два президента США, парочка знаменитых грабителей поезда и Дж. К. Роулинг. Было весело общаться с пятью сотнями подростков под огромным тентом. Как обычно, присутствовали и взрослые: те, кто знал меня по сериалам, часто приходили на встречи и просиживали положенные сорок минут «Алекса Райдера», чтобы поговорить о «Войне Фойла».
Сессия прошла неплохо: дети вели себя оживленно, некоторые задавали интересные вопросы. Мне даже удалось к месту впихнуть Фойла. Через час организатор подал знак сворачиваться, и тут случилось нечто странное.

В первом ряду сидела женщина. Сперва я принял ее за учительницу или библиотекаря. Около сорока, ничем не примечательная внешность, длинные светлые волосы, очки на цепочке. Я обратил на нее внимание потому, что она сидела одна. Похоже, ее несколько не интересует мое выступление – ноль реакции даже на шутки. Журналистка? В наши дни газеты часто присылают репортеров, только и ждущих неосторожного слова, которое можно вырвать из контекста и использовать против тебя. Так что когда она подняла руку и ей передали микрофон, я держался настороже.

– Скажите, пожалуйста, почему вы пишете о вымышленных событиях? Вам никогда не хотелось написать правдивую историю?

К большинству вопросов на литературных фестивалях я давно привык: где я черпаю идеи, кто мои любимые персонажи, сколько времени занимает написать книгу? На этот раз я был порядком сбит с толку. Вроде бы и тон не враждебный, но что-то в ней раздражало...

– Погодите, «Война Фойла» основана на реальных событиях, – возразил я и уже собирался рассказать, как изучал материалы, как всю прошлую неделю читал об Алане Мэе, который поставлял информацию об атомных разработках Советскому Союзу, но тут она меня перебила:

– Разумеется, но ведь сами преступления не настоящие. Да и другие ваши сериалы – «Пуаро», «Чисто английское убийство» – абсолютно вымышленные. Вы пишете повести о четырнадцатилетнем мальчике-шпионе... Не хочу показаться грубой, однако создается ощущение, что вы не интересуетесь реальным миром.

– А что такое «реальный мир»? – не выдержал я.

– Обычные, живые люди.

Кое-кто из детей заерзал. Пора закругляться.

– Мне нравится беллетристика, вот я ее и создаю.

– А вы не боитесь, что ваши книги не будут воспринимать всерьез?

– Для этого они вовсе не должны быть «реальными».

– Извините. Мне правда нравятся ваши сочинения, просто я с вами не согласна.

Странное совпадение – это и предложение Готорна, сделанное пару дней назад.

Перед уходом я поискал ее глазами, но не нашел; за автографом она не подошла.

На обратном пути ее слова не выходили у меня из головы. А если она права? Может, я слишком зацкливаюсь на вымышленном? Я как раз планировал перейти на взрослую прозу, однако моя первая проба, «Дом шелка», бесконечно далека от современного мира – дальше просто некуда! Некоторые мои телесериалы – например, «Несправедливость» – основаны на вполне узнаваемом материале Лондона двадцать первого века. С другой стороны, я слишком давно погружен в мир собственного воображения и скоро утрачу связь с реальностью. Или уже утратил... Может, краткий курс «настоящей жизни» пойдет мне на пользу?..

Долог путь из Хей-он-Уай до Паддингтона. К тому времени, как я добрался, решение было принято. Едва войдя в дом, я снял телефонную трубку.

– Готорн?

– Тони?

– Ладно, я согласен – пятьдесят на пятьдесят.

3. Первая глава

Готорну первая глава не понравилась.

Тут я немного забегаю вперед; на самом деле я показал ему черновик на второй день расследования, да и то с неохотой. Я слишком хорошо помнил, как было дело с «Несправедливостью», и предпочел бы еще придержать рукопись «под сукном», однако он настоял; а поскольку мы – равные партнеры, как я мог отказать? Ладно, не суть. Я стараюсь лишь продемонстрировать, как создавалась книга, обнародовать все ходы, стратегию «ведения боевых действий», так сказать. Слова-то мои, а вот действия – его, и, по правде говоря, первые со вторыми не сходились.

Мы сидели в «Старбаксе» на Нью-Кингс-роуд, в паре минут ходьбы от дома Дайаны Каупер. Я скинул ему черновик на электронную почту, и когда он вытащил из портфеля распечатанные листы, сплошь покрытые красными кружками и крестиками, я понял, что дело плохо. Я очень сложно отношусь к критике своих текстов. Ведь мною обдумывается буквально каждое слово («обдумывается» или «обсасывается»? может, обойтись без «буквально»?). Когда я согласился работать с Готорном, то по умолчанию предположил, что он будет заниматься расследованием, а я – непосредственно текстом, но он живо лишил меня иллюзий.

– Все не так, – начал он. – Ты вводишь читателя в заблуждение.

– Что вы имеете в виду?

– Да вот хоть самое первое предложение.

Я перечел написанное:

«Ясным весенним утром, в один из тех погожих дней, когда солнце обманчиво обещает тепло, Дайана Каупер перешла Фулэм-роуд и открыла дверь агентства ритуальных услуг».

– Ну и что здесь не так?

– Жертва приехала на автобусе – это зафиксировали камеры. Кроме того, ее запомнил водитель, давший показания. Остается непонятным следующий факт: зачем ты написал, что она перешла дорогу?

– А почему бы и нет?

– Да потому что вранье! Она села в автобус номер четырнадцать на остановке «Челси Виллидж» ровно напротив Британия-роуд и проследовала далее со всеми остановками: «Футбольный клуб», «Гортензия-роуд», «Эдит-гроув», «Вестминстерская больница», «Бофорт-стрит» и, наконец, «Олд-Черч-стрит», где и вышла.

– У вас доскональное знание автобусных маршрутов, но я не улавливаю: к чему все это?

– Ей не пришлось переходить дорогу: выйдя из автобуса, она оказалась на нужной стороне.

– И в чем разница?

– Разница существенная. Если она действительно пересекла дорогу, значит, заходила куда-то еще – и это может оказаться важным. Например, в банк, где сняла кучу денег. Могла поссориться с кем-то, за ней следили... Могла остановиться перед движущейся машиной – возникла перебранка... Что ты на меня так смотришь? В наши дни убийства на почве дорожной агрессии – дело заурядное. И вообще, ты упустил факты: она проснулась в своем доме – одна, позавтракала и первым делом поехала в агентство.

– Так как, по-вашему, надо?

Готорн уже нацарапал что-то на листке бумаги и протянул мне. Я прочел:

«Ровно в одиннадцать семнадцать Дайана Джейн Каупер вышла из автобуса номер четырнадцать на остановке 'Олд-Черч-стрит', повернула в обратном направлении, проследовала двадцать пять метров и вошла в помещение агентства ритуальных услуг 'Корнуоллис и сыновья'».

– Исключено! – воспротивился я. – Какой-то полицейский отчет!
– Зато достоверно. И еще: к чему тут колокольчик?
– Какой колокольчик?
– В четвертом параграфе, вот здесь. Ты пишешь, что на двери висел колокольчик, – не было там ничего подобного.

Я медленно выдохнул. Мне еще предстояло узнать, что Готорн способен довести меня до белого каления как никто...

– Колокольчик я добавил для атмосферы. Старомодный семейный бизнес, традиции и все такое. Должны же в романе быть литературные допущения!

– Не знаю, но разница существенная. А что, если кто-то последовал за ней в агентство и подслушал разговор?

– Тот, с кем она поссорилась? – саркастически поинтересовался я. – Или тот, с кем встретишься в банке?

Готорн пожал плечами.

– То, что между организацией похорон и убийством существует связь, – твоя идея. По крайней мере, в этом ты пытаешься убедить своих читателей. – Последнее слово он произнес с отяжкой, словно ругательство. – Однако нужно принимать во внимание и другие варианты. Возможно, это чистой воды совпадение, хотя скажу тебе честно – я в совпадения не верю. Я работаю в этой сфере уже двадцать лет и всегда убеждался, что всему есть объяснение. Допустим, миссис Каупер знала, что собирается умереть: ей угрожают, выхода нет. Тогда почему она не обратилась в полицию? И третий вариант: кто-то ее выследил и беспрепятственно подслушал весь разговор, поскольку чертова колокольчика на двери нет! Кто угодно мог зайти и выйти незамеченным – а у тебя эта версия исключается.

– Ладно, уберу.

– И ручку «Монблан» тоже.

– А ее-то почему?.. Ладно-ладно, неважно, уберу.

Готорн тыкал пальцем в страницы, словно пытаюсь найти хоть одно предложение, которое его устроило бы.

– Ты как-то выборочно работаешь с информацией, – произнес он наконец.

– В смысле?

– Ну вот ты пишешь, что миссис Каупер пользовалась только общественным транспортом, но не объясняешь почему.

– Тут же сказано – причуда!

– Боюсь, ты судишь слишком поверхностно, приятель. И потом, еще похороны: тебе в деталях известно, какую службу она заказала, однако об этом ты не упомянул.

– Ну как же – псалом, «Битлз»!

– Какой именно псалом? Какую конкретно песню «Битлов»?

Готорн вытащил из кармана блокнот.

– Псалом 33: *«Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих»*. Далее песня «Битлз» под названием «Элинон Ригби». Затем стихотворение некоей Сильвии Плат; тут я рассчитываю на твою помощь – прочел и ни хрена не понял. Потом идет классическая музыка: «Марш принца датского» Джеремайи Кларка. Под конец ее сын должен произнести речь... как там говорят...

– Надгробное слово.

– По хрену. А еще тебе стоило упомянуть, с кем она обедала в «Кафе Мурано»: с театральным продюсером Реймондом Клунсом.

– Подозреваемый?

– Ну прикинь: она только что потеряла пятьдесят штук на постановке мюзикла, который он продюсировал. Деньги и убийство частенько идут рука об руку.

– Что еще я упустил?

– Ты не счел нужным уточнить, что именно в этот день миссис Каупер уволилась из совета директоров театра «Глобус». Двенадцать лет заседала – и вдруг решила все бросить. Потом Андреа Ключанек, уборщица. С чего ты взял, что она осторожно вышла на улицу на цыпочках и вызвала полицию?

– Так написано в ее свидетельских показаниях.

– Да, я читал. А если она врет?

– С чего бы ей?

– Ну не знаю, приятель... Только учти – у нее уже есть судимость, так что она может оказаться вовсе не такой белой и пушистой...

– Откуда вы знаете?

– Проверил. И, наконец, Дэмиэн Каупер, сын жертвы. Стоило бы упомянуть, что он унаследовал от мамочки два с половиной миллиона фунтов – весьма кстати, учитывая его финансовые проблемы.

Я вдруг ощутил противную пустоту в желудке.

– Что за проблемы?

– Насколько я понял, большую часть денег он попросту «вынюхал», однако есть еще дом на Голливуд-Хиллс, бассейн, «Порше», все дела. Есть также английская подружка, родила от него, но вряд ли сильно к нему привязана, учитывая, сколько баб ошивается возле парня...

– Ну хоть что-нибудь в этой главе можно оставить? – спросил я с тоской.

Готорн задумался.

– Мне понравилась хохма про «Край света».

Я уныло смотрел на страницы, веером рассыпанные на столе.

– Зря мы все это затеяли...

Готорн впервые улыбнулся, и в его улыбке вдруг проглянул маленький мальчик. Казалось, частичка души, запертая глубоко внутри, пытается прорваться наружу сквозь костюм, галстук, бледные черты лица, недобрый взгляд...

– Придержи коней, приятель, это всего лишь первая глава. Порви да напиши заново, делов-то. Главное – мы должны выработать совместную стратегию...

Он замешкался, подбирая слова.

– Модус операнди³, – подсказал я.

Готорн ткнул в мою сторону указательным пальцем.

– Вот только не надо всяких умных фразочек – это как раз и отталкивает людей! Не надо. Просто записывай все, что происходит. Мы поедем на место преступления, поговорим со свидетелями; я предоставлю подробную информацию. Тебе лишь нужно сесть и записать все в правильном порядке.

– А если вы не сможете раскрыть преступление? – усомнился я. – А если полиция первой выяснит, кто убил Дайану Каупер?

Готорн явно оскорбился таким предположением.

– Кучка никчемных болванов? Если бы у них была хоть малейшая зацепка, меня бы не позвали! Большая часть убийств раскрывается в течение сорока восьми часов. Почему? Да потому, что убийцы зачастую не осознают своих действий, все происходит спонтанно: вышел из себя, потерял контроль, и привет. А когда спохватываются и начинают думать о пятнах крови, номерах машин, видеокамерах, уже поздно. Некоторые пытаются замести следы, но с уровнем современной медэкспертизы у них ни малейших шансов.

Однако попадаетесь мизерный процент преднамеренных убийств, когда все спланировано заранее. Например, заказные убийства или какой-нибудь урод забавляется... Полиция такие вещи нюхом чует. Тогда-то меня и зовут – знают, что сами не справятся. Короче, ты должен мне доверять. Если нужны дополнительные детали – спрашивай, если нет – просто записывай все, что видишь. Это тебе не «Тинтин». Договорились?

– Пойдите... – Снова Готорну удалось выбить меня из равновесия. – Откуда вы знаете про «Тинтина»? Я вам ничего такого не говорил!

– Ты сказал, что работаешь со Спилбергом, а он как раз занимается режиссурой...

– Он продюсирует.

– Так что же заставило тебя передумать? Жена? Небось решающее слово всегда за ней?

– Так, стоп! – воскликнул я. – Если хотите выработать правила, вот вам главное: никогда не спрашивайте о моей личной жизни! О книгах, о сериалах, о семье, о друзьях...

³ Образ действий (*лат.*).

– Показательно, в каком порядке ты их расположил...

– Я напишу о вас, об этом деле, и когда вы его раскроете – если вам, конечно, удастся, – посмотрим, смогу ли я заинтересовать своего издателя. Запомните одно – я не позволю на меня давить! Это моя книга, и решать, что в ней и как, буду я!

Готорн удивленно поднял брови.

– Спокойно, Тони! Я всего лишь хотел помочь.

В итоге мы пришли к соглашению: я больше не показываю Готорну черновик – уж точно не в процессе и вряд ли даже после окончания. Я буду писать о чем хочу, критиковать его действия, вставлять свои размышления по ходу и так далее. Как только дело дойдет до места преступления, допросов и прочих моментов, я буду строго придерживаться фактов: воздержусь от излишних фантазий, экстраполяций и тому подобного, чтобы не увести читателя в сторону.

Что касается первой главы – забудьте про колокольчик и ручку «Монблан». Дайана Каупер обедала с Реймондом Клунсом, а Андреа Ключанек, возможно, лжет; зато все остальное, включая улику, явно указывающую на личность убийцы, абсолютно достоверно – ручаюсь.

4. Место преступления

В понедельник утром я отправился осматривать место преступления. У дома торчал полицейский; калитку преграждала полосатая лента с надписью: «Полиция! Не входить!» – однако он впустил меня, даже не спросив имени: видимо, его предупредили. Я обогнул небольшую лужу у крыльца и вошел в дом.

С момента убийства прошло четыре дня. В выходные я просматривал копии полицейских отчетов, присланные Готорном; к письму он прикрепил записку с просьбой явиться на место к девяти утра.

Обычно я посещаю сцены преступления, которые сам же и создал. Нет нужды их описывать: режиссер, ассистент по натурным съемкам, художник-постановщик и бутафоры все сделают за меня – от мебели до цвета стен. Я больше сосредоточен на деталях: треснутое зеркало, кровавый отпечаток на подоконнике; словом, все, что важно для развития сюжета, хотя они могут появиться и не сразу – зависит от того, куда направлена камера. Я часто переживаю, что комната покажется зрителям слишком большой для предполагаемой жертвы, однако на съемках сюда влезает человек десять-двадцать, и никто их не замечает. Обычно съемочный павильон настолько забит актерами, техниками, световыми приборами, проводами, тележками и прочим, что невозможно представить, как сцена будет выглядеть на экране.

Вообще, надо сказать, для писателя это очень странное ощущение – присутствовать на съемочной площадке. Трудно объяснить волнение, с каким я вхожу в мир, возникший первоначально в моей голове и воплощенный другими. Правда, тут я совершенно бесполезен, и где бы я ни стоял, обязательно буду мешаться под ногами; тем не менее съемочная бригада неизменно вежлива со мной, даже если нам нечего сказать друг другу. Моя работа закончена, их работа только начинается. Я прихожу, сажусь на складной стул с моей фамилией на спинке, наблюдаю со стороны, болтаю с актерами. Иногда мне приносят чай в пластиковом стаканчике. Словом, ничего особенного; и все же приятно, что это мое, некая частичка меня...

Другое дело – гостиная миссис Каупер. Ступив на толстый ковер с цветочным узором, оглядев хрустальную люстру, псевдоантикварную мебель, «Кантри лайф» и «Вэнити фэйр» на кофейном столике, книги на стеллажах (современная литература, твердая обложка, ничего моего), я почувствовал себя чужаком, словно зашел в музей, бывший когда-то частной квартирой.

Тут и там виднелись желтые ярлычки с номерами вещественных улик, хотя их было не так много. На комодe стоял полный стакан (12) с содержимым, напоминающим воду, а рядом с ним – кредитка (14) на имя Дайаны Каупер. Важные улики? Трудно сказать с первого взгляда...

В комнате три окна, на каждом – пара бархатных занавесей до пола. Пять из них подвязаны красным шнурком с кисточкой, последний (6), ближайший к двери, висит свободно. Тут я вспомнил, что прямо на этом месте совсем недавно задушили женщину. Невольно перед внутренним взором предстала картина: выпученные глаза, руки молотят по воздуху... Я глянул вниз и заметил на ковре пятно, отмеченное двумя номерками: перед смертью у жертвы опорожнился кишечник. Как правило, для зрителей канала Ай-ти-ви я стараюсь не акцентироваться на таких подробностях.

В комнату вошел Готорн, одетый, как всегда, в тот же костюм (все, больше нет нужды это повторять). На ходу он ел сэндвич, и до меня не сразу дошло, что он приготовил его самостоятельно на кухне миссис Каупер. Я так и застыл на месте.

– Чего? – прошамкал он полным ртом.

– Ничего.

– Ты уже завтракал?

– Спасибо, я не голоден.

Должно быть, он уловил неприязнь в моем тоне.

– Жалко выбрасывать, а ей все равно уже не понадобится. Ну что скажешь? – Он неопределенно повел рукой с сэндвичем вдоль комнаты.

Я не знал, что ответить. В гостиной было очень чисто. Кроме телевизора с плоским экраном – он скорее стоял на стойке, чем был прикреплен к стене, – все принадлежало прошлой эпохе. Дайана Каупер жила опрятно: журналы разложены ровно так, как нужно, элементы декора – стеклянные вазы, китайские фигурки – регулярно протирались от пыли. Она даже умерла опрятно: никаких следов борьбы. Нападавший оставил лишь грязный отпечаток ботинка на ковре у двери. Представляю, как нахмурилась бы хозяйка. К тому же ее не избили, не изнасиловали. В каком-то смысле это убийство можно считать... сдержанным.

– Она знала убийцу, но не близко, – нарушил молчание Готорн. – Мужчина ростом по меньшей мере шесть футов, плотного телосложения, близорукий. Пришел с четким намерением убить и надолго не задержался. Миссис Каупер вышла на кухню, оставив его одного – надеялась, что сам уйдет. Совершив убийство, он обыскал дом и прихватил кое-какие вещи, но лишь для отвода глаз. Тут что-то личное...

– Откуда вы все знаете?

Едва произнеся эти слова, я тут же рассердился на себя – угодил прямо в расставленную ловушку!

– Когда он пришел, было уже темно, – пояснил Готорн. – В окрестностях недавно прокатилась волна ограблений. Одинокая женщина средних лет, живущая в престижном районе, не станет открывать дверь незнакомцу. Определенно, это был мужчина. Я, конечно, слышал о женщинах-душительницах, но они встречаются крайне редко, поверь на слово. Рост жертвы – пять футов три дюйма; удобства ради предположим, что убийца был выше. Подъязычная кость сломана – это говорит о достаточной физической силе; хотя надо признать, жертва была старой склочницей, так что могла и сама сломать рано или поздно... Откуда я знаю, что он пришел ее убить? По трем причинам. Во-первых, убийца не оставил следов. Вечер был теплый, однако он позаботился надеть перчатки. Далее, он не задержался надолго. Как видишь, в комнате нет ни кофейных чашек, ни пустых бокалов. Дело было около шести: приятелю она предложила бы выпить.

– Он мог торопиться, – предположил я.

– Взгляни на диванные подушки – он даже не присел.

Я подошел к комоду и едва удержался, чтобы не взяться за стакан. Странно, что полиция его оставила.

– А разве они не должны были забрать содержимое на анализ? – спросил я.

– Уже принесли обратно.

– Зачем?

– Для меня.

Он криво улыбнулся и прикончил остатки сэндвича.

– Значит, кто-то все-таки пил...

– Это всего лишь вода. Думаю, дело было так: перед уходом он попросил стакан воды, чтобы она вышла из комнаты. Тогда у него появилось время снять шнур с занавески. При ней он не мог этого сделать, логично?

– Но он не пил?

– Не хотел оставлять свою ДНК.

– А кредитка?

На карточке значилось: МИССИС ДАЙАНА ДЖ. КАУПЕР; выпущена банком «Баркли», срок истекает в ноябре – через полгода.

– А вот это уже интересно. Почему кредитка не в кошельке? Жертва вытаскала ее, чтобы расплатиться? Отпечатки пальцев принадлежат лишь владелице. Хорошо, предположим: кто-то попросил ее расплатиться, и пока она возилась с кошельком, подкрался сзади и задушил. Нет, тогда карточка валялась бы на полу... – Готорн покачал головой. – С другой стороны, это может и не иметь отношения к делу. Посмотрим...

– Вы сказали, что убийца близорук, – напомнил я.

– Ага...

– Потому что он не заметил бриллиантового кольца на пальце, – встрял я, не давая Готорну шанса разжевать все самому. – Наверное, стоит целое состояние.

– Нет-нет, приятель, как раз наоборот. Кольцо ему было совершенно неинтересно. Он взял кое-какие драгоценности и ноутбук, чтобы выглядело как ограбление, но то ли забыл про кольцо,

то ли не смог снять, а с секатором решил не заморачиваться. Нет, убийца никак не мог его просмотреть, он же приблизился к ней вплотную, пока душил.

– Тогда откуда вы знаете, что у него плохое зрение?

– Он наступил в лужу у крыльца и оставил отпечаток на ковре. Кстати, похоже на мужской ботинок. Во всем остальном он действовал осмотрительно, упустил лишь эту деталь. Ты не хочешь записать?

– И так запомню. – Я достал айфон. – Только сниму кое-что, если можно.

– Валяй. – Готорн указал на черно-белую фотографию мужчины около сорока. – Вот его не забудь.

– А кто это?

– Скорее всего, муж – Лоуренс Каупер.

– В разводе?

Готорн бросил на меня иронический взгляд.

– По-твоему, она стала бы хранить фотографию бывшего? Он умер двенадцать лет назад – рак.

После этого мы с Готорном обошли весь дом, комнату за комнатой; я фотографировал все, на что он указывал. Начали с кухни, похожей на выставочный образец: оборудована по последнему слову техники, однако использовалась явно редко. При желании хозяйка могла бы готовить еду ресторанного уровня на десятерых, а сама наверняка ужинала вареным яичком и парой тостов. Холодильник был покрыт магнитами: классическое искусство и знаменитые цитаты Шекспира. Наверху – жестяная коробочка с изображением принца Каспиана из фильма про Нарнию. Взяв полотенце, Готорн осторожно открыл ее и заглянул внутрь: пара монет, больше ничего.

В кухне царил порядок, каждая вещь на своем месте. На подоконнике – книги рецептов от шеф-поваров Джейми Оливера и Оттоленги; на полке возле тостера – блокноты и недавние письма; в углу – доска с планом покупок на неделю. Готорн просмотрел письма и вернул на место. К стене крепился держатель в виде деревянной рыбы с пятью крючками, на которых висели ключи – четыре комплекта, каждый аккуратно помечен: входная дверь, задняя дверь, подвал и «Стонор-Хаус».

– А это что такое? – спросил я.

– Дайана Каупер жила там до переезда в Лондон. Это в Уолмере, графство Кент.

– Странно, что она сохранила ключ...

В ящике лежали старые письма и счета, а также буклет мюзикла под названием «Марокканские ночи». На обложке – изображение автомата Калашникова, плечевой ремень свернут в форме сердца. На первой странице – список продюсеров; среди них значился Реймонд Клунс.

Из кухни мы поднялись в спальню, минуя старые театральные программки, развешанные по стенам в рамках: «Гамлет», «Буря», «Генрих V», «Как важно быть серьезным», «День рождения»; на каждой – Дэмиэн Каупер. Готорн пер наверх, как бульдозер, но я вошел в спальню с неожиданным чувством неловкости, снова ощущая себя незванным гостем. Всего лишь несколько дней назад здесь раздевалась пожилая женщина, стоя перед большим зеркалом, и укладывалась в двуспальную кровать с книгой Стига Ларссона «Девушка, которая играла с огнем», лежащей на тумбочке. Ну, по крайней мере, миссис Каупер пропустила разочаровывающий конец. Две подушки, на одной – вмятина. Я представил себе, как она просыпается в теплой постели, пахнущей лавандой... Больше уже не проснется. Смерть всегда была для меня скорее необходимостью, средством продвижения сюжетной линии; однако сейчас, стоя в спальне недавно умершей женщины, я почувствовал ее совсем рядом.

Меж тем Готорн деловито рылся в ящиках, шкафах и тумбочках. На туалетном столике красовалась фотография Дэмиэна Каупера в рамочке. Я едва его узнал, хотя, честно говоря, у меня плохая память на лица; да и вообще все эти молодые красивые актеры похожи друг на друга... особенно когда переезжают в Голливуд.

Позади обувной полки Готорн обнаружил сейф, все еще запертый, скорчил гримасу, но тут же забыл о нем. Я зачарованно следил за его действиями, а он не обращал на меня ни малейшего внимания. Готорн напоминал мне собаку-ищейку в аэропорту: казалось бы, нет никаких причин подозревать в чемоданах бомбу или наркотики, однако пес методично обнюхивает каждый и

обязательно что-нибудь найдет. У Готорна был тот же самый неопределенно-сосредоточенный вид.

Из спальни он переместился в ванную комнату. На бортиках громоздилась куча маленьких бутылочек, штук двадцать, не меньше: похоже, у миссис Каупер была привычка забирать из отелей шампунь и гель для душа. Готорн открыл шкафчик над раковиной и вытащил три пакетика «Темазепам» – снотворное.

– Интересно... – пробормотал он, наконец нарушив молчание.

– О чем-то переживала, – предположил я. – Не могла заснуть.

На верхнем этаже располагались две гостевые комнаты. Ими давно не пользовались: слишком чисто и прохладно, отопление выключено ради экономии. Готорн быстренько осмотрелся и вышел в коридор.

– Как думаешь, куда делся кот? – неожиданно спросил он.

– Какой еще кот?

– Серый, персидский. Такие, знаешь, похожи на шерстяной мячик.

– Я не видел никаких фотографий кота.

– Я тоже.

Объяснений не последовало, и я вдруг почувствовал раздражение.

– Если вы и правда хотите, чтобы я о вас писал, я должен понимать, как вы работаете. Не надо подвешивать в воздухе категоричные утверждения!

Готорн нахмурился, пытаясь взять в толк, о чем я, затем кивнул.

– Тони, это ведь очевидно! На кухне на полу стоит миска. И еще подушка в спальне – разве ты не заметил?

– Вмятина? Я думал, от ее головы.

– Сомневаюсь, приятель. Вряд ли у нее были короткие шелковистые волосы, пахнущие рыбой. Она спала на левой стороне кровати, там, где книжка на тумбочке, а кошка – справа. Крупная, тяжелая. Скорее всего, перс – таких чаще заводят одинокие пожилые женщины. Только вот где он?..

– Может, полиция забрала?

– Может.

Мы вновь спустились на первый этаж, где выяснилось, что мы не одни: в гостиной на диване сидел мужчина в дешевом костюме, широко расставив ноги; на колене – папка с документами. Галстук висел криво, две пуговицы рубашки расстегнуты. Судя по всему, курильщик. Все в нем было какое-то... нездоровое: цвет лица, редящие волосы, сломанный нос, складка живота, выпирающая над ремнем брюк. Он был примерно одних лет с Готорном, но крупнее, напоминал обрюзгшего боксера на пенсии. Я часто видел таких по телевизору – не в кино, а в новостях: стоя в коридоре, на выходе из зала суда, они неловко зачитывают на камеру подготовленное заявление.

– Готорн, – произнес он безо всякого энтузиазма.

– Инспектор Мидоуз! – Это прозвучало иронически, словно пришелец не заслуживал своего звания. – Здорово, Джек, – добавил Готорн.

– Когда мне сказали, что привлекли тебя к делу, я сперва не поверил – вроде все и так ясно. – Тут инспектор заметил меня. – А вы кто такой?

Я заколебался, не зная, как объяснить свою роль.

– Это писатель, – вмешался Готорн. – Он со мной.

– О тебе, что ли, пишет?

– О деле.

– Надеюсь, у тебя есть на это разрешение. – Инспектор помедлил. – Я все тебе оставил, разложил как было. Пустая трата времени, если хочешь знать мое мнение.

– Не хочу, Джек.

Мидоуз проглотил щелчок по носу.

– Ну что, все осмотрел? Закончил?

– Как раз собирался уходить. – Однако Готорн не сдвинулся с места. – Значит, говоришь, дело ясное? И какие же у тебя соображения?

– Свои соображения я оставляю при себе, если не возражаешь.

Мидоуз лениво встал. Он оказался крупнее, чем я думал, и возвышался над нами обоими, как скала. Неторопливо собрав бумаги, он помедлил, словно раздумывая, и наконец протянул их Готорну.

– Велели тебе передать.

В папке лежали фотографии, отчеты судмедэкспертов, свидетельские показания и записи телефонных разговоров, совершенных с домашнего и мобильного телефона Дайаны Каупер за последние две недели. Готорн взглянул на верхнюю страницу.

– В восемнадцать тридцать одну жертва отправила смс.

– За две минуты до убийства. «Моего убийцу зовут... АААААААА!» – Инспектор улыбнулся своей шутке. – Прочел, ничего не понял, так что сам разбирайся.

Он подошел к стакану воды на комод.

– Я заберу, если не возражаешь.

– Валяй.

Тут я впервые обратил внимание на то, что Мидоуз был в перчатках. Засунув стакан в специальную пластиковую штучковину, он поднял его, намереваясь унести с собой.

– Единственные отпечатки на стакане принадлежат хозяйке, – сказал Готорн. – Из него никто не пил, следов ДНК нет.

– Ты уже видел отчет? – озадачился Мидоуз.

– Нет необходимости, приятель, это очевидно! – Готорн улыбнулся. – Заглядывал в жестянку на кухне?

– Пара монеток, никаких отпечатков.

– И неудивительно. – Готорн покосился на комод. – А кредитка?

– В смысле?

– Когда ею пользовались в последний раз?

– Все подробности финансовых дел тут. – Мидоуз кивнул на папку. – Двенадцать тысяч фунтов на личном счете, еще две сотни тысяч – на сберегательном. Дела у нее были в порядке. – Тут он вспомнил вопрос. – Последний раз убитая пользовалась кредиткой три дня назад в «Хэрродс».

– Копченый лосось и сливочный сыр.

– Откуда ты знаешь?

– Нашел на кухне, съел на завтрак.

– Это же вещественные доказательства!

– Уже нет.

Мидоуз скорчил гримасу.

– Еще вопросы будут?

– Да. Вы нашли кота?

– Какого кота?

– Понятно.

– Ну тогда развлекайся.

Мидоуз держал стакан, словно фокусник, собирающийся наколдовать внутри золотую рыбку.

– Рад был познакомиться, – кивнул он мне. – Только будьте осторожны, держитесь от него подальше, особенно на лестнице.

Довольный своей шуткой, инспектор в последний раз обвел взглядом комнату и вышел, держа стакан перед собой.

5. Почти годовщина

- О чем это он? Что за прикол про лестницы?
- Ни о чем. Чарли Мидоуз – придурок, не обращай внимания.
- Чарли? Вы же говорили – Джек!
- Его все так зовут.

Мы сидели на веранде кафе неподалеку от станции Фулэм Бродвей, чтобы Готорн мог спокойно курить – к счастью, светило солнце. Он просматривал документы, полученные от Мидоуза, и передавал их мне для ознакомления. Меня поразили фотографии Дайаны Каупер до и после смерти: труп, который обнаружила Андреа Ключванек, был совсем не похож на активную, элегантную светскую львицу, что вкладывала деньги в театральные постановки и обедала в дорогих ресторанах Мейфера.

Свидетельские показания Андреа были записаны слово в слово, в точности воспроизводя ее ломаный английский:

«Я прихожу одиннадцать часов. Начало мое рабочее время. Я вижу ее и сразу понимаю – случился что-то ужасное».

Прилагалась и фотография: стройная женщина с круглым лицом настороженно смотрит в камеру; короткие, торчащие ежиком волосы придают ей мальчишеский вид. Готорн упоминал, что у нее имеется судимость; и все же трудно представить ее в роли убийцы – слишком хрупкая.

Глядя на стол, заваленный бумагами, я вдруг подумал, что Готорн запросто может раскрыть преступление, не сходя с места, за кофе с сигаретой. Не хотелось бы – тогда книга выйдет слишком короткой.

- Давно вы его знаете? – спросил я.
- Кого?
- Мидоуза.

– Мы работали в одном подразделении в Патни; у него был кабинет по соседству. Я, конечно, дело хорошо знаю, но пару раз все же случалось переходить на темную сторону.

– Не понял?

– Просить о помощи другую команду. Например, когда мы проводим повальные обыски и все такое... – Готорн явно стремился сменить тему. – Ты не хочешь поговорить о Дайане Каупер?

– Нет, я хочу поговорить о вас.

Готорн не отрывал взгляда от бумаг, разложенных на столе. Все понятно без слов: его интересует только расследование. Тем не менее это моя территория, и я решил не отступать.

– У нас ничего не выйдет, если вы не впустите меня в свою жизнь. Я должен узнать вас получше.

– Я никому не интересен.

– Если это и вправду так, книгу никто не купит.

Готорн прикурил очередную сигарету. Впервые за последние тридцать лет мне захотелось стрельнуть.

– Послушайте, – осторожно продолжал я, – этот жанр не зря называется «детективы», а не «истории о жертвах убийств» или «истории о преступниках». Я сильно рискую: если вы раскроете преступление прямо сейчас, мне не о чем будет писать. Хуже того: если вы его не раскроете, то, выходит, я зря потратил время. Таким образом, ваша личность имеет значение. Если бы я смог найти в вас какую-то... человечинку, это очень помогло бы в работе, так что не отмахивайтесь от моих вопросов. Нельзя вечно прятаться за стеной.

Готорн слегка подался назад. Бледная кожа и беспокойные, почти детские глаза придавали ему чуть ли не беззащитный вид.

– Я не хочу говорить о Мидоузе – он меня не любит. И когда дерьмо попало в вентилятор, он был рад.

– Какое дерьмо? В какой вентилятор?

– Ну когда я ушел.

Готорн явно не собирался продолжать, поэтому я мысленно сделал себе пометку вернуться к этой теме позже – сейчас определенно не время. Я открыл заранее припасенный блокнот и вытащил ручку.

– Ладно. Пока сидим, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Я даже не знаю, где вы живете.

Возникла пауза. Похоже, из него все придется клещами вытягивать.

– В Гэнтс-Хилл, – произнес он наконец.

Я часто проезжаю мимо Гэнтс-Хилл – это в нескольких милях к северо-востоку от Лондона, по пути в Саффолк.

– Вы женаты?

– Да... – Помолчав немного, Готорн добавил: – Мы больше не вместе. Не спрашивай.

– За какую команду болеете?

– «Арсенал».

Это прозвучало без особого энтузиазма – вряд ли он настоящий футбольный фанат.

– В кино ходите?

– Иногда. – Он начинал терять терпение.

– А музыка?

– Что музыка?

– Классика? Джаз?

– Да вообще особо не слушаю.

– У вас есть дети?

Готорн рывком выдернул сигарету изо рта и нацелил ее на меня, словно отравленный дротик. Я понял, что зашел слишком далеко.

– Так, хватит! – рявкнул он, и я тут же ощутил себя в полицейском участке, в кабинете для допросов. В его взгляде читалось едва ли не презрение. – Да пиши ты что хочешь, какая разница?! Я не намерен играть в дурацкие анкеты! У меня на руках жертва, задушенная в собственном доме, – вот что мне сейчас важно! – Готорн схватил со стола какой-то листок. – Тебе интересно или нет?

Я мог бы встать и уйти домой, выбросив эту историю из головы (и зря не ушел, учитывая последующие события), но я только что покинул место преступления. И словно познакомился с Дайаной Каупер лично.

– Ладно. – Я отложил ручку. – Покажите.

Листок оказался распечаткой скриншота с текстом сообщения, которое Дайана Каупер отправила сыну за две минуты до смерти:

Я видела Ларри и я боюсь

– Ну, что скажешь?

– Здесь нет точки – значит, ее прервали на полуслове, не дали дописать, чего именно она боится.

– Или просто боится – и все, а на точку наплевать, не то состояние, чтобы заботиться о пунктуации.

– Мидоуз был прав – ерунда какая-то...

– Тогда прочти вот это – может, прояснится.

Готорн вытащил еще несколько листов – копии газетных страниц десятилетней давности.

«Дейли Мейл».

Пятница, 10 июня 2001 года

МАЛЬЧИК ПОГИБ В ДТП, ВОДИТЕЛЬ СКРЫЛСЯ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Восьмилетний мальчик борется за свою жизнь, а его брат-близнец погиб в результате аварии: близорукая женщина-водитель сбила детей и поспешно уехала.

Ларри Гудвин получил тяжкие повреждения, включая травмы черепа и рваные раны головы. Сейчас он в критическом состоянии, однако доктора обещают улучшение. Его брат, Тимми, умер на месте.

Трагедия произошла в шестнадцать тридцать на прибрежном курорте Дил, графство Кент.

Двое детей, которых называли «неразлучными», возвращались в отель со своей няней, Мэри О'Брайан. Со слов няни: «Машина выехала из-за угла. Женщина за рулем даже не попыталась сбросить скорость: она сбила детей и тут же уехала. Я работаю в этой семье уже три года и тяжело переживаю утрату. Не могу поверить, что она не остановилась».

Полиция арестовала пятидесятидвухлетнюю женщину.

«Телеграф»

Суббота, 11 июня 2001 года

ПОЛИЦИЯ АРЕСТОВАЛА ЖЕНЩИНУ, СБИВШУЮ БЛИЗНЕЦОВ

Стало известно имя женщины, насмерть сбившей восьмилетнего Тимми Гудвина и нанесяшей серьезные травмы его брату, – это миссис Дайана Каупер, проживающая в Уолмере, графство Кент. В день аварии она возвращалась из гольф-клуба «Ройял Чинк Портс».

В клубе миссис Каупер выпила с друзьями в пределах допустимой нормы. Свидетели подтвердили, что она не превышала скорость, однако вела машину без очков. Полиция провела тест и выяснила, что миссис Каупер не смогла разглядеть номерной знак с расстояния 25 футов.

Ее адвокаты сделали следующее заявление: «Наша клиентка возвращалась домой из гольф-клуба. К сожалению, она забыла взять очки, но посчитала, что сможет проехать относительно короткое расстояние без них. Миссис Каупер признает, что запаниковала и уехала с места аварии, однако полностью осознала серьезность произошедшего и позвонила в полицию через два часа».

Миссис Каупер предъявлены обвинения по статье 1, 170 (2) и (4) ПДД от 1988 года: причинение смерти в результате неосторожного вождения и оставление места ДТП.

Миссис Каупер указала свой адрес: Ливерпуль-роуд, Уолмер. Как стало известно, она потеряла супруга, скончавшегося после продолжительной болезни. Ее 23-летний сын Дэмиэн Каупер – актер «Шекспировской Королевской компании».

«Таймс».

Вторник, 8 ноября 2001 года

ВОДИТЕЛЬНИЦА-УБИЙЦА ВЫХОДИТ НА СВОБОДУ. СЕМЬЯ ТРЕБУЕТ ИЗМЕНИТЬ ЗАКОН

Мать восьмилетнего мальчика, погибшего в аварии, высказала свое мнение по поводу освобождения из-под стражи виновницы ДТП.

В результате аварии, произошедшей в прибрежном городке Дил, графство Кент, Тимми Гудвин умер на месте, а его брат Ларри получил серьезные повреждения мозга. Водитель Дайана Каупер не заметила детей вовремя: как выяснилось, она оставила свои очки в гольф-клубе и была не в состоянии четко видеть дальше двадцати футов.

Кентерберийский королевский суд постановил, что миссис Каупер не нарушила закон, не надев очки. Судья Найджел Уэстон обратился к обвиняемой: «Было неразумно с вашей стороны садиться за руль без очков, однако их ношение не является обязательным по закону. Кроме того, я не сомневаюсь в вашем искреннем раскаянии. В свете вышесказанного я считаю, что лишение свободы в данном случае не является уместной мерой наказания».

Миссис Каупер лишили водительских прав сроком на год и предписали оплатить судебные издержки в сумме 900 фунтов. Кроме того, судья предложил три месяца так называемой «восстановительной терапии», однако семья мальчиков отказалась встречаться с обвиняемой.

На выходе из зала суда Джудит Гудвин заявила: «Нельзя садиться за руль, если у тебя плохое зрение. Если это не запрещено законом, значит, закон нужно изменить. Мой сын погиб, второй покалечен, а ее лишь слегка шлепнули по руке – это несправедливо».

Представитель благотворительной организации «Притормози!» считает, что «водитель обязан полностью контролировать себя на дороге; в противном случае пользоваться автомобилем нельзя».

- Все это произошло ровно десять лет назад! – воскликнул я, сопоставив даты всех статей.
- Девять лет и одиннадцать месяцев, – поправил Готорн. – Авария случилась в начале июня.
- Все равно, практически круглая дата. И мальчик выжил...

Я взял листок с эсэмэской и снова прочел: «...искалеченного мальчика».

– Думаешь, тут есть связь?

Я уловил сарказм, однако не попался на удочку.

– Вы знаете, где она живет? – спросил я. – Джудит Гудвин?

Готорн порылся в бумагах.

– Где-то в районе Харроу.

– А что же они делали в Кенте?

– Наверное, отдыхали. Первая неделя июня – летние каникулы.

Похоже, у Готорна все-таки есть дети, иначе откуда бы он знал? Однако я не рискнул еще раз затронуть тему и лишь спросил:

– Мы поедem к ней?

– Не стоит торопиться. К тому же у нас встреча с мистером Корнуоллисом.

Я тупо уставился на него, совершенно забыв, о ком идет речь.

– Гробовщик, – напомнил Готорн и принялся собирать документы в пачку, подтягивая их к себе, словно фокусник – колоду карт. Интересно получается: несмотря на явную неприязнь инспектора Мидоуза, кто-то в верхах воспринимает Готорна всерьез. Место преступления оставили нетронутым, его держат целиком и полностью в курсе дел...

Готорн затушил сигарету.

– Пойдем.

И снова за кофе пришлось платить мне.

* * *

Мы сели на автобус № 14 – тот самый, на котором Дайана Купер ездила в день смерти, «проследовали», как сказал бы Готорн, «по маршруту жертвы» до Фулэм-роуд, вышли в 12:26 и направились в похоронное бюро.

В последний раз я заходил в похоронное бюро, когда умер отец, а это было давным-давно – мне тогда едва исполнился двадцать один год. Хотя он долго и тяжело болел, его смерть повергла всю семью в шок. По причинам, непонятным мне до сих пор, организацией похорон занялся мой дядя. После долгих лет агностицизма отец вдруг возжелал ортодоксального погребения. Наверняка дядя считал, что оказывает нам помощь; к сожалению, он был излишне самоуверенным, даже хамоватым человеком и никогда мне не нравился. В общем, мы с ним пошли в агентство. В еврейских семьях хоронят очень быстро, так что я даже не успел толком осознать происходящее. Смутно помню просторный темный зал, больше похожий на отделение утерянных вещей на вокзале. За прилавком – бородатый коротышка в плохо сидящем костюме и ермолке: то ли сам распорядитель, то ли его помощник. Слово в кошмаре, меня окружает толпа людей – клиенты или персонал? Не было чувства защищенности, приватности.

Дядя долго торговался с человеком за прилавком, обсуждая различные виды гробов и прочие аспекты, даже не спрашивая моего мнения. Постепенно они начали повышать голос, и в какой-то момент я вдруг осознал, что завязалась ссора. Дядя обвинил гробовщика в жульничестве; тот побагровел и заорал, тыкая пальцем в нашу сторону и брызгая слюной:

– Хотите красное дерево – так и платите за красное дерево!

Понятия не имею, в каком гробу похоронен мой отец, и, честно говоря, мне без разницы. Ярость гробовщика эхом отдавалась в памяти почти сорок лет, и это определило мои планы на собственные похороны: краткие, дешевые и нерелигиозные.

Все еще во власти воспоминаний, я последовал за Готорном в агентство «Корнуоллис и сыновья», прикрыв (бесшумно!) за собой дверь.

Интерьер агентства почти не отличался от моего описания; поменьше и не такой угрожающий, как та контора из прошлого (хотя, конечно, в этот раз я был никак не связан с происходящим). Готорн представился Айрин Лоуз, и та провела нас в кабинет Роберта Корнуоллиса в конце коридора – тот самый, в котором Дайана Каупер сделала последние распоряжения (весьма своевременные). На этот раз Айрин осталась, основательно устроившись в кресле, словно неожиданная смерть миссис Каупер была ее личным недосмотром и она должна отчитаться вместе с кузенком. И снова я невольно задался вопросом: каково работать здесь, в комнате, уставленной крошечными урнами – постоянным напоминанием о том, что все твои жизненные достижения однажды легко уместятся внутри одной такой.

Кстати, Готорн опять меня не представил. Видимо, все принимают меня за его ассистента.

– Я уже разговаривал с полицией, – начал Корнуоллис.

– Да, сэр.

Примечательно, что Готорн назвал его «сэром». Я сразу оценил этот момент: со свидетелями, подозреваемыми и прочими лицами, которые могут помочь в расследовании, он ведет себя иначе – играет роль человека заурядного, даже слегка заискивает. Чем больше я его узнавал, тем больше понимал: Готорн действует весьма целенаправленно: разговаривая с ним, люди бессознательно расслабляются. Им невдомек, что он только и ждет удобного момента, готовясь вскрыть их изнутри. Для него вежливость – всего лишь маска хирурга, которую он надевает, берясь за скальпель.

– Вследствие необычного характера преступления меня попросили провести независимое расследование. Прошу прощения, что отнимаю у вас время... – Готорн оскалился, как голодный крокодил. – Вы не против, если я закурю?

– Вообще-то...

Поздно – зажигалка уже щелкнула. Миссис Лоуз нахмурилась и пододвинула к нему оловянное блюдце вместо пепельницы. Я заметил гравировку на боку: «Главе лучшего похоронного бюро. Роберт Дэниэл Корнуоллис. 2008»

– Будьте добры, опишите вашу встречу с миссис Каупер с самого начала.

Роберт Корнуоллис воспроизвел разговор спокойным, размеренным тоном, каким привык общаться с безутешными родственниками. Хотя Готорн и критикует «приукрашения» в первой главе, его рассказ более-менее совпадает с моим. Миссис Каупер вела себя разумно, деловито и точно знала, чего хотела. Она пришла без предварительной записи и ушла сразу же, как только они достигли соглашения.

Задним числом должен сказать, что я был немного несправедлив к Роберту Корнуоллису. Во власти собственных фантазий и представлений о профессии я описал его сморщенным и печальным, однако на этот раз меня поразила его заурядность. Уберите трупы, бальзамические жидкости, погребение и слезы, и, я уверен, с ним приятно поболтать на вечеринке (если не спрашивать, чем он занимается).

– Как долго продлился визит миссис Каупер? – поинтересовался Готорн.

Айрин словно ждала этого вопроса и ответила с механической точностью говорящих часов:

– Она пробыла здесь чуть больше пятидесяти минут.

– Около часа, – согласился Корнуоллис. – Мы тщательно обсудили все детали и стоимость.

– Сколько она собиралась заплатить?

– Айрин предоставит вам полный отчет. У миссис Каупер уже имелся участок на Бромптонском кладбище – это сэкономило кучу денег. В последние годы цена на участки значительно возросла. Окончательные цифры, включая церковное отпевание и могильщиков, составляют 3000 фунтов.

– 3170, – поправила его мисс Лоуз.

– Платила кредиткой?

– Да. Оплатила полную стоимость, хотя у нас предусмотрена отсрочка на десять дней на случай, если клиент передумает. В этом смысле мы похожи на продавцов стеклопакетов.

Корнуоллис улыбнулся своей шутке, Айрин Лоуз нахмурилась.

– А что вы делаете с деньгами? – спросил я. – Если бы она не умерла...

– Мы бы положили деньги на депозит. Мы являемся бенефициарами трастового фонда «Золотая хартия», в котором выгодно размещаются платежи клиентов с учетом инфляции.

Где-то на заднем плане сознания мелькала мысль: агентству выгодна смерть миссис Каупер, поскольку они первыми выиграют от этого. Впрочем, если она уже заплатила, то верно скорее обратное. Хорошо, что я промолчал...

И все же Готорн бросил на меня сердитый взгляд, ясно давая понять, что моя реплика неуместна.

– В каком она была настроении? – спросил он, резко меняя тему.

– Как и все приходящие сюда, – ответил Корнуоллис. – Чувствовала себя немного не в своей тарелке, по крайней мере, поначалу. В нашей стране не принято говорить о смерти. Очень жаль, что мы не переняли практику швейцарцев, которые придумали так называемое Café Mortel⁴ – возможность обсуждать подобные вопросы за чашкой чая.

– Кстати, я бы не отказался от чашечки чая, – вставил Готорн.

Корнуоллис покосился на кухню; та поднялась и вышла из комнаты.

– Значит, миссис Каупер заранее продумала детали?

– Да, у нее все было записано.

– У вас сохранился этот документ?

– Нет, она забрала его с собой. Я сделал копию, а затем послал ей вместе с остальными бумагами.

– На ваш взгляд, миссис Каупер торопилась?

– Нет, она не чувствовала себя в опасности, если вы на это намекаете. – Корнуоллис покачал головой. – Мистер Готорн, планирование собственных похорон – вполне обычная практика. Она не болела, не была взволнована или напугана. Когда мы с миссис Лоуз услышали новости, то были шокированы...

– Зачем вы звонили миссис Каупер?

– Прошу прощения?

– У меня есть записи ее телефонных разговоров: вы звонили ей без пятнадцати два. В это время она ехала на собрание директоров в театр «Глобус». Вы разговаривали минуты полторы.

– Да, вы правы. Мне нужен был номер участка на кладбище для регистрации погребения. – Корнуоллис улыбнулся. – Единственная информация, которую миссис Каупер не предоставила. Пожалуй, стоит упомянуть еще одну вещь: когда я ей позвонил, она с кем-то ссорилась – на заднем фоне слышались голоса. Обещала перезвонить, но увы...

Вернулась Айрин Лоуз с чаем для Готорна и поставила чашку на стол, звякнув блюдечком.

– Я могу вам еще чем-то помочь? – спросил Корнуоллис.

– Я бы хотел уточнить... Вы оба разговаривали с ней?

– Айрин проводила ее в мой кабинет.

– Я встретила ее на входе, однако не присутствовала при разговоре, – уточнила Айрин.

– Она не оставалась одна в кабинете?

– Какой странный вопрос... – нахмурился Корнуоллис. – Почему вы спрашиваете?

– Так, просто интересуюсь.

– Нет, я все время был с ней.

– Перед уходом она зашла в уборную, – уточнила миссис Лоуз.

– То есть в туалет?

– Ну да, я так и сказала. Я проводила ее до места, а потом до выхода. На мой взгляд, она была в отличном настроении, когда уходила; даже, можно сказать, испытывала облегчение – как и большинство посетителей. По сути, это часть нашей работы.

Готорн тремя глотками выпил чай, и мы поднялись. Тут мне пришла в голову мысль.

– Миссис Каупер, случайно, не упоминала о человеке по имени Тимми Гудвин? – спросил я.

⁴ «Кафе смерти» (*фр.*) – культурная практика в некоторых европейских странах, суть которой состоит в том, что группы людей собираются и обсуждают тему смерти и все, что с ней связано.

– Гудвин? – Корнуоллис покачал головой. – А кто это?
– Мальчик, который погиб в аварии. У него был брат, Ларри Гудвин...
– Ужасно... – Корнуоллис обратился к своей кузине: – Айрин, при тебе она говорила что-нибудь подобное?
– Нет.
– Вряд ли это имеет отношение к расследованию, – прервал разговор Готорн и протянул руку. – Благодарю за то, что уделите мне время.
Выйдя на улицу, он обернулся.
– Сделай милость, приятель, никогда не задавай вопросов! Договорились?
– То есть я должен сидеть молча?
– Именно.
– Я же не совсем идиот, могу помочь...
– Тут ты ошибаешься – по меньшей мере в одном из пунктов. И вообще, ты сам сказал, это детективная история, а детектив здесь я.
– Расскажите, что вы поняли, – попросил я. – Вы были на месте преступления, видели записи телефонных разговоров, общались с гробовщиком. У вас появились идеи?
Готорн задумался. Судя по непроницаемому выражению физиономии, он собирался от меня отмахнуться, но все-таки сжалился.
– Дайана Каупер знала, что умрет.
Затем Готорн повернулся и энергично зашагал вперед. Я прикинул варианты, вздохнул и последовал за ним, пытаясь не отставать – во всех смыслах.

6. Свидетельские показания

Я мало знал о Дайане Каупер, но успел понять одну вещь: вряд ли целая толпа выстроилась в очередь, чтобы ее убить. Пожилая одинокая вдова, состоятельная, но не миллионерша; член правления театра, мать известного сына. У нее были проблемы со сном и кошка. Да, она потеряла деньги из-за театрального продюсера и наняла уборщицу из Восточной Европы с криминальным прошлым, однако какой у них мог быть мотив?

Другое дело – инцидент с мальчиками: один убит, второй покалечен, и все из-за ее небрежности. Причем она даже не остановилась, да еще и вышла сухой из воды! Если бы я был отцом Тимми и Ларри, то вполне мог бы желать ей смерти. К тому же это произошло десять лет назад – точнее, девять лет и одиннадцать месяцев. Все сходится – мотив налицо.

Семья Гудвинов жила на севере Лондона, в районе Харроу, и я недоумевал, почему мы не едем сразу туда.

– Все мое время, – ответил на мой вопрос Готорн. – Сперва надо кое с кем поговорить.

– С уборщицей? Вы ее подозреваете?

В этот момент мы проезжали развязку на Шепердс-Буш и повернули в сторону Эктона, где жила Андреа Ключанек. Перед этим Готорн позвонил Реймонду Клунсу и договорился о встрече.

– Я подозреваю, что она солгала полиции.

– А Клунс? Он тут при чем?

– Он знал миссис Каупер. Семьдесят восемь процентов убийств женщин совершается людьми, которых жертвы знали, – уточнил Готорн.

– Правда?

– Я думал, ты в курсе, раз пишешь сериалы. – Проигнорировав табличку «Не курить», он приспустил окно и зажег сигарету. – Муж, отчим, любовник... По статистике они наиболее вероятные убийцы.

– Реймонд Клунс никак не вписывается...

– Они могли быть любовниками.

– Но Дайана Каупер перед смертью видела искалеченного мальчика! Она сама написала, что боится! Не понимаю, зачем терять время?

– Не курить! – возмутился водитель по громкой связи.

– Отвали, я полицейский, – хладнокровно отозвался Готорн. – Как ты там говорил? Модус операнди? Вот это мой. – Он затаился и выдохнул дым в окно. Ветер тут же задул все обратно. – Начинать надо с ближнего круга и работать по спирали. Это как с повальными обысками – начинаешь с соседей, а не с другого конца улицы... Тебя что-то не устраивает?

– Просто странно – бегаем по Лондону, петляем как зайцы... За мой счет, – добавил я тихо.

Готорн промолчал.

После долгой поездки такси остановилось на краю жилого массива «Южный Эктон». Какой-то ландшафт вроде бы присутствовал – лужайки, деревья, тротуары, – однако общее впечатление было скорее гнетущим, возможно, из-за скученности многоквартирных домов. Мы прошли мимо скейт-парка, по виду давно заброшенного, затем спустились в подземный переход, размалеванный неумелыми граффити – они натекали друг на друга кричащими разводами. Да уж, не Бэнкси⁵.

В тени сидела кучка подростков в толстовках и балахонах; нас проводили мрачными, подозрительными взглядами. К счастью, Готорн знал дорогу, а я старался держаться рядом. Вспомнилась женщина с литературного фестиваля; видимо, это как раз та самая доза реальности, что она мне прописала.

Андреа Ключанек жила в одной из высоток на втором этаже. Готорн позвонил заранее, и нас ждали. Из полицейских отчетов я знал, что у нее двое детей; впрочем, в полвторого оба наверняка

⁵ Самый известный уличный художник мира, британец, отличающийся аккуратными продуманными работами в сдержанной гамме; его личность достоверно не установлена.

в школе. Квартира оказалась чистенькой, но крошечной: даже самый оптимистичный риелтор не смог бы назвать ее «студией с открытой планировкой» – кухня переходила прямо в гостиную, мебель по минимуму: стол, три стула, диван перед телевизором. Интересно, как они устраиваются по ночам? Дети в спальне, мать на кухне?

Мы сели у стола друг напротив друга. В нескольких сантиметрах над нашими головами свисали кастрюли и сковородки. Андреа не предложила ни кофе, ни чая. Она молча, настороженно смотрела на нас через стол – маленькая темноволосая женщина. В реальности Андреа выглядела еще суровее, чем на фотографии. На ней были футболка и джинсы, порванные вряд ли из соображений моды. Готорн зажег сигарету, она тоже угостилась; я сидел, окруженный дымом со всех сторон, и раздумывал, удастся ли мне закончить книгу или я загнусь раньше от пассивного курения.

Поначалу Готорн вел себя весьма любезно, попросил еще раз уточнить то, что было написано в полицейском отчете: зашла в дом, увидела труп, вышла наружу, позвонила в полицию.

– Вы, должно быть, ужасно промокли, – предположил Готорн.

– Как? – подозрительно вскинулась Андреа.

– В то утро шел сильный дождь. На вашем месте я бы подождал на кухне – тепло, уютно и телефон под рукой... Не было необходимости пользоваться мобильником.

– Я выходить на улицу! – сердито отозвалась женщина. – Я уже все сказать! Полиция спрашивал, что случилось, я сказать.

Ее акцент не улучшал и без того ломаный английский.

– Да, я читал ваши показания, – кивнул Готорн. – Но я не затем проехал пол-Лондона, чтобы слушать вранье. Я пришел узнать правду.

Повисло долгое молчание.

– Я говорить правду.

– Нет, врите. – Готорн вздохнул. – Как давно вы в стране?

Андреа еще больше насторожилась.

– Пять лет.

– И два года работали у Дайаны Каупер?

– Да.

– Сколько раз в неделю вы к ней ходили?

– Два раза, вторник и пятница.

– А вы ей не рассказывали о своих проблемах?

– У меня нет проблемы.

Готорн сокрушенно покачал головой.

– У вас куча проблем. В Хаддерсфилде, на прежнем месте, – воровство в магазине. Сто пятьдесят фунтов штрафа плюс издержки по суду.

– Вы не понимать! – вызверилась Андреа. Я пожалел, что комната такая маленькая – рядом с ней я чувствовал себя неловко. – Нечего есть. Мужа нет. Детям нечего есть.

– И поэтому вы решили обокрасть благотворительный магазин «Спасем детей»? Видимо, слишком буквально восприняли название.

– Я нет...

– А это уже второе нарушение, – перебил ее Готорн. – Вас и так в прошлый раз отпустили условно – повезло, что судья был в хорошем настроении.

Андреа по-прежнему упорствовала:

– Я работать на миссис Каупер два года. Она меня заботилась, так что я ничего не надо воровать. Я – честный человек, я забочусь семья!

– В тюрьме вам будет трудно. – Готорн подождал, пока до нее дойдет. – Вы мне лжете, и вы знаете, чем это кончится. Детей отберут органы опеки – а может, отправят обратно в Словакию. Сколько денег вы взяли?

– Какие?

– Деньги на хозяйство, что лежали в жестянке с принцем Каспианом. Вы знаете, кто такой принц Каспиан? Персонаж из «Хроник Нарнии»⁶. В этом фильме играл ее сын, Дэмиэн Каупер. Я заглянул в коробочку, а в ней лишь пара монеток.

– Там она хранить деньги, да. Но я не братъ – вор братъ.

– Нет! – Готорн начал злиться: глаза потемнели, рука, держащая сигарету, сжалась в кулак. – Вор прошелся по дому, порылся там и сям – он явно хотел привлечь к себе внимание. А тут все иначе: банку поставили на место, крышку закрыли, отпечатки пальцев аккуратно вытер человек, смотрящий слишком много детективов. Я так думаю, вы достали банкноты и не заметили монетки. Сколько там было?

Андреа мрачно уставилась на него. Интересно, много ли она поняла из его речи?

– Я взять деньги, – призналась она наконец.

– Сколько?

– Пятьдесят фунтов.

Готорн поморщился.

– Сколько?

– Сто шестьдесят.

Он кивнул.

– Уже лучше. И вы не ждали снаружи – с чего бы, когда дождь поливает? Чем вы там занимались? Что еще прихватили?

Какое-то время Андреа мучительно принимала решение. Признаться в содеянном и навлечь на себя большие проблемы? Или попытаться обмануть Готорна и разозлить его всерьез? В конце концов здравый смысл возобладал. Она поднялась, вынула из ящика стола клочок бумаги и протянула ему. Готорн развернул и прочел следующее:

Миссис Каупер!

Вы думаете, что можете от меня избавиться, но я не оставлю вас в покое. Это лишь начало. Я наблюдал за вами и знаю, что вам дорого. Вы за все заплатите, обещаю.

Написано от руки, ни подписи, ни даты, ни адреса. Готорн перевел вопросительный взгляд на Андреа.

– Человек приходил в дом, – объяснила она. – Две неделя назад. Он идет с миссис Каупер на кухню. Я был наверху, в спальне, но слышу, они говорят. Он очень сердит... кричал на нее.

– В котором часу?

– В понедельник, около часа дня.

– Вы его видели?

– Я глядеть из окна, когда он уходил. Только дождь, и у него зонтик – я ничего не увидеть.

– Вы уверены, что это был мужчина?

– Думаю, да.

– А записку где взяли?

– На столе в спальне. – Андреа выглядела слегка пристыженной, хотя, скорее всего, просто боялась Готорна. – Я смотреть в доме после ее смерти, и вот. Думаю, этот человек убивал Мистер Тиббс.

– Кто такой Мистер Тиббс?

– У миссис Каупер есть кот – большой, серый. – Андреа вытянула руки, показывая размеры кота. – Она звонил в четверг, велит не приходите. Огорчена, говорить – мистер Тиббс умер.

– Зачем вы взяли письмо? – спросил я.

Андреа вопросительно взглянула на Готорна, словно дожидаясь разрешения меня игнорировать.

Готорн кивнул, сложил письмо и убрал в карман. Мы попрощались и вышли.

⁶ Цикл фэнтези-книг К.С.Льюиса и фильмов по их мотивам.

* * *

– Уборщица взяла письмо потому, что рассчитывала выжать из него деньги, – пояснил Готорн в такси. – Может, узнала того человека с зонтом, а может, надеялась разыскать. Она понимала, что будет расследование и записка пригодится для шантажа.

Мы возвращались в город. Осталась еще одна встреча – с Реймондом Клунсом, театральным продюсером, который обедал с Дайаной Каупер в день ее гибели. С моей точки зрения, это была большая потеря времени, ведь личность убийцы у Готорна буквально в кармане! «Вы за все заплатите» – яснее ясного. Однако он больше не обмолвился о разговоре с Андреа Ключанек, погруженный в раздумья. Я уже успел понять, что этот человек живет в полную силу лишь тогда, когда расследует преступление. Ему нужны убийства или какие-нибудь запутанные дела – это его *raison d'être*⁷ (еще один «заумный» термин, который ему бы не понравился).

Клунс проживал в совершенно иных условиях, нежели Андреа Ключанек. Его дом располагался позади Мраморной арки, неподалеку от Коннот-сквер, и я нисколько не удивился, увидев здание, похожее на декорации из красного кирпича. Оно выглядело неправдоподобно двухмерным с огромной дверью и ярко окрашенными окнами, расположенными строго симметрично. Все было новеньким, даже мусорные баки, стоящие аккуратным рядом по ту сторону металлического ограждения. К отдельному входу в подвал вели ступеньки; над ним возвышались еще четыре этажа. Я прикинул: минимум пять спален и тридцать миллионов фунтов.

Впрочем, на Готорна все это великолепие не произвело ни малейшего впечатления. Он ткнул пальцем в дверной звонок с такой силой, словно испытывал к нему личную неприязнь. Прохожих вокруг не было, и у меня создалось ощущение, что большинство домов пустует – возможно, ими владеют иностранные бизнесмены? Кажется, где-то по соседству живет Тони Блэр? Эта часть города как-то не вязалась с остальным Лондоном.

Дверь открыл краеугольный камень любого классического детектива, хоть я и не ожидал увидеть в двадцать первом веке настоящего дворецкого в полосатом костюме, жилете и перчатках. Примерно моего возраста, с зачесанными назад темными волосами; вид у него был полон достоинства.

– Добрый день, сэр. Входите, пожалуйста.

Он не стал спрашивать наши имена – нас ожидали.

Мы вошли в просторный холл. Справа и слева располагались гостиные: высоченные потолки, изумительные ковры на полу. Больше походило на отель, чем на жилой дом, хоть и без постояльцев. Поднимаясь по лестнице, я заметил одну из картин Хокни с мальчиком в бассейне, а за ней – триптих Фрэнсиса Бэкона. На лестничной площадке – огромная черно-белая фотография в стиле ню авторства Роберта Мэпплторпа⁸: на белом фоне черные ягоды и пенис в состоянии эрекции. В углу – классическая статуя обнаженного пастушка. Готорну было явно не по себе в столь откровенно гомоэротической атмосфере: об этом говорили не только его поджатые губы, но и общее напряжение.

Полутемный сводчатый проход вел в верхнюю гостиную, занимающую весь этаж: мебель, лампы, зеркала, предметы искусства простирались насколько глаз хватало. Все было новеньким, дорогим, безупречного вкуса, но чересчур безличным. Я тщетно оглядывался в поисках брошенной газеты или пары грязных башмаков – любого свидетельства, что здесь живут люди. Как-то слишком тихо для центра города – саркофаг, наполненный владельцем предметами роскоши из прошлой жизни.

Однако сам Реймонд Клунс оказался удивительно обычным на вид: около пятидесяти, одет в синий бархатный пиджак и водолазку. Он сидел ровнехонько посреди огромного дивана, словно дворецкий перед нашим приходом отмерил рулеткой нужное расстояние. Крепкое телосложение, грива седых волос, веселые бледно-голубые глаза. Похоже, он был нам рад.

– Присаживайтесь. – Клунс театральным жестом указал на соседний диван. – Кофе не желаете? – Не дожидаясь ответа, он обратился к дворецкому: – Брюс, принесите гостям кофе. И захватите трюфели.

– Хорошо, сэр.

⁷ Смысл существования (фр.).

⁸ Перечисляются художники, чьи работы крайне дороги.

Дворецкий исчез. Мы сели.

– Вы насчет бедной Дайаны, – продолжил Клунс, не дожидаясь вопроса. – Не могу выразить, как я шокирован ее смертью! Я познакомился с ней в «Глобусе». Ну и, конечно, работал с ее сыном. Дэмиэн – очень талантливый мальчик, очень. Он играл в пьесе «Как важно быть серьезным», которую я тогда продюсировал в Хеймаркете. Колоссальный успех! Я всегда знал, что он далеко пойдет. Когда полиция рассказала о случившемся, я долго не мог поверить! Не представляю, кому она помешала – добрейшей души человек...

– Вы обедали с ней в день ее смерти, – напомнил Готорн.

– Да, в «Кафе Мурано». Я ждал ее у метро. Она помахала мне рукой через дорогу. Вроде бы все в порядке, но как только мы сели за стол, я сразу понял, что она не в настроении, бедняжка. Думала о своем. Переживала за Мистера Тиббса, своего кота. Ну и имечко! Он пропал. Я посоветовал ей не волноваться – мало ли, погнался за мышью или еще по каким делам. Она недолго просидела – торопилась на заседание в театр.

– Вы утверждаете, что были старыми друзьями. Насколько я понимаю, между вами произошла размолвка?

– С чего бы? – удивился Клунс.

– Она потеряла деньги на вашем шоу.

– Я вас умоляю! – Небрежным жестом Клунс отмел все обвинения. – Вы говорите о «Марокканских ночах». Нет, мы не ссорились, она просто была разочарована. Ну еще бы! Я потерял на этом гораздо больше, чем Дайана, поверьте на слово! Что поделывать, бизнес есть бизнес. Вот, к примеру, сейчас я вложил в «Человека-паука» – полный кошмар, между нами говоря, но в то же время я отклонил «Книгу Мормона». Иногда просто не везет. Дайана это прекрасно понимала.

– А что за мюзикл? – спросил я.

– История любви. Действие происходит в старой крепости. Два юноши: солдат и террорист. Отличная музыка, сценарий по мотивам успешного романа, однако аудитория не приняла – может, слишком много насилия... Вы смотрели?

– Нет, – признался я.

– В этом-то и проблема – никто не смотрел.

Вернулся Брюс с подносом: три крошечные чашки кофе и тарелка с четырьмя трюфелями из белого шоколада, составленными пирамидкой.

– А успешные постановки у вас бывали? – спросил Готорн.

Клунс явно оскорбился.

– Оглядитесь! Неужели вы думаете, я смог бы позволить себе такой дом, если бы в свое время не сделал хитов? Да если хотите знать, я был одним из первых инвесторов «Кошек» и с тех пор вкладывал деньги в каждый мюзикл Эндрю!⁹ «Билли Эллиот», «Шрек», Дэниэл Рэдклифф¹⁰ в «Эквусе»... На мою долю хватило успеха, не сомневайтесь! И «Марокканские ночи» могли бы выстрелить, только не срослось. Такой бизнес... Уверяю вас, Дайана Каупер не таила на меня зла: она прекрасно осознавала степень риска; к тому же деньги не такие уж существенные...

– Пятьдесят штук?!

– Это для вас пятьдесят штук – значимая сумма, мистер Готорн. Для большинства людей значимая, но Дайана могла себе позволить, иначе не стала бы рисковать.

Повисла пауза. Готорн изучающе разглядывал продюсера недобрыми глазами.

– Миссис Каупер не сказала вам, где была в то утро?

– До обеда? Нет.

– Она посетила агентство ритуальных услуг в Южном Кенсингтоне, организовала собственные похороны.

Клунс держал в руках крошечную чашку, слегка оттопырив мизинец. Услышав эту информацию, он поставил чашку на столик.

– Правда? Вы меня удивили.

⁹ Эндрю Ллойд Уэббер (р. 1948) – самый известный сочинитель мюзиклов в мире.

¹⁰ Дэниэл Джейкоб Рэдклифф (р. 1989) – исполнитель роли Гарри Поттера в голливудской серии фильмов.

– За обедом она не упоминала об этом?
– Нет, конечно, я бы запомнил!
– Вы сказали – миссис Каупер «думала о своем». Она не рассказывала, что именно ее беспокоит?
– Упомянула одну вещь. – Клунс помедлил, вспоминая. – Мы говорили о деньгах, и она сказала, что ее кто-то преследует. Все из-за той аварии в Кенте.
– Она сбила двоих детей, – сказал я.
– Верно, – кивнул продюсер и выпил кофе одним глотком. – Лет десять лет назад, мы только познакомились. Дайана жила одна, муж умер от рака... печально. Он работал дантистом, много звездных клиентов. У них был славный домик у моря. На момент аварии у нее гостил Дэмиэн – то ли между турами, то ли снимался на Би-би-си, уже и не вспомню. В общем, Дайана была совершенно не виновата. Дети побежали через дорогу за мороженым, а она выехала из-за угла и просто не успела остановиться. Я долго разговаривал с судьей: он считал, что ее вины тут нет никакой. Конечно, бедняжка сильно переживала. Вскоре после этого вернулась в Лондон и, насколько я знаю, так больше и не садилась за руль. Что ж, ее можно понять – ужасная трагедия...
– А она не сказала, кто именно ее преследует? – спросил Готорн.
– Сказала – Алан Гудвин, отец мальчиков. Он заходил к ней со всякими требованиями.
– Чего хотел?
– Денег. Я посоветовал ей не связываться. Все это случилось давно и уже не имеет к ней никакого отношения.
– Миссис Каупер не упоминала о записках от него? – спросил я.
– О записках... – Клунс глядел куда-то в пространство. – Да вроде нет. Сказала только, что он заходил и теперь она не знает, как быть.
– Минутку! – перебил Готорн. – Вы упомянули, что разговаривали с судьей. Как это получилось?
– Мы с Найджелом Уэстоном старые друзья. Кстати, он тоже вкладывает деньги в постановки. На «Клетке для чудаков» очень неплохо заработал.
– Вы хотите сказать, что Дайана Каупер, инвестор вашего шоу, сбила насмерть ребенка, и ее оправдал судьей, который тоже является инвестором? Чисто ради интереса – они знакомы?
– Не знаю. – Клунс насторожился. – Вряд ли. Надеюсь, вы не намекаете, что тут дело нечисто?
– Это мы выясним. А мистер Уэстон женат?
– Понятия не имею, а что?
– Да так...
Спускаясь по лестнице, я заметил, что Готорн весь ошетинился. Мы вышли из дома, завернули за угол, Готорн остановился и щелкнул зажигалкой. Некоторое время он яростно курил в молчании, избегая моего взгляда.
– Что с вами? – спросил я наконец.
Он не ответил.
– Готорн?..
Он обернулся, злобно сверкая глазами.
– А тебе все по барабану, да? Так и должно быть? Чертов педик, сидит такой довольный, вокруг одна порнуха...
– Что?!
Я был неподдельно шокирован тем, как это прозвучало: «пе-е-едик», с подчеркнутой безгловостью, словно что-то мерзкое, чужеродное.
– Во-первых, никакая не порнуха! Вы хоть представляете, сколько это все стоит? И во-вторых, нельзя его так называть.
– Как?
– Как вы назвали.
– Педиком? – Готорн скривился. – А кто он, по-твоему?
– Его сексуальность тут ни при чем.
– Это как сказать, Тони. Если он стакнулся со своим дружкой-судьей, чтобы снять Дайану Каупер с крючка...
– Так вот почему вы спросили, женат ли Уэстон! Думаете, он тоже гей?

– Я бы не удивился. Такие держатся друг за друга.

Я замолчал, обескураженный, пытаюсь подобрать слова. Неожиданно все встало с ног на голову.

– О чем вы? Какие «такие»? Никто так не говорит!

– Да мне насрать! – Готорн бросил на меня свирепый взгляд. – Ты-то ясное дело – писатель, работаешь на ТВ, у тебя наверняка полно гомиков в друзьях. А вот я их терпеть не могу – кучка извращенцев! Я прихожу в чей-то дом, вижу на стене огромный член, узнаю, что у хозяина дружок-извращенец, который вкладывается в постановку извратного мюзикла и которого, возможно, убедили извратить отправление правосудия... Говорю как есть! Тебе что-то не нравится?

– Да, не нравится!

Я не верил своим ушам. Когда мы впервые встретились, Готорн отпустил парочку ехидных комментариев в сторону актеров, снимавшихся в «Несправедливости», но мне никогда не приходило в голову, что он – гомофоб. И если это правда, то я не смогу о нем написать. Просто без вариантов. Готорн угадал: у меня действительно много близких друзей-геев, и если я сделаю из него героя, если дам волю его суждениям на своих страницах, их дружба надолго не затянется. А критики? Да они порвут книгу в клочья! По сути, вся моя карьера будет спущена в унитаз.

Я развернулся и направился в сторону метро.

– Тони, ты куда? – позвал Готорн с неподдельным удивлением в голосе.

– Домой. Я позвоню завтра.

Дойдя до конца улицы, я обернулся: он так и стоял, глядя мне вслед, похожий на брошенного ребенка.

7. Харроу-он-Хилл

Тем вечером мы с женой пошли в театр: я достал билеты на «Франкенштейна» Дэнни Бойла. Правда, мне не удалось толком насладиться пьесой – мысли все время перескакивали на другое. Что сказал бы Готорн, увидев, как актер Джонни Ли Миллер двадцать минут скачет по сцене абсолютно голый?

Домой вернулись около половины двенадцатого. Жена сразу ушла спать, а я сидел допоздна, переживая за книгу. С ней я не стал ничего обсуждать – и так знал, что она скажет.

Если бы я засел писать детектив, то не выбрал бы Готорна главным героем. В мире и без него достаточно частных сыщиков мужского пола, средних лет, с плохим характером. Я бы придумал что-нибудь поинтереснее: слепой, пьющий, ясновидящий – уже было, а если все вместе? Вообще, я предпочел бы женщину типа Сары Лунд в «Убийстве»¹¹: молодая, энергичная, независимая, в толстом свитере (или без). Еще я наделил бы ее чувством юмора.

Несомненно, Готорн умен. Меня впечатлила его работа в доме жертвы на Британия-роуд: как быстро он догадался про деньги и уборщицу, да и про кота... Даже инспектор Мидоуз его уважает, хоть и недолго любит, да и в верхах о нем явно высокого мнения. «И завел щенка!» Надо же, как точно подметил! Ума ему не занимать, что есть, то есть. Практически гений.

Проблема в том, что Готорн не нравился мне как человек, а это убивало весь творческий процесс. Вообще, отношения автора и героя довольно причудливы. Взять, к примеру, Алекса Райдера. Я писал о нем около десяти лет и, хотя порой завидовал (никогда не стареет, всеобщий любимец, много раз спасал мир), очень к нему привязался и с удовольствием сочинял его приключения. Разумеется, он – мое творение, я контролировал каждый шаг и нажимал нужные кнопки, чтобы воздействовать на молодую аудиторию. Алекс Райдер не курил, не сквернословил, не носил оружия. И, уж конечно, не был гомофобом.

Именно эту мысль я никак не мог выкинуть из головы: реакцию Готорна на Реймонда Клуна. Его слова меня действительно шокировали, без преувеличения. Я, кстати, не понял, зачем он со мной так откровенничал, хотя во всем остальном закрывался наглухо.

Говорят, люди стали излишне чувствительны. С другой стороны, мы так боимся кого-то обидеть, что больше не обсуждаем серьезные темы. Именно поэтому политические ток-шоу на ТВ стали скучными: есть некие рамки, в которые должны укладываться любые публичные разговоры, и одно-единственное неосторожное слово может повлечь за собой самые неприятные последствия.

Помню, как-то я выступал на радио, и мне задали щекотливый вопрос. Тогда в Корнуолле верующие владельцы отеля, муж с женой, отказались дать номер супружеской гей-паре. Отвечая на вопрос, я был предельно осторожен. Для начала заявил, что я целиком и полностью за гомосексуальные браки и совершенно не согласен с владельцами отеля. Однако при этом можно попытаться понять и их точку зрения, основанную на религиозных убеждениях (даже если я ее не разделяю); вряд ли они заслужили потоки ненависти и угрозы расправы, которые на них посыпались. Нужно терпимее относиться к нетерпимости – такова была моя основная мысль.

Можете себе представить бурю, которая поднялась в соцсетях... Парочка учителей заявила, что изымает мои книги из школьной библиотеки. Кто-то вообще призывал сжечь все написанное мной. В наше время мир видится черно-белым, и хотя в двадцать первом веке нет ничего страшного в том, чтобы создать персонажа-гомофоба, разумнее сделать его явным злодеем.

Глядя из окна кабинета на красные огоньки подъемных кранов, расплзшихся по всему Фаррингдону во время строительства железной дороги, я спрашивал себя, стоит ли продолжать работать с Готорном. Что затащило меня в эту историю и какую выгоду я извлеку в дальнейшем? Не лучше ли бросить его сейчас, пока я не увяз по уши, и заняться чем-нибудь другим? Время перевалило за полночь, я устал. «Суть измены» Ребекки Уэст лежала на столе обложкой вверх. Я подтянул ее к себе – вот чем я должен заниматься! В 1940-х было куда безопаснее.

¹¹ Датский сериал 2007–2012 гг.

И тут пиликнул телефон – эсэмэска от Готорна:

*Кафе «Унико»
Харроу-он-Хилл
9:30. Завтрак»*

В Харроу жили Гудвины – значит, завтра он едет к ним.

Мне действительно хотелось выяснить, кто убил Дайану Каупер. Как ни крути, я уже замешан: я был в ее доме, я представлял себе ее жизнь, ее смерть, видел пятно на ковре... Опять же интересно, кто послал ей записку. Не он ли убил кота? По мнению Готорна, Дайана знала, что умрет. Как такое вообще возможно? Почему она не обратилась в полицию? Больше всего мне хотелось встретиться с семьей Гудвин, в частности – с Ларри, искалеченным мальчиком. Однажды я прочитаю решение загадки в газете... Готорн легко может уговорить кого-нибудь другого написать книгу.

Нет, я сам хотел присутствовать.

Собственно, я ведь тоже могу устанавливать правила! Кто сказал, что нужно записывать все как было? Нет никакой необходимости озвучивать реакцию Готорна – проще удалить любые упоминания о черно-белой фотографии и прочих предметах искусства. Да я вообще могу описать его каким угодно! Моложе, мягче, остроумнее... Моя книга – что хочу, то и делаю! Я все равно не собирался показывать ее Готорну до публикации, а там уже поздно будет. Тем более ему и так наплевать, лишь бы купили.

В то же время я понимал, что не смогу ничего изменить. Готорн такой, какой есть, и он обратился именно ко мне. Если я его изменю, то брошу камень, и пойдут круги по воде, образно выражаясь: я запущу процесс, в результате которого повествование сдвинется в сторону художественного вымысла. Я, конечно, могу заново переписать всех персонажей, даже интерьеры – чертов Роберт Мэпплторп уйдет первым, – но смысл? Проще вернуться к тому, чем я всю жизнь занимался – придумать сюжет с нуля.

Я все еще держал в руках телефон.

9:30, Харроу-он-Хилл.

Есть только один выход, хоть он и означает, что придется коренным образом изменить подход к книге и мою роль в ней. Нет необходимости «переписывать» Готорна, врать, защищать – он вполне способен сам о себе позаботиться, – но я могу поставить его мнение под вопрос... По сути, это мой долг, иначе я навлеку на себя именно ту критику, которой так опасуюсь.

Итак, я узнал, что он – гомофоб. Ок, я попытаюсь выяснить, откуда в нем это (отнюдь не оправдывая). И если в результате я смогу его лучше понять, кому будет хуже? Книга только выиграет.

Может, он сам – гей? В конце концов, некоторые политики или священники высокого ранга, публично выступающие против гомосексуальности, сами оказывались... Я не стану его обличать. У меня нет ни малейшего желания причинить ему вред, зато появилась реальная цель.

Я займусь расследованием следователя.

Я взял телефон и набрал три слова:

Увидимся на месте.

Затем лег спать.

* * *

Кафе «Унико» находится недалеко от станции метро, в конце неопрятной улицы, почти у вокзала. Готорн уже заказал завтрак: яичница с беконом, тост и чай. Я впервые застал его за едой. Он ел с осторожностью, словно подозревал яичницу в злом умысле; быстрым движением разрезал и закидывал куски в рот, стараясь поскорее от них избавиться. Похоже, еда не доставляла ему никакого удовольствия.

Я ждал, что Готорн извинится за прошлый раз, но он лишь улыбнулся. Похоже, он несколько не удивился моему появлению – ему даже в голову не пришло, что я могу передумать.

Я присел за столик и заказал сэндвич с беконом.

– Как дела? – спросил Готорн.

– Нормально, – сдержанно ответил я.

– Я тут занялся семьей Гудвин на досуге... – Готорн одновременно ел и говорил, умудряясь не чавкать. На столе возле него лежал блокнот. – Отец – Алан Гудвин, свой бизнес, проведение разных мероприятий. Его жена – Джудит Гудвин, работает на полставки в детской благотворительной организации. У них только один сын, Ларри Гудвин, ему сейчас девятнадцать. Повреждение мозга. Доктора говорят, нужен полный уход, но это может означать все, что угодно.

– Неужели вам их несколько не жаль? – спросил я.

Он поднял голову от тарелки, озадаченный.

– С чего ты взял?

– Ну вы так лихо оттарабанили сухие факты. «У них только один сын!» Разумеется, только один – второй-то погиб! А тот, что остался в живых, – вы хотите сказать, он притворяется?

– Я смотрю, ты сегодня встал не с той ноги. – Готорн отпил чай. – Я ничего не знаю о Ларри Гудвине кроме того, что уже сказал, однако если Дайана Каупер не ошиблась, он вполне мог выбраться из кровати или из инвалидного кресла и навестить ее на Британия-роуд. И вообще, ты сам только вчера сюда рвался! Ты сам их всех подозреваешь – мать, отца, брата, – если допустить, что он мог... Поправь меня, если ошибаюсь.

Принесли мой сэндвич с беконом, но есть расхотелось.

– Я имел в виду, что к людям надо относиться бережнее.

– И поэтому ты приехал? Хочешь обнять подозреваемых и похлопать по плечу?

– Нет...

– Ты здесь затем же, зачем и я, – узнать, кто убил Дайану Каупер. Если это один из них, его арестуют. Если нет, мы уйдем и больше никогда их не увидим. Что мы о них думаем и кого подозреваем, не имеет ни малейшего значения!

Готорн перевернул страницу. Записи были сделаны ровным, четким почерком, так мелко, что я не смог разглядеть без очков.

– Я собрал информацию об аварии. Если это тебя не слишком расстроит...

– Я слушаю.

– Все было примерно так, как рассказал Реймонд Клунс. Они остановились в отеле «Ройял»: два брата и няня, Мэри О'Брайан. Целый день провели на пляже. Возвращаясь, рванули через дорогу за мороженым. Няню за это, конечно, слегка прижали в суде, но та клялась, что дорога была пустая. Она ошибалась. Внезапно из-за поворота выскочила машина: просвистела в паре сантиметров от женщины, сбила насмерть одного мальчика, ранила другого и уехала. Там была толпа народу, куча свидетелей. Если бы Дайана Каупер не призналась через пару часов, получила бы по полной.

– Думаете, справедливо, что ее отпустили?

– Надо читать протокол заседания, – пожал плечами Готорн.

– Она знала судью.

– Она знала того, кто знал судью, – это не одно и то же. – Он словно забыл, что сам только вчера подозревал их в заговоре.

В угрюмом молчании мы доели свой завтрак. Официантка принесла счет. Готорн даже не взглянул в ее сторону.

– И еще один момент, – решительно произнес я. – Я заметил, что каждый раз плачу за кофе и за такси. Если мы договорились напополам, то и расходы нужно нести поровну.

Готорн явно удивился.

– Ну ладно...

Я уже пожалел о своих словах: это была скорее реакция на вчерашний день, чем искреннее желание разделить расходы. Он достал кошелек, вытащил оттуда банкноту в десять фунтов, до того истрепанную и смятую, что различить номинал можно было лишь по цвету, и положил на стол брезгливо, как осенний лист, выловленный из канавы. Других денег в кошельке не оказалось,

и хотя по сути я был прав, на душе стало мерзко. Стоило ли так мелочиться? Больше я эту тему не поднимал.

Мы вместе вышли из кафе. Вообще-то я неплохо знаю Харроу-он-Хилл: мы снимали здесь некоторые сцены «Войны Фойла», где старомодная Хай-стрит играла роль Гастингса. Удивительно, какого эффекта можно достичь, добавив к саундтреку крики чаек на фоне. Неподалеку располагалась моя первая школа, и я поразился, как мало изменений произошло здесь за последние пятьдесят лет: все такой же замкнутый анклав, очень зеленый и оторванный от цивилизации, возвышающиеся над остальными районами северного Лондона.

– Чем вы занимались вчера вечером? – спросил я Готорна по дороге.

– Чего?

– Ужинали дома? Работали над делом?

Он не отвечал, и я добавил:

– Это для книги.

– Поужинал. Сделал кое-какие заметки. Лег спать.

Что было на ужин? С кем лег спать? Смотрел ли телевизор? Есть ли у тебя вообще телевизор?

Ничего этого он мне не расскажет, да и спрашивать времени нет.

Мы подошли к викторианскому зданию из красного кирпича, отстоящему от улицы; к дому вела гравиевая дорожка. Три этажа, примерно четыре-пять спален, двойной гараж... и с первого взгляда меня поразило ощущение глубокого несчастья, исходящее буквально от всего, начиная с заросшего, полудикого сада, облупившейся краски, мертвых цветов на подоконниках...

Это был дом Гудвинов – точнее, трех оставшихся членов семьи.

8. Инвалид

Один из моих любимых сценаристов – Найджел Нил, создатель эксцентричного профессора Куотермасса. Он написал жутковатую пьесу под названием «Каменная лента». Суть идеи в том, что самая «ткань» дома – стены, камни, кирпичи – может поглощать и «отыгрывать» обратно различные эмоции, свидетелями которых она становилась, включая самые страшные. Я вспомнил об этом сюжете, едва переступив порог дома на Роксборо-авеню. Весьма дорогостоящий особняк – любое здание такого размера в Харроу-он-Хилл потянет на пару миллионов, – однако в холле было темно и промозгло. Судя по интерьеру, последний раз ремонт делали в прошлом веке; на протертых коврах виднелись многочисленные пятна. В воздухе пахло не то плесенью, не то сухой гнилью, а скорее всего, просто бедой, многократно прокручиваемой до тех пор, пока банк памяти не переполнился.

Дверь открыла Джудит Гудвин, женщина среднего возраста, моложе Дайаны Каупер лет на десять-пятнадцать (на момент смерти последней). Она смотрела на нас с подозрением, как на бродячих торговцев; язык тела выражал недоверие. Ее легко представить волонтером благотворительной организации: была в ней какая-то хрупкость, надлом, словно она сама нуждалась в помощи, но знала, что никогда ее не получит. Трагедия, изменившая ее жизнь, так и осталась с ней навечно.

– Вы – Готорн? – уточнила она.

– Рад познакомиться. – Готорн протянул ей руку, и я отметил, что он снова преобразился. Жесткий с Андреа Ключанек, холодно-равнодушный с Реймондом Клунсом, здесь он словно по мановению волшебной палочки стал вежливым и любезным. – Спасибо, что согласились с нами встретиться.

– Проходите на кухню, я сварю кофе.

Готорн не стал объяснять, кто я такой, и, похоже, ей было неинтересно. Мы последовали за хозяйкой. В кухне оказалось теплее, но столь же уныло и запущенно. Вы замечали, как много говорят о владельцах белые предметы обстановки? Когда-то дорогой холодильник, усеянный оспинами магнитов и старых листков с рецептами и телефонными номерами, приобрел со временем желтоватый налет. Плита была заляпана жиром, а посудомойка обшарпалась от постоянного использования. Работала стиральная машинка, за стеклом плескалась мутная вода. Само помещение чистое и аккуратное, подновить бы его немного. В углу на подстилке дремала грязная веймарская легавая; при нашем появлении она завалила хвостом.

Мы с Готорном присели за огромный сосновый стол, а Джудит Гудвин выудила из раковины кофейник, промыла под краном и занялась кофе, не переставая говорить. Судя по всему, она из тех людей, кто привык делать несколько дел одновременно.

– Что вы хотели спросить про Дайану Каупер?

– Я так понимаю, вы уже беседовали с полицией.

– Коротко. – Хозяйка достала из холодильника пакет молока, понюхала содержимое и плюхнула на стол. – Они позвонили и спросили, давно ли я ее видела.

– И как, давно?

Джудит обернулась и вызывающе уставилась на него.

– За последние десять лет – ни разу! – Она принялась выкладывать печенье на тарелку. – Да и с чего бы?

– Вряд ли вы сильно опечалились, узнав о ее смерти, – предположил Готорн.

Джудит Гудвин замерла на месте.

– Мистер Готорн, кто вы, собственно, такой?

– Я помогаю полиции в расследовании. Дело очень сложное, запутанное, вот они меня и пригласили.

– Вы – частный детектив?

– Консультант.

– А ваш друг?

– Я с ним работаю, – встрял я. Просто, правдиво и не требует дальнейших пояснений.

– Вы намекаете на то, что это я ее убила?

– Ни в коем случае.

– Вы спрашиваете, не видела ли я ее. Вы предполагаете, что я рада ее смерти...

Закипел чайник, и Джудит поспешила его выключить.

– Что ж, по второму пункту – да, так и есть. Дайана Каупер разрушила мою жизнь, жизнь моей семьи. Секунда за рулем – и она убила моего ребенка и забрала у меня все. Я – верующая христианка, я хожу в церковь. Я пыталась ее простить, однако не стану лгать – да, я была рада, когда узнала о ее смерти. Знаю, это грех, нехорошо с моей стороны, но она заслужила смерть.

Умолкнув, Джудит яростно набросилась на кофейник и чашки, словно вымещала на них свою злость. Поставив поднос на стол, она села напротив.

– Что еще вы хотите знать?

– Все, что вы сможете вспомнить. Начните с несчастного случая.

– «Несчастный случай»? Вы говорите о моих детях, вообще-то. – Джудит горько усмехнулась. – Какое легкое слово – «случай», «случайность». Будто молоко пролил. Мне позвонили и сказали: «Боюсь, произошел несчастный случай». Даже тогда я подумала – какая-то неприятность дома или на работе. Я не представляла, что мой Тимми лежит в морге, а другой ребенок больше никогда не сможет жить нормальной жизнью.

– А почему вы не поехали с ними?

– Я была на двухдневной конференции в Вестминстере, а муж – в командировке в Манчестере. – Она помолчала. – Мы расстались. Это можно списать на «несчастный случай». Были каникулы, и мы решили отправить детей на отдых с няней. Она повезла их в Дил, к морю, – отель предлагал скидки, потому мы его и выбрали. Мальчики пришли в восторг: замки, пляжи, пещеры в Рамсгейте. У Тимми была богатая фантазия, каждый день – приключение.

Джудит налила три чашки кофе и предоставила нам самим добавлять молоко и сахар.

– Мэри, няня, работала у нас уже год, мы ей полностью доверяли. И хотя мы снова и снова прокручивали ситуацию в голове, ее вины тут не было. Полиция и свидетели подтвердили. Она до сих пор с нами.

– Ухаживает за Ларри?

– Да...

Слово повисло в воздухе.

– Мэри чувствует ответственность за произошедшее, – продолжала Джудит. – Когда Ларри выписали из больницы, она поняла, что не может его бросить, вот и осталась.

Очередная пауза. Джудит с явным усилием возвращалась в прошлое.

– В тот день ребята пошли на пляж. Хотя погода стояла хорошая, было слишком прохладно для купания, так что они просто катались на лодке. Дорога проходила рядом с пляжем, возле нее – низкий мол и променад. Дети увидели кафе-мороженое и помчались туда. Миссис Каупер должна была затормозить, времени бы хватило. Ей не следовало садиться за руль без очков! Как выяснилось позже, она даже не видела толком проезжую часть. В результате Тимми погиб на месте, Ларри от удара буквально взлетел в воздух. У него были тяжелые травмы головы, но он выжил.

– Мэри не пострадала?

– Ей повезло. Она рванула вперед, чтобы перехватить мальчиков, машина просвистела буквально в сантиметрах. Все это выяснилось на следствии. Миссис Каупер даже не остановилась. Потом объясняла в полиции – мол, запаниковала... Ну скажите на милость, кем надо быть, чтобы оставить на дороге сбитых детей?

– Она поехала домой, к сыну.

– Да, верно. Дэмиэн Каупер – известный актер, гостил у нее тогда. Адвокаты заявили, что Дайана пыталась защитить не только себя, но и сына: он еще учился, и мать не хотела, чтобы его имя полоскали в прессе. Если это правда, то они друг друга стоят. В общем, она объявилась в тот же день, но лишь потому, что у нее не было выбора: на месте аварии толпилась куча свидетелей, кто-то наверняка запомнил номера. Казалось бы, судья должен был принять во внимание тот факт, что водитель скрылся с места преступления, однако ничего подобного – ее преспокойно выпустили на свободу.

Джудит пододвинула мне тарелку с печеньем.

– Нет, спасибо, – поблагодарил я, удивившись про себя: как она может спокойно уделять внимание будничным вещам во время такого тяжелого разговора? Видимо, последние десять лет Джудит Гудвин жила в тени трагедии, и для нее это стало нормой, как если бы человека годами держали в психушке и он позабыл о своем сумасшествии.

– Я понимаю, что для вас это болезненная тема, миссис Гудвин, – продолжал между тем Готорн. – Скажите, пожалуйста, когда именно вы разошлись с мужем?

– Нисколько не болезненная, даже наоборот. С того дня, как я взяла трубку, я больше ничего не чувствую. Наверное, так и бывает... Ты работаешь, посещаешь друзей, отдыхаешь, жизнь кажется прекрасной, и вдруг что-то происходит – а ты не веришь. На самом деле я ведь так и не поверила, даже на похоронах Тимми все ждала, что сейчас кто-то похлопает по плечу и я проснусь. Понимаете, у меня было два прекрасных близнеца, само совершенство во всех отношениях. Я была счастливо замужем, бизнес Алана процветал, мы только что купили этот дом – за год до того. Вот так живешь и не думаешь, насколько все хрупко, пока оно не разобьется... В тот день так и случилось.

Конечно, мы с Аланом винили себя в том, что нас не было рядом, что мы вообще отпустили их туда. Он тогда был в командировке в Манчестере. Ах да, я говорила... У нас и раньше возникали разногласия – в любом браке без них не обходится, особенно если растишь близнецов. А когда мы потеряли Тимми, то все пошло под откос. Мы даже ходили к семейному психологу, но в итоге пришлось смириться с неизбежным. Алан съехал несколько месяцев назад. Мы не то чтобы расстались, просто не могли больше находиться вместе.

– А где я могу его найти? Хотелось бы и с ним переговорить.

Джудит нацарапала что-то на листке бумаги и передала Готорну.

– Вот номер его мобильного. Можете позвонить, если хотите. Он снимает квартиру в районе Виктория, до тех пор, пока мы не продадим дом... – Она резко умолкла, словно сказала больше, чем хотела. – У него в последнее время проблемы с бизнесом, мы уже не в состоянии содержать этот дом, так что выставляем на продажу. Мы оставались только из-за Ларри, думали – ему здесь будет привычнее.

Готорн кивнул. Я всегда чувствовал момент, когда он собирается атаковать: словно кто-то взмахнул ножом у его лица и в глазах на секунду отразился хищный блеск стали.

– Вы утверждаете, что не видели Дайану Каупер. А ваш муж с ней не общался?

– Мне он ничего не говорил. Да и зачем ему?

– И вы не приближались к ее дому в прошлый вторник, в день ее смерти?

– Я вам уже сказала – нет.

Готорн задумчиво покачал головой.

– Однако вы были в Южном Кенсингтоне.

– Прошу прощения?

– В половине пятого вы вышли из станции метро «Южный Кенсингтон».

– Откуда вы знаете?

– Вас зафиксировали камеры. Вы будете это отрицать?

– Разумеется, нет! А что, там и вправду живет Дайана Каупер?

Готорн промолчал.

– Я и понятия не имела, думала, она все еще в Кенте. Да, я ходила за покупками на Кингс-роуд. Риелтор просил купить кое-что для дома, слегка оживить обстановку. Я заходила в мебельные магазины.

Мне это показалось неубедительным. Дом порядком обветшал, а денег у Джудит Гудвин явно не было – потому и продавала. Неужели она думает, что несколько дорогих предметов мебели исправят положение?

– А ваш муж не упоминал, что он писал миссис Каупер?

– Писал ей? Нет, я не знала. Спросите у него сами.

– А Ларри?

Хозяйка дома заметно напряглась, и Готорн торопливо продолжил:

– Вы сказали, что он живет с вами?

– Да.

– А он не мог с ней видаться?

Джудит задумалась, и на мгновение мне показалось, что нас попросят уйти, однако она ответила спокойно:

– Мистер Готорн, как вам должно быть известно, мой сын получил тяжелые травмы мозга в височной и затылочной долях, отвечающих за память, речь, эмоции и зрение. Сейчас ему девятнадцать, но он больше никогда не сможет жить нормальной жизнью. У него проблемы с краткосрочной памятью, афазия¹² и неспособность сконцентрироваться; ему необходим постоянный уход.

Пауза.

– Он выходит из дома только в сопровождении взрослых. Любые предположения о том, что он мог заговорить с миссис Каупер или причинить ей вред, смешны и даже оскорбительны.

– И тем не менее перед смертью миссис Каупер отправила весьма странное сообщение. Если я правильно ее понял, она утверждает, что видела вашего сына.

– Значит, вы ее неправильно поняли.

– Она выражалась довольно ясно. Вам известно, где был ваш сын в прошлый вторник?

– Разумеется! Он был наверху. Он и сейчас там. Ларри нечасто выходит из комнаты, и его всегда сопровождают.

Дверь за нашими спинами открылась, и в кухню вошла молодая черноволосая женщина с пухлым лицом, одетая в джинсы и свободный свитер. Я сразу понял, что это Мэри О'Брайан, судя по строгому виду и повадкам няни. Ей было около тридцати пяти; значит, на момент аварии – не больше двадцати пяти.

– Извини, Джудит, – произнесла она с явным ирландским акцентом. – Я не знала, что у тебя гости.

– Ничего, Мэри. Это мистер Готорн и...

– Энтони, – представился я.

– Они задают вопросы о Дайане Каупер.

– А... – Мэри помрачнела и покосилась на дверь, явно жалея, что пришла.

– Они, наверное, и с тобой захотят поговорить.

Та кивнула.

– Я все расскажу, хотя, Бог свидетель, я повторяла это миллион раз.

Мэри присела за стол. Судя по всему, она жила в доме так давно, что чувствовала себя на равных с Джудит. Последняя, однако, почему-то встала и отошла в другой конец кухни. Нет ли между ними скрытой неприязни?

– Итак, чем могу помочь?

– Расскажите, что произошло в тот день, – попросил Готорн. – Я понимаю, вам уже не раз приходилось повторять одно и то же, но нам могут быть полезны мельчайшие детали.

– Хорошо.

Мэри сосредоточилась. Джудит внимательно наблюдала за ней.

– Мы возвращались с пляжа. Я пообещала купить мальчикам мороженое. Мы остановились в «Ройяле», совсем недалеко от пляжа. Мальчикам было велено переходить дорогу только за руку со мной, и они всегда слушались, но в этот раз слишком устали и плохо соображали. Увидели кафе-мороженое и рванули, не подумав.

Я побежала за ними, пытаюсь догнать, схватить, но тут из-за угла показалась машина – серебристая «Тойота». Я была уверена, что водитель затормозит... Я не успела их остановить. От удара Тимми упал, а Ларри подбросило вверх – я думала, он пострадал больше...

Она покосилась на хозяйку.

– Прости, Джудит, что повторяю все это...

– Ничего, Мэри, им нужно знать.

– Машина затормозила поодаль, метрах в двадцати. Я ждала, что водитель выйдет к нам, а она вдруг завелась и поспешно скрылась.

– Вы точно разглядели миссис Каупер за рулем?

– Нет. Я видела только затылок, да и то нечетко. Я была в шоке...

¹² Нарушение речи.

– Продолжайте.

– А больше нечего особо рассказывать. Как из ниоткуда вдруг набежала целая толпа народу. Рядом с кафе была аптека; владелец прибежал первым. Травертон его фамилия, очень старался нам помочь.

– А продавцы мороженого? – спросил Готорн.

– Кафе было закрыто, – пояснила Джудит, и в ее голосе прозвучала горькая ирония.

– Да, от этого еще хуже, – согласилась Мэри. – Там была маленькая табличка, и мальчики ее не заметили.

– Что произошло потом?

– Прибыла полиция, за ней «Скорая». Нас отвезли в больницу... Я все время спрашивала о мальчиках, но поскольку я не мать, мне ничего не говорили. Я заставила их позвонить Джудит... и Алану. Лишь когда они приехали, все и открылось.

– А как быстро полиция нашла Дайану Каупер?

– Сын привез ее в участок пару часов спустя. Она все равно бы никуда не делась – один из свидетелей запомнил номера, так что в полиции знали, кому принадлежит машина.

– А после этого вам приходилось сталкиваться с миссис Каупер?

Мэри кивнула.

– Да, на суде. Я с ней не разговаривала.

– И больше вы не виделись?

– Нет. С чего бы? Глаза б мои на нее не глядели...

– Ее убили недавно.

– И вы намекаете, что это сделала я? Какая чушь! Я даже не знаю, где она живет.

И снова я не поверил: в наши дни узнать чей-то адрес проще простого. Приглядевшись, я вдруг осознал, что Мэри О'Брайан вполне привлекательная женщина: была в ней какая-то свежесть, незамутненность... В то же время она явно что-то скрывает... Нет, я ей решительно не доверял.

– Мистер Готорн полагает, что Ларри приходил к этой женщине в одиночку, – сказала Джудит.

– Глупости! Он никуда не ездит один!

Готорн и бровью не повел.

– Может быть. Однако буквально перед смертью миссис Каупер отправила весьма странное сообщение, где утверждала, что видела его. Значит, в пятницу, шестого числа, вы оба находились дома?

– Да.

– И вы не сопровождали миссис Гудвин в Южном Кенсингтоне?

– Ларри ненавидит магазины; покупка одежды для него – сущий кошмар.

– Почему бы вам не поговорить с ним? – предложила Джудит.

Мэри удивленно посмотрела на нее.

– Так проще всего, и не надо ничего объяснять. – Джудит повернулась к Готорну. – Можете задать ему несколько вопросов, если хотите, только, пожалуйста, поаккуратнее – его легко расстроить.

Я удивился не меньше няни; видимо, это был самый простой способ поскорее избавиться от непрошенных визитеров. Готорн кивнул, и Джудит повела нас наверх; ступеньки скрипели под ее ногами. Чем выше мы поднимались, тем более запущенным казался дом.

На втором этаже мы подошли к главной спальне с видом на Роксборо-авеню; судя по всему, родители отдали ее сыну после аварии. Джудит постучала в дверь и вошла, не дожидаясь ответа.

– Ларри, тут с тобой хотят поговорить.

– Кто?

– Мои друзья.

Ларри Гудвин сидел за компьютером спиной к нам и играл в какую-то игру, кажется, «Мортал комбат». По его разговору сразу было понятно, что у мальчика нарушены речевые функции: слова выходили невнятные, полуоформленные, как будто из-за некоей пелены. Бросались в глаза длинные нечесанные волосы и лишний вес, подчеркиваемый мешковатыми джинсами и свитером свободного покроя. Стены спальни были оклеены постерами футбольного клуба «Эвертон», кровать двуспальная, небольшая. Чисто прибрано, ухоженно – и все равно подзапущено.

Ларри прошел уровень в игре до конца, нажал кнопку «Пауза» и обернулся. Круглое лицо, толстые губы, легкий пушок на щеках. Повреждения мозга отчетливо читались в расфокусированном взгляде, не выражающем ни малейшего любопытства. Я знал, что ему девятнадцать, но выглядел он старше.

– Вы кто? – спросил мальчик.

– Меня зовут Готорн, я друг твоей мамы.

– У мамы особо нет друзей.

– Не может быть.

Готорн огляделся.

– Хорошая у тебя комната.

– Больше не моя. Мы продаем.

– Мы найдем не хуже, – пообещала Мэри, садясь на кровать.

– Я не хочу уезжать.

– Вы собирались его о чем-то спросить? – напомнила Джудит возле двери, стремясь поскорее от нас избавиться.

– Ларри, ты часто выходишь гулять? – поинтересовался Готорн.

Ну и смысл? Видно же, что мальчик никак не смог бы добраться до центра города; тем более в нем не чувствовалось ни капли агрессии – авария забрала все эмоции вместе с остальной жизнью...

– Выхожу иногда, – ответил тот.

– Но не один, – добавила Мэри.

– Иногда, – возразил мальчик. – Я ездил к папе.

– Мы посадили тебя на такси, а он встретил.

– Ты когда-нибудь был в Южном Кенсингтоне? – спросил Готорн.

– Сто раз.

– Да он понятия не имеет, где это, – вполголоса заметила мать.

Я не выдержал и тихо вышел, впервые взяв инициативу на себя. Готорн последовал за мной. Джудит Гудвин проводила нас до выхода.

– Какая молодец няня, что осталась с вами, – заметил Готорн. Тон у него был уважительный, но я-то знал: он попросту копает информацию.

– Мэри очень привязалась к мальчишкам и после аварии не смогла уйти. Я рада, что она осталась: для Ларри очень важна непрерывность общения.

И снова в ее голосе слышались холод и недосказанность.

– Она переедет с вами?

– Мы это еще не обсуждали.

Джудит открыла входную дверь.

– Было бы хорошо, если бы вы больше не появлялись, – сказала она. – Ларри ненавидит, когда его отвлекают, и плохо переносит незнакомых людей. Я лишь хотела показать, в каком он состоянии. Как видите, мы не имеем отношения к случившемуся с Дайаной Каупер. Мне больше нечего добавить.

– Благодарю вас, – отозвался Готорн. – Вы нам очень помогли.

Как только мы оказались снаружи, он достал пачку сигарет и закурил. Я понимал, что он чувствует, – я сам был рад выбраться на свежий воздух.

– Почему вы не показали ей письмо? – спросил я.

– Чего? – Готорн помахал спичкой, гася пламя.

– Письмо, которое получила Дайана Каупер – ну то, что вы забрали у Андреа Ключванек! Может, Джудит его сама написала? Или ее муж. Она могла бы опознать почерк.

Готорн рассеянно пожал плечами, думая о чем-то своем.

– Бедный парень, – пробормотал он.

– Да, ужасно... – согласился я совершенно искренне.

Оба моих сына упрямо предпочитают ездить в Лондон на великах, частенько забывая надеть шлемы. Конечно, я на них ору, а что толку? Им уже под тридцать. Ларри Гудвин был воплощением кошмара, о котором я старался не думать.

– У меня есть сын, – заявил вдруг Готорн, отвечая на вопрос, заданный двадцать четыре часа назад.

– Сколько ему?

– Одиннадцать.

Готорн был явно расстроен, его мысли витали где-то далеко. Только я собрался задать следующий вопрос, как он повернулся и выдал:

– И он не читает твои гребаные книжки!

Зажав сигарету между пальцами, Готорн поднес ее к губам и двинулся вперед. Я последовал за ним.

Затем произошло нечто странное. То ли сработал инстинкт, то ли я краем глаза засек какое-то движение, но я вдруг почувствовал, что за нами наблюдают. Я оглянулся на дом: кто-то стоял у окна комнаты Ларри Гудвина, однако, заметив меня, поспешно отступил. Я так и не смог разглядеть, был ли это сам Ларри или его няня, Мэри О’Брайан.

И только сейчас я вдруг понял, что они практически неотличимы.

9. Звездное обаяние

По дороге к метро Готорну кто-то позвонил на мобильный. Он ответил, но не представился, лишь молча выслушал с полминуты и нажал отбой.

– Мы едем на Брик-лейн, – объявил он.

– Зачем?

– Блудный сын вернулся, Дэмиэн Каупер. Наверное, никак не мог втиснуть поездку в плотный график. Мать мертва уже больше недели.

Я задумался над его словами.

– А кто это был?

– Где?

– По телефону.

– Какая разница?

– Было бы интересно узнать, откуда вы получаете информацию.

Готорн не ответил, и я продолжил:

– Вы в курсе, что Джудит Гудвин выходила со станции «Южный Кенсингтон», – значит, кто-то предоставил вам доступ к записям с видеокамеры. Потом криминальное прошлое Андреа Клюванек. Для бывшего полицейского вы поразительно осведомлены.

Готорн устремил на меня знакомый взгляд, который у него так хорошо получался: смесь удивления и обиды.

– Неважно, – буркнул он.

– Еще как важно! Я ведь пишу о вас книгу – не могу же я доставать информацию из ниоткуда, как кролика из шляпы! Если хотите, просто скажите, что встретили в гараже одного типа; назовем его Глубокая Глотка¹³. Нет, мне нужна правда. Вам явно кто-то помогает. Кто же?

Мимо прошла группка школьников в форме: долгополые пиджаки, галстуки, соломенные шляпы.

– Интересно, они хоть понимают, что выглядят как полные придурки... – пробормотал себе под нос Готорн.

– Нормально выглядят. И не пытайтесь сменить тему.

– Ладно... – Готорн нахмурился. – Когда на меня повесили всех собак, мой бывший начальник, фамилию не скажу, прекрасно понимал, что все это бред. Да и вообще, я ему нужен. Ты же видел Мидоуза... Сложи ай-кью половины наших офицеров – и то трехзначной цифры не наберется. Он привлек меня в качестве консультанта и использует до сих пор.

– И сколько вас таких?

– Я один. Есть и другие, но толку от них никакого.

Это прозвучало беззлобно.

– Брик-лейн?..

– Дэмиэн Каупер прилетел вчера из Лос-Анджелеса бизнес-классом. С ним подруга, Грейс Ловелл, и дочь.

– Вы не говорили, что у него есть ребенок.

– Зато говорил про пристрастие к кокаину. А еще квартира на Брик-лейн, туда-то мы и идем.

Мы прошли мимо школы и направились вниз по склону к метро. Честно говоря, мне начинала не нравиться собственная роль в этой истории: хожу за Готорном по всему Лондону как привязанный, и что за книга получится в результате? От Британия-роуд до похоронного агентства, затем Южный Эктон, Мраморная арка, Харроу-он-Хилл; следующая остановка – Брик-лейн... Больше похоже на справочник Лондона, чем на детективную историю.

Досадно, что Ларри Гудвин оказался «пустышкой». Дайана Каупер утверждала, что видела его, однако мальчик никоим образом не смог бы в одиночку пересечь Лондон, не говоря уж о том, чтобы совершить хорошо запланированное убийство, требующее физических сил. А если не он, то

¹³ Англоязычная идиома для обозначения скрытого источника информации.

кто? Если бы событиями распоряжался я, то к этому времени убийца уже появился бы на страницах книги, а пока что мы не встретили подходящего кандидата на эту роль.

Был и еще один момент: мой литературный агент не в курсе происходящего и спокойно ждет, что я появлюсь с идеей новой книги после «Дома шелка». Рано или поздно придется начать разговор, и новости ей вряд ли понравятся.

Мы спустились в метро. Предстояло пересечь весь Лондон с запада на восток, и на такси это заняло бы вечность.

Вагон был почти пуст. Мы сели друг напротив друга. Едва закрылись двери, Готорн наклонился и спросил:

– Ты уже придумал название?

– Какое название?

– Для книги.

Значит, он тоже об этом думает...

– Еще рано. Сперва нужно раскрыть убийство, и тогда у меня сложится более внятное представление о сюжете.

– А разве название не сначала придумывают?

– Да нет.

С названиями у меня всегда было сложно. В Великобритании каждый год выпускают около двухсот тысяч книг, и хотя к некоторым прилагается бонус в виде известного автора, подавляющее большинство имеют в своем распоряжении лишь пару-тройку слов на площади шесть на девять дюймов. Название должно быть коротким, значимым, оригинальным, легким, запоминающимся... Немало требований, как видите.

Множество хороших названий попросту позаимствованы из текстов каких-нибудь других литературных произведений: «Гроздь гнева», «О мышах и людях», «Ярмарка тщеславия». Агата Кристи использовала Библию, Шекспира, Теннисона и даже «Рубай» Омара Хайяма. Как по мне, никто еще не переплюнул Яна Флеминга: «Из России с любовью», «Живешь только дважды», «Живи и дай умереть». Его названия буквально стали крылатыми, хотя и дались ему нелегко. «Живи и дай умереть» едва не вышла как «Ветер-могильщик», «Лунный гонщик» изначально был «Секретом Лунного гонщика», «Загадкой Лунного гонщика», «Планом Лунного гонщика» и даже какое-то время «Понедельники – зло», а рабочее название «Голдфингера»¹⁴ – «Самый богатый человек в мире»¹⁵.

У меня пока нет вариантов названия для новой книги. Не факт, что у меня вообще есть книга.

Какое-то время мы с Готорном молчали. Я рассеянно смотрел, как проносятся мимо станции: «Паддингтон», «Эджвер-роуд», «Бейкер-стрит» с силуэтом Шерлока Холмса на плитках стен. Вот, кстати, еще один мастер названий, хотя у Конана Дойла тоже частенько бывали сомнения. Стал бы «Этюд в багровых тонах» столь же популярен, если бы остался «Запутанным клубком»?

– Я тут прикинул – «Расследует Готорн», – неожиданно произнес мой визави.

– Чего?

– Для книги.

Вагон постепенно заполнялся. Он подошел и сел рядом.

– Во всяком случае, для первой. У них у всех на обложке должна стоять моя фамилия.

Мне и в голову не приходило, что он планирует целую серию. Честно говоря, у меня кровь застыла в жилах.

– Мне не нравится.

– Почему нет?

Я задумался.

– Ну... Как-то старомодно.

– Разве?

¹⁴ Goldfinger (*англ.*) – золотой палец; здесь: человек, прикосновением обращающий все в золото.

¹⁵ Перечисляются романы о Джеймсе Бонде.

– «Расследует Паркер Пайн» Агаты Кристи, «Расследования Хетти Уэйнтропп»¹⁶. Все это уже было.

– А... Ладно. Что-нибудь придумаю.

– Ну уж нет! Это моя книга, я сам придумаю. Только получше! Честно говоря, «Дом шелка» мне как-то не очень.

Я и забыл, что вообще упоминал об этой книге.

– Прекрасное название! – воскликнул я. – Звучит как раз в духе Шерлока Холмса, да и сюжет на этом построен. Издателю так понравилось, что он даже собирается вложить в книгу белую ленточку.

Я повысил голос, стараясь перекричать грохот поезда, но тут мы остановились, и пассажиры начали на меня поглядывать.

– Да ладно, приятель, не бушуй. Я помочь хотел...

Двери закрылись, и нас снова унесло в темноту.

* * *

Вообще-то я уже кое-что знал о Дэмиэне Каупере – погуглил прошлым вечером. Как правило, я стараюсь не заглядывать в Википедию: полезно, конечно, если знаешь, что искать, но при этом столько дезинформации! Автору, собирающему материал, недолго и в лужу сесть. Более того, легко представить себе, как успешный актер сам подправляет свою страницу, так что я предпочитал другие источники. К счастью, о Дэмиэне регулярно писали в газетах, благодаря чему мне удалось составить о нем примерное представление.

В 1999-м он окончил Королевскую академию театрального искусства, и его тут же подхватило крупное театральное агентство, работающее с такими клиентами, как Тильда Суинтон, Марк Райланс и Стивен Фрай. Следующие два года он играл в Шекспировской Королевской компании: Ариэль в «Буре», Малькольм в «Макбете», главная роль в «Генрихе V». Затем перешел на телевидение, начав со шпионского триллера «Большая игра» на Би-би-си, выпущенного в 2003-м. Первую премию BAFTA¹⁷ получил за роль в фильме «Холодный дом» и в том же году был признан лучшим в номинации «Молодые таланты» за роль Алджернона в пьесе «Как важно быть серьезным». Ходили слухи, что Каупер отказался от предложения сыграть Доктора Кто¹⁸ (вместо него выбрали Дэвида Теннанта), но теперь его карьера пошла на взлет. За «Матч-пойнтом» Вуди Аллена последовал принц Каспиан, два фильма про Гарри Поттера, «Социальная сеть» и «Звездный путь». В 2009-м Каупер переехал в Голливуд и снялся в двух сезонах «Безумцев». Была еще пилотная серия одного сериала, но не «выстрелила». Наконец ему дали главную роль в «Родине» с Клэр Дэйнс и Мэнди Патинкиным. Уже собирались начать съемки, и тут беда с матерью...

Уж не знаю, на какой стадии он смог позволить себе квартиру с двумя спальнями на Бриклейн, на втором этаже бывшего склада, переделанного под жилой дом: деревянные полы, потолочные балки, старомодные радиаторы и кирпичные конструкции. Просторная студия выглядела фальшиво, словно декорации: слева – кухонная зона в промышленном стиле, затем гостиная зона с кофейным столиком, окруженным винтажными кожаными диванами и креслами, и, наконец, стеклянные двери выходили на террасу, где виднелись цветочные горшки и барбекю. У дальней стены стоял музыкальный автомат прошлого века, искусно отреставрированный; винтовая лестница вела на второй этаж.

Дэмиэн Каупер подждал нас, сидя на барном стуле возле кухонной стойки. Было в нем что-то ненатуральное: расслабленная поза, рубашка с расстегнутым воротником, в разрезе которого виднелась золотая цепь, загар; он словно позировал для обложки модного журнала. Актер был поразительно красив (и наверняка знал это): смоляные волосы, зачесанные назад, ярко-голубые глаза и холеная щетина точно рассчитанной длины. Он выглядел усталым, что и понятно после

¹⁶ Британский сериал 1990-х гг.

¹⁷ Вручается Британской академией кино и телевидения (British Academy of Film and Television Arts).

¹⁸ Главный герой культового британского фантастического сериала, идущего с 1963 г.; на данный момент его роль исполняли тринадцать актеров.

долгого перелета; к тому же большую часть дня его опрашивала полиция. Опять же предстояло организовать похороны – точнее, присутствовать, ведь все уже организовано.

Дэмиэн впустил нас, нажав на кнопку домофона; когда мы вошли, он разговаривал по мобильному.

– Да-да... Слушай, я перезвоню, ладно? Ко мне люди пришли. Береги себя, детка. Увидимся.

Он нажал отбой.

– Извините, только вчера приехал, сами понимаете, что тут творится.

В его голосе отчетливо слышался раздражающий американский акцент. Я вспомнил о денежных проблемах, подругах, наркотиках и решил, что верю всему. Рядом с Дэмиэном Каупером хотелось внутренне ощетиниться.

Мы пожали друг другу руки.

– Хотите кофе? – Дэмиэн указал на диван, приглашая нас сесть.

– Спасибо.

На кухне стояла кофемашина из тех, в которые закладывают капсулы, а молоко взбивается в металлическом цилиндре.

– Какой кошмар! Бедная мама! Я вчера целый день общался с полицейскими. Сперва я даже не поверил... – Он осекся. – Я расскажу вам все, что нужно, лишь бы поймали этого ублюдка...

– Когда вы в последний раз виделись с матерью?

– В декабре. – Дэмиэн открыл холодильник и достал молоко. – Она хотела провести время с малышкой – у нее есть внучка, – а нам проще сюда приехать, к тому же у меня тут были дела. В общем, мы провели вместе Рождество. Они с Грейс поладили. Я рад, что они успели получше узнать друг друга.

– Вы с мамой были близки? – спросил Готорн нейтральным тоном, однако блеск в глазах ясно говорил о том, что он в это не верит.

– Да, конечно! Правда, ей было нелегко, когда я уехал в Америку, но мать всегда меня поддерживала, гордилась. И вообще, знаете, отец давно умер, она больше не вышла замуж... Думаю, для нее мой успех очень много значил.

Вспоминая о покойном отце, Дэмиэн рисовал на кофейной пенке какой-то узор. Полюбовавшись на свою работу, он подал нам чашки и добавил:

– Не могу выразить, как я переживал, узнав...

– Она умерла больше недели назад, – заметил Готорн как бы между прочим.

– Не смог сразу вырваться – начались съемки нового сериала, к тому же надо было закрыть дом и пристроить собаку.

– А, у вас песик... Как мило!

– Да, лабрадудль¹⁹.

Последняя фраза заставила меня призадуматься. Так ли искренен заботливый, любящий, скорбящий Дэмиэн Каупер? В списке приоритетов первыми стоят съемки нового сериала, затем потребности домашнего питомца, и только потом можно вылететь на похороны и помочь в расследовании зверского убийства матери.

– Как часто вы общались? – спросил Готорн.

– Раз в неделю. – Пауза. – Ну раз в две точно. Мама приезжала сюда, поливала цветы, переправляла почту. Нельзя сказать, что мы постоянно были на связи, – она была занята, да и разница во времени опять же... Мы часто переписывались и слали друг другу эсэмэски.

– В день смерти она отправила вам сообщение, – напомнил я.

– Да, я уже сказал полиции. Написала, что боится.

– Вы поняли, кого она имела в виду?

– Того мальчика, что пострадал в Диле.

– Он не просто пострадал. – Готорн сидел в углу дивана, скрестив ноги, больше похожий на врача, чем на сыщика. – Он получил серьезные повреждения мозга, ему требуется круглосуточное наблюдение.

– Это был несчастный случай!

¹⁹ Гибрид лабрадора-ретривера и пуделя.

Внезапно Дэмиэн занервничал, засуетился, принялся рыться в карманах. Готорн предложил ему сигарету, тот взял. Оба закурили.

– Вы намекаете, что он причастен к убийству? Я вчера полдня разговаривал с полицией, они ничего такого не упоминали. Считается, что произошло ограбление...

– Ограбление – лишь одна из версий, мистер Каупер; я должен видеть всю картину целиком. Вы не могли бы рассказать мне о том, что произошло в Диле? Вы ведь были там.

– Не я же вел машину! Господи...

Дэмиэн нервно провел рукой по безупречным волосам. Да, он явно не привык к расспросам, разве что для гламурного журнала, только на сей раз рядом нет пиар-менеджера, следящего за ходом интервью.

– Слушайте, это было давным-давно! Мама жила в Уолмере, в соседней деревне. Мы всегда там жили, я там даже родился. После смерти отца мама решила остаться. Дом очень много значил для нее – дом, сад... У нее как раз был день рождения, и я приехал на пару дней. Только что развязался с Шекспировской компанией, читал телесценарии и выбирал, куда двигать дальше... В общем, в среду мама поехала играть в гольф, мы собирались поужинать где-нибудь, но тут она вернулась в ужасном состоянии: сказала, что забыла надеть очки и сбила кого-то. Она тогда еще не знала, что мальчик погиб...

– Почему она не остановилась?

– Что ж, не стану скрывать... Дело в том, что она переживала за меня: моя карьера пошла на взлет. Я как раз получил прекрасные отзывы на «Генриха Пятого»; поговаривали даже о постановке на Бродвее. Мама боялась, что огласка мне повредит... Разумеется, она не собиралась прятаться, об этом и речи не было, просто сперва хотела поговорить со мной, обсудить...

– Она убила ребенка!

Готорн вдруг подался вперед, взгляд его стал жестким, обвиняющим – очередная трансформация, к которым я постепенно привыкал: от свидетеля к обвинителю, от друга к опасному врагу.

– Я вам уже сказал – она не знала!

Он помолчал немного.

– В любом случае в той истории концы с концами не сходятся.

– Например?

– Няня утверждала, что дети побежали через дорогу за мороженым, но кафе-то было закрыто! И потом еще пропавший свидетель...

– Это какой же?

– Человек, который первым прибыл на место аварии. Он вроде пытался помочь, но когда приехали «Скорая» и полиция, вдруг исчез. Ни на следствии, ни в суде так и не удалось установить, кто это был и что он видел.

– Вы хотите сказать, что ваша мать невиновна?

– Нет.

Дэмиэн вытащил сигарету, держа ее большим и указательным пальцами, как в черно-белых фильмах.

– Мама должна была надеть очки. Вы не представляете, как она расстроилась! Впредь никогда не садилась за руль. И хотя у нее сердце разрывалось, она поняла, что не сможет оставаться в Уолмере. Через несколько месяцев продала дом и переехала в Лондон.

В соседней комнате зазвонил телефон.

– Значит, больше у нее не было никаких контактов с этой семьей? – уточнил Готорн.

– С Гудвинами? – Дэмиэн пожал плечами. – Были «контакты», еще как! Они не смирились с решением суда. Буквально за пару недель до ее гибели к маме приходил Алан Гудвин.

– Откуда вы знаете?

– Сама сказала. Пришел прямо домой, на Британия-роуд, представляете? Просил денег – бизнес у него разваливался. А когда мама велела ему уходить, написал записку. Как по мне, это самое настоящее преследование. Я посоветовал ей обратиться в полицию.

Алан Гудвин потерял ребенка, второго сделали инвалидом. Трудно представить себе Дэмиэна Каупера жертвой обстоятельств. Однако прежде чем Готорн успел высказаться, с верхнего этажа

по витой лестнице спустилась молодая, очень красивая афроамериканка, ведя за руку маленькую девочку.

– Дэм, это Джейсон, – сказала она, протягивая ему телефон. – Говорит, срочно.

– О'кей. – Дэмиэн взял трубку и направился в сторону террасы. – Извините, это мой менеджер, надо ответить.

Он остановился у окна и нахмурился.

– Ты ведь собиралась уложить Эшли спать?

– Не хочет – разница во времени. День и ночь перепутались.

Дэмиэн вышел, оставив нас с женщиной и ребенком. Значит, это и есть Грейс Ловелл. Судя по всему, модель или актриса (или была в прошлом): об этом красноречиво свидетельствует яркая внешность, особая уверенность в себе, манящая привлекательность, которая так и просится на экран. Около тридцати, высокие скулы, длинная шея, аккуратные округлые плечи. Не ней были джинсы в обличку и дорогой джемпер свободного покроя. Малышка уставилась на нас глазами-блюдцами – на вид не больше трех. Привыкла, наверное, что ее таскают по всему миру туда-сюда.

– Я – Грейс, – представилась девушка, – а это Эшли. Эшли, поздоровайся.

Ребенок молчал.

– Дэмиэн предложил вам кофе?

– Да, спасибо.

– Вы насчет Дайаны?

– Боюсь, что да.

– Он ужасно расстроен, хоть и не подает вида – Дэмиэн умеет скрывать свои чувства.

Интересно, зачем она его защищает?

– Когда он узнал, был просто убит горем. Он обожал маму.

– Мистер Каупер упомянул, что вы гостили у нее на прошлое Рождество.

– Да, мы провели вместе какое-то время, хотя она больше интересовалась Эшли, чем мной. – Грейс достала из холодильника пакет с соком, налила немного в пластиковую чашку и дала ребенку. – Впрочем, это и понятно, все-таки первая внучка.

– Вы тоже актриса? – спросил я.

– Да. Ну то есть была. Так мы и познакомились – учились вместе. Дэмиэн играл Гамлета. Изумительная постановка, о ней до сих пор говорят. Все знали, что он станет звездой. А я играла Офелию.

– Значит, вы уже давно вместе?

– Нет. После театральной академии Дэмиэн отправился работать в Стратфорд-на-Эйвоне, а я много снималась на телевидении: «Холби Сити», «Джонатан Крик», «Близкие друзья» – всякое такое. Мы столкнулись пару лет назад на вечеринке в честь премьеры. Стали встречаться, и тут появилась Эшли.

– Вам, наверное, трудно сидеть дома, – заметил я.

– Мне нравится.

Почему-то я ей не поверил. Во взгляде Грейс читалась какая-то нервозность. Даже телефон она протягивала с опаской, словно боялась, что Дэмиэн вырвет у нее из рук. Пожалуй, Грейс боялась и самого Дэмиэна. Без сомнения, успех сильно его изменил; это был уже не тот юноша, с которым она познакомилась в академии.

Меж тем Дэмиэн закончил разговор и вернулся в комнату.

– Извините, – сказал он. – Там все с ума посходили. Съёмки начинаются через неделю.

– Чего он хотел? – спросила Грейс.

– Узнать, когда я вернусь. Вот урод! Я же только приехал! – Дэмиэн глянул на часы – громоздкий кусок стали с несколькими циферблатами. – В Лос-Анджелесе пять утра, а он уже вкальывает.

– И когда вы возвращаетесь? – спросил Готорн.

– Похороны в пятницу; мы уезжаем на следующий день.

– А... – Грейс явно расстроилась. – Я надеялась, что мы останемся подольше.

– Ты же знаешь, надо репетировать.

– Я хотела немного погостить у мамы с папой.

– Детка, ты целую неделю была с ними!

Слово «детка» прозвучало одновременно снисходительно и угрожающе.

– Вам еще что-нибудь нужно? – обратился к нам Дэмиэн, думая о своем. – Не вижу, чем могу помочь. Я уже рассказал полиции все, что знаю, и, честно говоря, их расследование движется совсем в другом направлении. Я потерял мать, мне и так плохо, а тут еще вспоминать прошлое...

Готорн поморщился, словно ему самому было неприятно, и тем не менее продолжал гнуть свою линию:

– Вы знали, что ваша мать запланировала собственные похороны?

– Нет, она не говорила.

– Как вы думаете, откуда такое решение?

– Понятия не имею. Вообще-то она была очень организованным человеком. Похороны, завещание...

– Вам известно о завещании?

Когда Дэмиэн злился, на его щеках загорались два маленьких красных пятнышка, словно лампочки.

– Я всегда знал о завещании, но не собираюсь его обсуждать.

– Я так понимаю, она оставила все вам?

– Я уже сказал – это личное.

Готорн поднялся.

– Увидимся на похоронах. Вы будете выступать?

– Мама распорядилась, чтобы я сказал несколько слов, а Грейс прочтет стих.

– Сильвии Плат, – уточнила девушка.

– Я и не знал, что ей нравится Плат, пока мне не позвонила женщина из похоронного агентства, Айрин Лоуз. Оказывается, все это было расписано заранее.

– Вас не удивляет, что миссис Каупер сделала распоряжения ровно в день смерти?

Похоже, вопрос Дэмиэну не понравился.

– Обычное совпадение.

– Странное совпадение.

– Не вижу ничего странного. – Дэмиэн подошел к входной двери и распахнул ее. – Рад был познакомиться.

Он даже не пытался казаться вежливым.

Как только мы вышли, Готорн остановился, погруженный в мысли.

– Я что-то упустил... – пробормотал он.

– Что?

– Не знаю... Это было после того, как ты спросил у него про сообщение. Ну сколько раз говорить одно и то же! Почему ты не можешь заткнуться и помолчать?

– Иди ты к черту! – От злости я даже перешел на «ты». – Не смей со мной так разговаривать! Если ты думаешь, что я буду бегать за тобой по всему Лондону, как собачонка, то ты ошибаешься! Я не идиот! Да, спросил, ну и что? Она явно имеет отношение к делу...

– Это ты так думаешь!

– Разве нет?

– Не знаю! Может, имеет, может, нет. Он сказал что-то важное, а ты сбил меня с мысли, и теперь я не могу вспомнить...

– Спросишь на похоронах, – бросил я через плечо, уходя. – Потом расскажешь.

– В пятницу в одиннадцать! – крикнул мне в спину Готорн. – Бромптонское кладбище.

Я остановился и обернулся.

– Я не приду, я занят.

Готорн двинулся за мной.

– Ты должен пойти, это важно! Вспомни, она сама заказала похороны.

– Извини, у меня встреча. Делай пометки – у тебя наверняка лучше получится.

Я увидел такси и махнул рукой. На этот раз Готорн не пытался меня остановить. Я выдержал характер и не обернулся, однако успел заметить его отражение в зеркале: он закуривал очередную сигарету.

10. Обсуждение сценария

У меня действительно имелась веская причина не ходить на похороны: за день до того мне позвонили из офиса Стивена Спилберга. Они с Питером Джексоном прибыли в Лондон и хотели обсудить со мной черновую вариант сценария в отеле «Сохо» на Ричмонд-Мьюз, неподалеку от Дин-стрит.

Я хорошо знаю «Сохо». Трудно поверить, что когда-то здесь была муниципальная парковка (на прошлое намекают лишь низкие потолки и отсутствие окон): сейчас это практически центр британской киноиндустрии. Вокруг расположены несколько студий, и даже в самом отеле есть парочка кинозалов. Раз или два мне довелось обедать в ресторане на первом этаже; там просто невозможно не встретить знакомых, и уже само твое присутствие здесь как бы говорит, что ты состоялся. В каком-то смысле это маленький уголок местного Лос-Анджелеса.

В тот вечер я напрочь забыл о Дэмиэне Каупере и его матери. Я наскоро поужинал и поднялся к себе в кабинет, чтобы в сотый раз перечитать сценарий. Я знал, что в нем есть много хороших находок, однако меня одолевали сомнения: еще неизвестно, как Джексон со Спилбергом воспримут мою работу.

Тинтин, сугубо европейский феномен, никогда не был особенно популярен по ту сторону Атлантики. Отчасти причина тому кроется в истории. Альбом 1932 года «Тинтин в Америке» представляет собой безжалостную сатиру на Штаты, изображая американцев злыми, жадными и порочными: к примеру, полицейский отдает честь проходящему мимо бандиту в маске с дымящимся ружьем; едва Тинтин прибыл в Нью-Йорк и сел в такси, как его тут же похитила банда. В следующих пяти частях блестяще отражается история коренного населения: в резервации нашли нефть, съезжаются бизнесмены с сигарами, солдаты сгоняют плачущих детей с их земли, прибывают строители и банкиры. Буквально на следующий день полицейский велит Тинтину убраться с дороги на главном перекрестке: «Тут тебе не Дикий Запад!»

Кроме того, следует принять во внимание и культурный диссонанс. Как американцы воспримут странные отношения, которые в среде Тинтина кажутся вполне нормальными? Его дружба с капитаном Хаддоком, не до конца завязавшим алкоголиком, с глухим профессором Калькулюсом (которого исключили из первого фильма)... Говорящая собака, идиоты частные сыщики, Томсон и Томпсон, различающиеся лишь по форме усов. Но самое главное – отсутствие проработанной логики. К примеру, в комиксах «Марвел» и «Ди-Си» действуют фантастические персонажи, зато, по крайней мере, у них понятные приключения, есть истории, личные трагедии (так, суперзлодей Магнето – жертва холокоста), любовные романы, психологические проблемы, политические взгляды и тому подобное. Очень немногие из выпусков «Тинтина» имеют хотя бы относительно внятную сюжетную канву, а «Драгоценности Кастафьоре» вообще задуманы как практически бессюжетный комикс.

У Тинтина нет девушки. Предполагается, что он – журналист, однако никто не видел его за работой. Возраст неопределенный, вполне может быть ребенком – этакий бойскаут-переросток. Одевается нелепо, прическа идиотская. В отличие от остальных тщательно прорисованных персонажей, он нарочно изображается схематично: три точки – глаза и рот, вместо носа – маленькая буква «с». Предположительно бельгиец, при этом не имеет никаких национальных черт, которые могли бы выдать в нем иностранца за рубежом. Ни родителей, ни дома (до тех пор, пока он не переезжает к капитану Хаддоку), никаких чувств и эмоций, кроме желания путешествовать и искать приключений. Ну что это за герой для голливудского фильма с бюджетом в 135 миллионов долларов?

В мир Тинтина меня затащило довольно странным образом: пригласили поработать над компьютерной игрой, выходящей вместе с первым фильмом «Тайна 'Единорога'». Игру выпускала французская фирма, которая только что выстрелила мощным хитом «Кредо убийцы». Обычно я такие предложения не рассматриваю – меня мало интересуют компьютерные игры. К тому же написание произвольных диалогов для безымянных пиратов, бродящих по палубе «Единорога», – не слишком вдохновляющее занятие, даже несмотря на то, что я (в ранней версии) заставил их

увлеченно обсуждать мои книги. Однако Спилберг есть Спилберг; никогда не знаешь, куда это может привести.

Меня привело в Веллингтон, в дом Питера Джексона. Процесс создания сиквела разворачивался в тот момент, когда съемки первого фильма подходили к концу. Даже больше того: выяснилось, что в «Тайне 'Единорога'» имеются кой-какие неувязки, и меня практически случайно попросили помочь, придать сюжету и повествовательной линии более законченную форму, даже добавить сцен. Кое-что вошло в фильм. Есть там один крошечный момент, когда мужчина врывается в фонарный столб, падает на землю и вокруг его головы начинают кружиться птички (в стиле Эрже). Так вот, дальше камера отъезжает назад и обнаруживается, что инцидент произошел возле зоомагазина и птички настоящие: владелец бежит вокруг с сеткой, пытаясь их поймать.

Я упоминаю об этом лишь потому, что фильм снимал Спилберг, и за сорок лет писательства это, пожалуй, самый значимый эпизод в моей карьере. Когда он показал мне фильм в Лос-Анджелесе, в смотровом зале, я чуть не выпрыгнул с дивана от волнения. Человек, снявший «Челюсти», «Индиану Джонса», «Список Шиндлера» – и сорок секунд моего авторства! Когда я оглядываюсь назад, на всю эпопею с Тинтином, то вспоминаю именно этот момент.

Мне понравилось работать с Питером Джексонем. Честно говоря, он и сам мне сразу понравился, с первой встречи на студии «Вета» в Веллингтоне. Где-то посреди длинного коридора мы остановились перед ничем не примечательным шкафом. Джексон нажал на кнопку, и задняя стенка отъехала в сторону, открыв гигантское пространство. Потайная дверь! В книгах Тинтина их полно. У меня даже дома в Лондоне есть такая (правда, попроще). Джексон оказался приятным, уравновешенным, дружелюбным парнем; с ним как-то легко забывалось, что перед тобой человек, написавший и снявший три из списка самых успешных блокбастеров в истории кино – трилогию «Властелин колец» – и заработавший на них лично сотни миллионов долларов. Он совершенно не походил на стереотипного киномагната ни стилем одежды, ни образом жизни. После той первой встречи мы обычно работали у него дома; помню, было уютно, хоть и не прибрано. Когда приходило время ланча, его ассистент звонил в какое-нибудь заведение, откуда доставляли готовую еду (как правило, отвратительную).

Мы решили адаптировать один из двойных альбомов Эрже «Семь хрустальных шаров» и «Пленники Солнца». Группа профессоров натывается на гробницу жреца в стиле Тутанхамона: они ищут древний браслет, обладающий магической силой, который в свою очередь приводит их в затерянный город инков... Что-то в этом роде. К тому времени, как я закончил сценарий, половина сюжета принадлежала Эрже и довольно существенная часть – мне. Я добавил один или два больших эпизода, включая стремительную гонку по Андам и новую кульминацию с огромной золотой горой, расплавленной примитивным лазером. Мы не могли использовать оригинальную концовку, затмение, потому что она уже фигурировала в другом успешном фильме («Апокалипсис» Мела Гибсона), вышедшем пятью годами ранее.

Вот таким образом обстояли дела, когда я отправился на встречу в отель «Сохо». Питер Джексон предупредил, что у него есть замечания по сценарию, но это в порядке вещей. Сценарий фильма такого масштаба пройдет еще двадцать-тридцать стадий, прежде чем будет запущен в производство, и где-то на полпути меня наверняка уволят. Что ж, я готов – лишь бы не сразу. Надеюсь, дадут хотя бы две-три попытки на редакцию. Да, на тот момент «Тайну "Единорога"» еще не выпустили. Я уже упомянул, что видел фильм – он был великолепен. Спилберг использовал технологию «захвата движения», волшебным образом превратив актеров Джейми Белла и Энди Серкиса в Тинтина и Хаддока. Оба, кстати, уже подписаны на сиквел.

В отель я приехал к десяти часам, как договаривались. Меня провели в номер на втором этаже: большой стол для совещаний, три стакана и бутылка минеральной воды «Фиджи». Через несколько минут подошел Питер Джексон, как всегда доброжелательный, слегка помятый после перелета. Он сильно похудел, одежда висела мешком. Мы поговорили о Лондоне, о погоде, о недавно вышедших фильмах... о чем угодно, кроме сценария.

Тут открылась дверь, и вошел Спилберг. Стиль его одежды практически не меняется: кожаная куртка, джинсы, кроссовки, бейсбольная кепка, все те же очки и борода. В который раз мне захотелось ущипнуть себя: я действительно сижу в одной комнате с Ним. Он – именно тот, с кем больше всего на свете я всегда мечтал быть знаком.

Как всегда, Спилберг перешел сразу к делу. Никогда не видел человека, настолько сосредоточенного на производстве фильмов. За то короткое время, что мы общались, он ни разу не задал личных вопросов; казалось, его интересует лишь результат моей работы.

Интересно, с чего он начнет? Понравилась ли ему сюжетная линия? Цепляют ли персонажи? В нужном ли месте логические склейки? Достаточно ли смешные получились шутки? Я всегда страшусь момента, когда режиссер открывает сценарий. Первые его – или ее – слова могут изменить следующий год моей жизни.

– Вы выбрали не те выпуски, – сказал он.

Как?.. Этого не может быть! Мы с Питером еще в Веллингтоне подробно обсудили выбор, я три месяца сидел над сценарием... Я ожидал чего угодно, только не этого.

– Прошу прощения?.. – промямлил я (или что-то в этом духе, не помню).

– «Семь хрустальных шаров», «Пленники Солнца» – не то.

– Но почему?

– Я не хочу их снимать.

Я повернулся к Питеру, тот кивнул.

Ну вот и все. Никто не будет обсуждать мой сценарий: сюжет, персонажей, шутки. Говорить больше не о чем.

– Можем снять «Пленников Солнца» третьими, – предложил Питер, небрежно махнув рукой. – Какую, по-вашему, книгу Энтони следует выбрать для второго фильма?

Энтони... Это я. Значит, меня не уволят!

Однако Спилберг не успел ответить: дверь отворилась, и, к моему ужасу, вошел Готорн – как всегда, в костюме и белой рубашке; на этот раз к ним добавился черный галстук.

Для похорон.

Судя по всему, Готорн не отдавал себе отчета, какое совещание только что прервал или насколько мне это важно. Вошел преспокойно, будто его приглашали, улыбнулся, словно не ожидал меня застать.

– Тони! А я тебя искал.

– Я занят, – выдавил я, чувствуя, как кровь бросилась в лицо.

– Вижу, приятель, но ты, кажется, забыл – у нас похороны!

– Я же сказал, что не смогу пойти...

– Кто умер? – спросил Питер Джексон.

Я покосился на него. Он выглядел искренне обеспокоенным. Спилберг по другую сторону стола заметно напрягся. Могу себе представить: в его мире никто не заходит в помещение незванным гостем и без сопровождающего секретаря. Кроме всего прочего, нужно учитывать соображения безопасности.

– Никто, – поспешно отозвался я, все еще не веря своим глазам. Он нарочно пытается меня опозорить? – Я же сказал, что не смогу прийти.

– Но это важно!

– Вы кто? – поинтересовался Спилберг.

Готорн сделал вид, будто только что его заметил.

– Меня зовут Дэн Готорн, я сотрудничаю с полицией.

– Вы полицейский?

– Нет, он консультант, – встрял я. – Помогает полиции в расследовании.

– Убийство, – пояснил Готорн, нарочито выделяя ударный слог, так что прозвучало излишне зловеще. Он глянул на Спилберга, смутно припоминая. – Где-то я вас видел...

– Я – Стивен Спилберг.

– Вы работаете в кино?

Я почувствовал, что сейчас заплачу.

– Верно. Я снимаю фильмы.

– Это Стивен Спилберг, а это Питер Джексон.

Понятия не имею, зачем я открыл рот. Какая-то часть меня еще пыталась перехватить контроль; видимо, я рассчитывал нагнать на него благоговейный страх и выставить из номера.

– Питер Джексон! – Готорн просветлел лицом. – Это вы сняли «Властелина колец»!

– Да, я. – Джексон слегка расслабился. – Вы смотрели?

– Сына водил, ему очень понравилось.
– Спасибо.
– Во всяком случае, первый фильм. Никак не мог решить насчет второго, как его там...
– «Две башни». – Питер улыбался уже с некоторой прохладцей.
– Нам не понравились говорящие деревья – глупость какая-то...
– Вы имеете в виду энтов?
– Не суть. А Гэндальф? Я думал, он умер, а он раз – и снова объявился!
Готорн ненадолго задумался. Я с возрастающим ужасом ждал, что будет дальше.
– Актер, который играл Гэндальфа, Иэн Макьюэн, слегка перестарался.
– Сэр Иэн Маккеллен. Его номинировали на «Оскар».
– Так ведь не получил же!
– Мистер Готорн – консультант Скотланд-Ярда, – вмешался я. – Меня пригласили написать книгу о его последнем деле...
– Называется «Расследует Готорн», – пояснил Готорн.
– Мне нравится, – одобрил Спилберг.
– Неплохо, – кивнул Джексон.
Готорн глянул на часы.
– Похороны в одиннадцать, – напомнил он.
– Я уже сказал, что не могу...
– Надо, Тони. Там будут все, кто знал Дайану Каупер – отличная возможность понаблюдать со стороны, репетиция перед съемками. Такое нельзя пропускать!
– Я объяснил...
– Дайана Каупер? – вставил Спилберг. – Случайно, не мать Дэмиэна Каупера?
– Она самая. Ее задушили в собственном доме.
– Да, я слышал.
Меня всегда изумляло, насколько человек, снявший самые кровавые сцены в «Спасти рядового Райана» и воссоздавший зверства фашистов в «Списке Шиндлера», не любит говорить о насилии. Клянусь, однажды он слегка побледнел, когда я расписывал какую-то идею для Тинтина.
– Я с ним виделся в прошлом месяце, он заходил насчет «Боевого коня».
– Бедный парень, – покачал головой Джексон. – Какая ужасная трагедия!
– Согласен.
И Спилберг с Джексонном уставились на меня так, будто я знал Дэмиэна Каупера всю жизнь и не пойти на похороны с моей стороны просто бесчеловечно.
Тем временем Готорн терпеливо ждал, словно ангел смерти, прилетевший воззвать к совести заблудшего грешника.
– Вам и правда стоит пойти, Энтони, – высказался Спилберг.
– Это всего лишь книга, – возразил я. – Честно говоря, я вообще сомневаюсь... Фильм для меня гораздо важнее.
– Собственно, обсуждать пока нечего, – сказал Питер. – Давайте отложим встречу на пару недель и все обдумаем.
– Можем созвониться, – предложил Спилберг.
Итак, мы обсуждали Тинтина меньше двух минут. Мой сценарий выброшен на помойку, и только я собрался озвучить идеи для «Калькулюса» или «Назначение – Луна», или даже «Рейс 714 на Сидней» (ведь Спилбергу нравятся космические корабли), как меня вышвыривают.
Вопиющая несправедливость! Я встретился с двумя величайшими режиссерами в мире! Я должен был написать для них сценарий – вместо этого меня тащат на похороны человека, которого я даже не знал...
Готорн поднялся. Я и не заметил, когда он успел сесть, – представьте себе мое состояние.
– Очень рад был познакомиться, – сказал он.
– Взаимно, – откликнулся Спилберг. – Пожалуйста, передайте Дэмиэну Кауперу мои соболезнования.
– Обязательно.
– Не волнуйтесь, Энтони, мы позвоним вашему агенту.

Разумеется, никто не позвонил, и больше я их не видел. Единственное, что утешает меня сейчас, – новый фильм так и не вышел. «Тайна 'Единорога'» получил восторженные отзывы и собрал в прокате 375 миллионов долларов по всему миру, однако американские зрители восприняли его прохладнее; возможно, из-за этого они решили не продолжать. Или все-таки работают над сиквелом... Без меня.

– Ничего ребята, симпатичные, – отозвался Готорн, идя по коридору.

Меня прорвало:

– Бога ради! Я же тебе сказал, что не пойду! Зачем ты явился? Откуда ты вообще узнал, что я здесь?

– Позвонил твоей помощнице.

– И она сказала?!

– Слушай, зачем тебе Тинтин? – примиряюще отозвался Готорн. – Он же для детей! Я думал, ты закрыл эту тему.

– Его продюсирует Стивен Спилберг!

– А может, он снимет фильм по твоей новой книге? Тем более он знает Дэмиэна Каупера. Как думаешь, кто будет играть меня?

11. Похороны

Когда мне было лет двадцать, я снимал комнату в пяти минутах ходьбы от Бромптонского кладбища; жаркими летними вечерами я приходил туда и писал. Тихий оазис вдали от шумных дорог и пыли, затерянный мир. Вообще, это одно из самых интересных кладбищ Лондона, член так называемой «великолепной семерки» кладбищ, заложенных в XIX веке: поражающие воображение готические мавзолеи и колоннады с каменными ангелами и святыми, созданные викторианцами не только для того, чтобы ознаменовать смерть, но и с целью держать ее в заданных границах. Главная аллея проходит насквозь из конца в конец; гуляя по ней в солнечную погоду, я легко представлял себя в Древнем Риме. Бывало, найду скамейку, устроюсь с блокнотом, вокруг снуют белки, а то и лиса забежит, по субботам доносится приглушенный гул футбольных фанатов на стадионе Стэмфорд-Бридж. Порой самому удивительно, насколько важную часть в моей работе играют разные уголки Лондона, его районы, не говоря уж о самой Темзе. Бромптонское кладбище – один из таких уголков.

Без десяти одиннадцать мы вошли в главные ворота, по обеим сторонам которых располагались две красные телефонные будки, словно стражники на карауле. Эта часть кладбища выглядела более обшарпанно и депрессивно, чем в моих воспоминаниях. У одной из статуй не было головы, другая приветствовала нас отбитой рукой; я щелкнул их на айфон. В траве копошились голуби.

Мы завернули за угол, и впереди показалась Бромптонская часовня – идеально круглое здание с двумя пристройками по бокам. Если смотреть сверху, то очень похоже на знак Лондонского метро – в каком-то смысле даже уместно, если подумать... Мы вышли к заднему фасаду. Возле открытой двери на бетонном пятачке уже стоял катафалк, а в нем – ивовый гроб, который заказала Дайана Каупер (на секунду желудок неприятно свело) с ней самой внутри. Четверо мужчин в черных фраках терпеливо дожидались, когда можно будет внести ее в церковь.

Тропинка изогнулась и привела нас к главному входу с четырьмя колоннами. У двери толпилась небольшая очередь. Никто не разговаривал, все шли опустив головы, словно стыдились своего присутствия. А сам-то я что здесь делаю? Я не был знаком с Дайаной Каупер, на прошлой неделе даже не подозревал о ее существовании. Да и вообще, я не хожу на похороны: ужасно неприятно и очень расстраивает... Как назло, чем старше я становлюсь, тем больше приглашений получаю. В качестве личного одолжения своим друзьям я постараюсь никому не сообщать дату моего погребения.

Разглядывая присутствующих, я с ходу узнал некоторых. Вот Андреа Ключанек – пришла попрощаться со старой хозяйкой; и Реймонд Клунс здесь в новеньком кашемировом пиджаке – наверное, специально купил к случаю. Он привел с собой молодого бородатого юношу – видимо, партнера. Я нервно покосился на Готорна: тот наблюдал за ними, недобро прищурившись. К счастью, промолчал – во всяком случае, пока.

Не мы одни наблюдали за Клунсом: неподалеку стоял поразительно красивый китаец с длинными вьющимися волосами до плеч. Безупречный костюм, белая шелковая рубашка, черные туфли, начищенные до блеска. Как ни странно, я его знал: Бруно Вонг, крупный театральный продюсер, а также известный филантроп; на короткой ноге с некоторыми членами королевской семьи, жертвует солидные суммы на искусство. Часто ходит на премьеры в театр «Олд Вик», где я состою членом правления. Судя по его взгляду на Клунса, друзьями их назвать нельзя.

Мы встретились у двери, и я поздоровался.

– Вы были знакомы с Дайаной Каупер?

– Мы дружили. – Вонг разговаривал тихо, тщательно взвешивая слова, как будто читал стихотворение. – Человек большой доброты и духовности. Известие о ее смерти меня потрясло, мне очень тяжело...

– Она инвестировала деньги в ваши постановки? – спросил я.

– Увы, нет, хотя я много раз ее приглашал. У Дайаны был исключительный вкус. К несчастью, порой ей изменял здравый смысл. Слишком доброе сердце!.. А ведь буквально пару недель назад я пытался ее предупредить...

– О чем? – вклинился Готорн, выступая на передний план и оттесняя меня в сторону.

Вонг огляделся. Все уже зашли в церковь, мы остались одни.

– Я не хочу говорить огульно...

– А вы рискуете!

– Мы, кажется, незнакомы.

Вонг заметно напрягся и занял оборонительную позицию. Честно говоря, я не удивился: Готорн и в лучшие времена отпугивал своим видом – бледная кожа, беспокойные глаза, – а уж на кладбище и вовсе... Если бы на похороны заявился вампир, он и то не произвел бы такого гнетущего впечатления.

– Это Дэниэл Готорн, – представил я. – Ведет полицейское расследование.

– Вы знакомы с Реймондом Клунсом? – спросил Готорн. Он тоже успел заметить пристальное внимание Вонга к вышеупомянутому персонажу.

– Не могу сказать, что близко – так, доводилось встречаться.

– И?..

– Не в моих правилах отзываться о людях плохо, особенно в таком месте, – сдержанно ответил Вонг. – На мой взгляд, в мире и так слишком много зла. Однако... – Он вздохнул. – Думаю, вы и сами вскоре узнаете, что им занялись власти. Некоторые данные им обещания касательно недавней постановки оказались, мягко говоря, преувеличенными.

– Вы имеете в виду «Марокканские ночи»? – уточнил я.

– Да, я разговаривал с милой Дайаной буквально за пару недель до трагедии, что отняла ее у нас. Она твердо собиралась что-то предпринять по этому поводу – и с полным правом, на мой взгляд.

– А потом ее задушили, – как бы невзначай заметил Готорн.

Вонг уставился на него, впервые сопоставляя два события.

– Насколько я понял, это было ограбление?

– Я так не думаю.

– В таком случае я, пожалуй, сказал лишнее. Вряд ли Дайана вложила крупную сумму. Разумеется, я не имел в виду ничего... некорректного. – Вонг развел руками. – Извините, не хочу пропустить службу. – И он поспешил внутрь.

Мы остались одни.

– Интере-есно... – задумчиво протянул Готорн. – Значит, Дайана узнает, что Клунс играл с ней в жмурки, собирается вывести его на чистую воду... Бац! – и вот она уже сама жмурик.

– Как остроумно!

– На здоровье, можешь воспользоваться.

Неподалеку ошивалась парочка с камерами; я заметил их лишь тогда, когда один из них сделал снимок.

– Долбаные журналисты, – пробормотал Готорн.

И верно, это были они – видимо, в ожидании Дэмиэна Каупера.

– Что ты имеешь против журналистов? – спросил я, мысленно добавляя их в список.

Готорн выбросил сигарету и растер ее ногой.

– Ничего. Вечно ошиваются на месте преступления и перевирают все факты.

Мы зашли в церковь – белое помещение с колоннами, поддерживающими купол. Стулья были расставлены полукругом. Едва мы заняли свои места, как внесли гроб. Приглядевшись, я заметил, что он имеет какое-то нездоровое сходство с огромной корзиной для пикника – крышка скреплялась двумя кожаными ремнями. Сверху лежал огромный белый венок. Из колонок уже звучал «Марш принца Датского» Джеремайи Кларка. Станный выбор: по большей части это произведение ассоциируется со свадьбой. Кто знает, может, и сама Дайана когда-то шла под него к алтарю...

Гроб аккуратно опустили на козлы. Я разглядывал присутствующих, слегка удивляясь тому, как мало народа пришло – человек двадцать, не больше. Бруно Вонг с Реймондом Клунсом разместились в переднем ряду на некотором расстоянии друг от друга. Андреа в дешевой

кожаной куртке пристроилась в противоположном углу. Даже инспектор «Джек» Мидоуз заявился: сидя на жестком стуле, слишком маленьком для него, он с трудом подавил зевок.

Думаю, в этой «постановке» у Дэмиэна Каупера была звездная роль, и он подготовился как следует: безупречного покроя костюм, серая рубашка и начищенные туфли. Рядом с ним сидела Грейс Ловелл в черном платье, однако вокруг них образовалось пустое пространство, словно они находились в вип-ложе: смотреть смотрите, но близко не подходите. Я не преувеличиваю: позади них сидели двое – позже я выяснил, что один был послан лондонским агентом Дэмиэна, а второй, мускулистый чернокожий мужчина, – его персональный тренер, судя по всему исполнявший обязанности телохранителя.

В остальном здесь собрались друзья и коллеги Дайаны Каупер, все старше пятидесяти. Оглядываясь вокруг, я поразился: хотя на лицах присутствующих отображался богатый спектр эмоций – скука, любопытство, серьезность, – никто не был особенно опечален. Единственный, кто хоть как-то демонстрировал ощущение потери, – высокий лохматый мужчина, сидящий через несколько стульев от меня. Завидев приближение викария, он вытащил белый платок и промокнул глаза.

Викарий, низкорослая полноватая женщина, сдержанно улыбалась, словно говоря: да, я понимаю, мы собрались здесь по очень грустному поводу, но я все же рада вас видеть. Я сразу понял, что она придерживается скорее современного подхода, чем традиционного. Дождавшись окончания музыки, она шагнула вперед, потеряла руки и начала речь:

– Здравствуйте! Рада приветствовать вас в этой красивой церкви, построенной в 1839 году по мотивам римского собора Святого Петра. Сегодня мы собрались в таком особенном, таком прекрасном месте, чтобы отдать дань уважения замечательной женщине. Смерть – всегда тяжелое испытание для тех, кто остался, и сегодня, когда мы прощаемся с Дайаной Каупер, которую так внезапно и так жестоко вырвали из жизни, нам особенно трудно это понять и принять.

Когда она перестанет повторять «так» и его производные?

Интересно, понравилось бы усопшей, что ее называют «замечательной женщиной», как приглашенную звезду на ТВ-шоу?

– Дайана из тех людей, кто всегда готов помочь ближнему. Она много занималась благотворительностью, была членом правления в театре «Глобус» и, разумеется, воспитала такого знаменитого сына. Дэмиэн прилетел из Америки, и хотя мы всецело разделяем ваши чувства, Дэмиэн, мы все же так рады вас видеть.

Я обернулся и заметил, что Роберт Корнуоллис, гробовщик, стоит возле двери и о чем-то шепчется с Айрин Лоуз. Та кивнула, и он тихо выскользнул наружу.

...Спилберг с Джексоном наверняка еще в отеле; может, спустились пообедать в ресторан – и я мог быть с ними! При мысли об этом меня охватила ярость.

– Дайана Каупер осознавала, что смертна, – продолжала между тем викарий, – и тщательно организовала сегодняшнюю службу до мельчайших подробностей, включая музыку, которую вы только что прослушали. Она не хотела затягивать проводы, поэтому я закругляюсь! Начнем с 33-го псалма. Надеюсь, выбирая его, Дайана понимала, что смерти не всегда нужно бояться. «Взывают праведные, и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их». Смерть может послужить и утешением.

Викарий прочла псалом, затем Грейс Ловелл вышла на передний план и продекламировала «Ариэля» Сильвии Плат.

Темный покой.
Потом бесплотная синева
Потока холмов и далее...

Мне понравилось, что она выучила наизусть и читала с большим чувством. Дэмиэн наблюдал за ней со странной холодностью во взгляде. Готорн рядом со мной зевнул.

Наконец настал черед Дэмиэна. Он поднялся, медленно вышел вперед и развернулся к гробу матери спиной. Речь получилась короткой и малоэмоциональной.

– Мне было всего двадцать, когда умер папа, а теперь я потерял и мать. На этот раз сложнее принять случившееся, поскольку отец тяжело болел, а на нее напали в собственном доме. Я всегда буду сожалеть о том, что не успел попрощаться... Уверен, маме понравился бы мой новый проект, съемки которого начинаются через неделю. Он называется «Родина», и уже в этом году его покажут на канале «Шоутайм». Мама всегда поддерживала мои устремления, поощряла и бесконечно верила в то, что я стану звездой. Она приходила на все мои постановки в Стратфорде, видела все мои роли: Ариэля в «Буре», Генриха Пятого, а Мефистофель в «Докторе Фаусте» был ее любимым – в детстве мама называла меня дьяволенком.

Раздался приглушенный одобрительных смех некоторых скорбящих.

– Наверное, я всегда буду выискивать ее глазами в зале и всегда буду наткаться на пустое кресло. Надеюсь, бронь можно перепродать...

Тут слушатели уже засомневались – то ли шутит, то ли всерьез...

Я записывал его речь на айфон, однако на этом месте перестал слушать: мое мнение о Дэмиэне Каупере лишь подтвердилось.

Он говорил еще несколько минут, затем из колонок раздалась «Элинон Ригби», двери распахнулись, и толпа выползла на кладбище. Прямо перед нами оказался лохматый мужчина; он снова промокнул глаза.

Мы медленно побрели в западную часть кладбища, за колоннадой. Могилу вырыли у низкой стены на длинной полосе, заросшей неухоженной травой. По другую сторону проходит железная дорога: ее не видно, зато слышно. Мы подошли к надгробному камню с надписью: «Лоуренс Каупер, 3 апреля 1950 – 22 октября 1999. После продолжительной болезни, перенесенной стойко и мужественно». Я вспомнил, что он жил и, вероятно, умер в Кенте; интересно, почему же его похоронили здесь?

Светило солнце, но пара платанов обеспечивала достаточную тень. Погода выдалась теплая. Дэмиэн Каупер, Грейс Ловелл и викарий задержались, сопровождая тело в последний путь. Пока мы их дожидались, к нам подвалил инспектор Мидоуз. Его поношенный костюм словно был взят из благотворительного магазина.

– Ну что, Готорн, как делишки? – спросил он.

– Ничего, Джек, не жалуюсь.

– Как успехи? – Мидоуз насмешливо фыркнул. – Я так и подумал, что ты не станешь торопиться – тебе ведь платят посуточно.

– Я подожду, пока ты раскроешь дело, – парировал Готорн. – Тогда я заработаю целое состояние.

– Вот тут я тебя разочарую: похоже, мы сворачиваемся...

– Правда? – встрепнулся я. Если Мидоуз действительно нашел убийцу, для книги это будет полной катастрофой.

– Ага. Вы все равно прочтете в газетах, так что могу и рассказать, мне не жалко. В районе Британия-роуд прокатилась волна краж с похожим почерком: преступник нарядился курьером, доставляющим посылку, лицо закрывал мотоциклетный шлем. Выбирал одиноких женщин.

– И всех прикончил?

– Нет. Первых двух избил и запер в шкафу; третья оказалась умнее, не впустила его, набрала 999²⁰, и он свалил, зато мы теперь знаем, кого искать, – есть запись с видеорекамеры. Мопед легко отследить, а там и на него выйдем.

– И как же, по-твоему, задушили Дайану Каупер? Почему он не избил ее, как остальных?

Мидоуз пожал мощными плечами.

– Что-то пошло не так.

Из-за деревьев показалась процессия: Дайану Каупер доставили к месту вечного упокоения. Четверо мужчин из агентства несли корзину, за ними викарий, Дэмиэн Каупер и Грейс Ловелл. Позади на почтительном расстоянии держалась Айрин Лоуз – следила, чтобы все прошло как надо. Роберта Корнуоллиса не было видно.

²⁰ Телефон экстренных служб, британский аналог 911 и 112.

– Знаешь что? Вся твоя теория – чушь собачья! – резюмировал Готорн. Его грубая речь совершенно не вязалась с декорациями: солнечный свет, кладбище, приближающийся гроб с венком. – Ты никогда не умел работать, приятель. А если найдешь своего курьера, передавай от меня привет! Ставлю любые деньги на то, что он и близко не подходил к Британия-роуд.

– Ты всегда был несносным ублюдком, – проворчал Мидоуз. – Не представляешь, как мы радовались, когда ты ушел!

– Слышал, у тебя процент раскрываемости упал, – парировал Готорн, блестя глазами. – Какая жалость! И, кстати, сочувствую насчет развода.

– С чего ты взял? – дернулся Мидоуз.

– Да на тебе огромными буквами написано!

И правда, Мидоуз выглядел каким-то заброшенным. Мятый костюм, неглаженная рубашка без пуговицы, обшарпанные ботинки... С другой стороны, обручальное кольцо все еще на месте, на левом пальце. В любом случае стрела попала в цель. На секунду мне даже показалось, что они вот-вот сцепятся, как Гамлет с Лаэртом на краю могилы, но тут принесли гроб и опустили на траву. Носильщики закрепили веревки, продев их через ручки, под одобрительным взглядом Айрин Лоуз.

Я покосился на Дэмиэна Каупера. Тот уставился в пространство, не замечая ничего вокруг. Грейс стояла рядом. Фотографы держались на расстоянии – камеры с зумом не дадут упустить мельчайшие детали.

– Настало время опускать гроб, – нараспев произнесла викарий. – Давайте встанем рядышком, возьмемся за руки и еще раз подумаем о такой прекрасной жизни, которая подошла к концу.

Гроб подняли и занесли над могилой, остальные встали вокруг и наблюдали. Мужчина с платком вновь прижал его к глазам. Реймонд Клунс оказался рядом с Бруно Вонгом, и я заметил, что они тихо перебросились парой слов. Носильщики начали медленно опускать гроб в темную разверстую щель...

И тут вдруг откуда ни возьмись заиграла музыка – популярная детская песенка:

День-деньской колеса крутятся,
Крутятся, крутятся,
День-деньской колеса крутятся
У автобуса...

Звук был слабый, приглушенный. Чей-то мобильник, подумал я первым делом. Остальные стали переглядываться, гадая, кому сейчас будет стыдно. Айрин Лоуз встревоженно шагнула вперед.

Ближе всех к могиле стоял Дэмиэн Каупер. Он глянул вниз со смешанным выражением ужаса и ярости, показал куда-то рукой – и только тут до меня дошло.

Звук исходил из могилы.

Прямо из гроба.

Между тем начался второй куплет:

Вжик-вжик-вжик, – мелькают «дворники»,
Вжик-вжик-вжик, вжик-вжик-вжик...

Носильщики застыли в растерянности: то ли опустить гроб в надежде, что могила заглушит звук, то ли вытащить назад и как-то разбираться... Можно ли хоронить покойную вместе с этой жуткой песенкой? Теперь уже было очевидно, что звук доносится из гроба: какой-то магнитофон или радио. Если бы Дайана Каупер выбрала более традиционный материал – например, красное дерево, – мы вряд ли расслышали бы музыку, и она играла бы под землей, пока батарейки не сядут. Однако теперь слова просачивались сквозь гнутые ивовые прутья, и от них не было спасения.

А шофер нам машет радостно...

На другой стороне кладбища репортеры почуяли жареное: подняли камеры и начали подползать ближе.

Дэмиэн Каупер, вне себя от ярости, выверился на первого, кто под руку попался; им оказалась викарий.

– Что происходит? – зарычал он. – Кто это сделал?

Айрин Лоуз поспешно, насколько позволяли коротенькие толстые ножки, подошла к краю могилы.

– Мистер Каупер... – начала она, запыхавшись.

– Это что, шутка? – Дэмиэн побледнел. – Зачем играет эта песня?

– Поднимите гроб, – распорядилась Айрин, взяв командование на себя.

Радостно, радостно...

– Я засужу вашу гребаную контору до последнего пенни...

– Мне очень жаль! – успокаивающе бормотала Айрин. – Ума не приложу...

Носильщики подняли гроб куда проворнее, чем опускали; он грохнулся на траву и чуть не завалился набок. Я представил, как Дайана перекачивается там от стенки к стенке. Интересно, кто из присутствующих устроил такую злую шутку? Или это своего рода тайное послание?

Реймонд Клунс вцепился в своего партнера. Бруно Вонг прижал ладонь ко рту. Андреа Клюванек улыбалась – или мне померещилось. Мужчина с платком уставился на гроб с необъяснимым выражением, затем поднес руку к лицу, словно его тошнило или, наоборот, душил смех, развернулся и поспешил прочь, в сторону Бромптон-роуд.

А шофер нам машет радостно:

«Все скорей сюда!»

Музыка не умолкала, и это было ужаснее всего. Банальный мотив, мерзкий, нарочито веселый голос, каким взрослые поют своим детям.

– Все, с меня хватит! – объявил Дэмиэн.

Это была первая искренняя эмоция за весь день.

– Дэмиэн... – Грейс попыталась взять его за руку, но тот вырвался.

– Я домой, а ты иди в паб.

Фотографы усердно щелкали камерами, длинные объективы неприлично высовывались из-за надгробий. Тренер-телохранитель пытался как-то заслонять Дэмиэна, однако папарацци устремились за ним.

Викарий беспомощно повернулась к Айрин.

– Что будем делать?

– Давайте перенесем гроб в часовню, – решила Айрин, стараясь не терять самообладания. – Быстрее, – скомандовала она носильщикам.

Те подняли Дайану и понесли обратно чуть ли не бегом, пытаясь при этом соблюдать видимость благообразия. Впрочем, это им не удалось: выглядели они смехотворно, сбивались с ритма, натыкались друг на друга и путались в собственных ногах. Звонкая музыка постепенно затихала вдали.

И гудок поет нам песенку...

Готорн задумчиво смотрел им вслед; видно было, как в его мозгу интенсивно крутились мысли.

– «Бип-бип-бип», – пробормотал он, не попадая в мелодию, и заспешил вслед за гробом.

12. Запах крови

Оставив сконфуженный кружок возле пустой могилы, мы поспешили за гробом, напоминающим теперь утлый кораблик в бурном море.

Я подозревал, что Готорна эта злая, жестокая шутка – если это шутка – немало забавляет, находит какой-то отклик у внутренних демонов. С другой стороны, более вероятно, его радовало то, что теория Мидоуза разлетелась вдребезги. Всего лишь несколько минут назад он рассуждал об ограблении, которое пошло не так, – теперь об этом и речи быть не могло. Все происходящее вывело преступление за рамки стандартных полицейских процедур, что давало Готорну больше права считать расследование своим.

Я оглянулся: Мидоуз ковылял за нами на некотором отдалении.

– Ну и что ты думаешь? – спросил я.

– Это было послание.

– Послание... Кому?

– Как минимум Дэмиэну Кауперу. Ты же видел его лицо!

– Он был расстроен.

– Расстроен – мягко сказано. Побледнел как полотно! Я думал, он сейчас в обморок свалится.

– Наверное, тут намек на Ларри Гудвина, – предположил я.

– Его же не автобус сбил!

– Нет, но он мог в тот день взять с собой игрушечный автобус, или ему нравилось ездить на автобусах...

– В одном ты прав, приятель: это детская песенка – значит, имеет отношение к погибшему мальчику.

Готорн осторожно перешагнул через чью-то могилу.

– Дэмиэн уехал домой, но мы с ним скоро свяжемся. Интересно, что он скажет...

– С момента эпизода в Диле прошло десять лет, – рассуждал я вслух. – Сперва Дайану Каупер убили, теперь это... Кто-то явно пытается на что-то намекнуть...

Гроб уже занесли в часовню. Мы задержались у входа, дожидаясь Мидоуза.

– Там, где ты, вечно все летит кувырком, – пропыхтел он, задыхаясь.

Если не возьмется за ум, не перестанет курить и не сядет на диету, скоро снова посетит кладбище и задержится там гораздо дольше.

– Ну и как твой грабитель это проделал? – язвительно поинтересовался Готорн. – Что-то я не заметил тут никого в форме курьера.

– Это может совершенно не иметь отношения к делу, – ответил Мидоуз. – Тут замешана голливудская звезда: не исключена чья-то дурацкая шутка; у кого-то плохо с чувством юмора, вот и все.

Мы зашли в часовню. Гроб уже стоял на кóзлах, Айрин Лоуз деловито отстегивала крепления. За ней квадратными от ужаса глазами наблюдала викарий.

– Я работаю в похоронном бизнесе двадцать семь лет, – пожаловалась Айрин, – и ни разу – ни единого разу! – ничего подобного не случилось.

По крайней мере, песенка умолкла; в тишине раздавался лишь скрип ивовых прутьев. Айрин подняла крышку, и я непроизвольно дернулся: совсем не хотелось лицезреть Дайану Каупер через неделю после смерти. К счастью, ее накрыли муслиновым саваном: различались лишь контуры тела без подробностей типа остекленевших глаз или зашитых губ. Айрин наклонилась, вытащила из рук покойной нечто похожее на ярко-оранжевый мячик и передала Мидоузу.

Тот брезгливо покрутил в руках непонятный предмет.

– Фигня какая-то...

– Это будильник.

Готорн протянул руку, и Мидоуз с облегчением отдал ему вещдок.

И действительно, это был цифровой будильник с круглым циферблатом; сбоку виднелась перфорация, как на старом радиоприемнике, и две кнопки. Готорн щелкнул переключателем, и песенка заиграла снова:

День-деньской колеса крутятся...

– Выключите! – вздрогнула Айрин.

Готорн подчинился.

– Это будильник, проигрывающий MP3-файлы, – объяснил он. – Их полно в интернете. Можно скачать любимую песню твоего ребенка и поставить в качестве мелодии на звонок. Я сыну купил такой же, только вместо музыки записал собственный голос: «Вставай, ленивый убудок, шевелись!» Ему нравится.

– Как его включили? – спросил я.

Готорн перевернул будильник.

– Установлен на одиннадцать тридцать – значит, рассчитывали примерно на середину похорон. Получилось как нельзя лучше.

Безо всякого перехода он набросился на Айрин Лоуз:

– Вы можете объяснить, как будильник оказался в гробу?

– Нет! – опешила та, словно Готорн обвинял во всем ее лично.

– Вы оставляли гроб без присмотра?

– Нужно спросить мистера Корнуоллиса.

– А где он?

– Ему пришлось уйти пораньше – у сына в школе концерт. – Айрин не сводила глаз с оранжевого «мячика». – В нашей фирме никто на такое не способен!

– Значит, это кто-то посторонний. Отсюда и вопрос: вы оставляли гроб без присмотра?

– Да. – Айрин поежилась – ей неловко было это признавать. – Покойная содержалась в нашем учреждении на Фулэм-Пэлас-роуд, ее привезли оттуда сегодня. К сожалению, у нас в кенсингтонском офисе недостаточно места, поэтому мы разместили миссис Каупер в часовне неподалеку от Хаммерсмита – наше специальное место скорби, – где ее по желанию могли навестить близкие друзья и члены семьи.

– И многие пожелали?

– Навскидку сказать не могу, но у нас есть книга посетителей, и никого не допускают без записи.

– Ну а здесь, на кладбище? – спросил Готорн.

Айрин не ответила, и он продолжил:

– Когда мы приехали, гроб находился в катафалке на заднем дворе.

Айрин переадресовала вопрос одному из носильщиков. Тот опустил голову и неловко шаркнул ногой.

– Мы были там почти все время, – пробормотал он. – Почти.

– А вы кто?

– Альфред Лоуз. Я директор фирмы, Айрин – моя жена.

– А-а, семейный бизнес! – криво усмехнулся Готорн. – Так где же вы были?

– Мы приехали, припарковались и вошли в часовню.

– Все?

– Да.

– А катафалк был заперт?

– Нет.

– В нашей практике еще никто не пытался вытащить покойника, – заметила Айрин ледяным тоном.

– Зато теперь вам есть о чем подумать, – ядовито парировал Готорн. – Мне нужно поговорить с мистером Корнуоллисом. Где я могу его найти?

– Сейчас я напишу вам адрес.

Айрин протянула руку, и муж подал ей блокнот с ручкой. Нацарапав пару строк, она оторвала листочек и передала Готорну.

- Спасибо.
- Погоди-ка!

Все это время Мидоуз молча стоял в стороне и только сейчас спохватился, что не принимает участия в разговоре.

– Я забираю будильник, – распорядился полицейский, напоминая, кто здесь главный. – Его вообще не надо было трогать! – добавил он, забыв, что сам же первый и забрал вещдок у Айрин. – Экспертам это не понравится!

- Вряд ли они что-нибудь найдут.
- Если его купили в интернете, мы сможем установить личность покупателя.

Готорн протянул ему будильник. Мидоуз осторожно взял его кончиками большого и указательного пальцев.

- Удачи! – пожелал Готорн.
- Это был сигнал расходиться.

* * *

Поминки – если их можно так назвать – проводились в пабе на углу Финборо-роуд, в пяти минутах ходьбы от кладбища. Именно это место упомянул Дэмиэн Каупер, прежде чем уйти. Он оказался не единственным: половина присутствовавших на похоронах решила пропустить мероприятие. Оставшаяся дюжина мужчин и женщин налегала на просекко²¹ и крошечные колбаски и пыталась утешить друг друга не только в связи с утерей дорогой подруги, но и с тем ужасным фарсом, свидетелями коего они стали.

Готорн позвонил Роберту Корнуоллису и оставил ему сообщение. Теперь же он решил сосредоточиться на присутствующих: в конце концов, если бы они не знали Дайану Каупер, то не пришли бы на похороны, а другого шанса застать всех вместе не будет.

Пружинистой походкой Готорн пересек Фулэм-роуд и вошел в паб. Я уже заметил, что любая непонятная ситуация действовала на него как энергетик – и чем страннее, тем лучше.

Мы сразу увидели Грейс: она стояла, опираясь на барную стойку, в ультракоротком, хотя и черном, платье и бархатном смокинге с подбитыми плечами и выглядела так, словно только что вышла с премьеры фильма. С ней никто не разговаривал. Завидев нас, Грейс нервно улыбнулась.

- Мистер Готорн! – воскликнула она с явным облегчением. – Я тут почти никого не знаю...
- А кого знаете?

Грейс огляделась.

- Это Реймонд Клунс, театральный продюсер. Дэмиэн играл в одной из его постановок.

– Виделись.

– А это врач Дайаны. – Грейс кивнула в сторону пузатого мужчины лет шестидесяти в темном костюме-тройке. – Кажется, его зовут доктор Баттерворт. Рядом – жена. Мужчина в углу – поверенный Дайаны, Чарльз Кеннеди, он разбирается с завещанием. А больше я никого не знаю.

– Значит, Дэмиэн уехал домой...

– Он в шоке. Эту песню выбрали нарочно, чтобы его расстроить.

– Вы в курсе, о чем идет речь?

– Вообще-то, да... – Грейс замешкалась в нерешительности. – Это была любимая песня Тимми Гудвина, того мальчика, что погиб в аварии. Его хоронили под нее в Хэрроу-Уилд.

– Откуда вы знаете?

– Дэмиэн рассказал. Он часто вспоминал эту историю. – По каким-то неведомым причинам Грейс пыталась защитить Дэмиэна. – Он не из тех, кто выставляет свои чувства напоказ, но эта история на него сильно повлияла. – Грейс залпом выпила бокал просекко. – Господи, до чего ужасный день! Я, конечно, с самого утра чувствовала, что все будет плохо, однако никак не ожидала такого поворота!

Готорн внимательно изучал девушку.

²¹ Итальянское игристое вино.

– У меня сложилось ощущение, что вы недолюбливали свекровь, – выдал он ни с того ни с сего.

Та вспыхнула и занервничала.

– Неправда! Кто вам сказал?!

– Вы упоминали, что она вас игнорирует.

– Ничего подобного я не говорила! Просто ее больше интересовала Эшли.

– А где Эшли?

– В Хонслоу, у моих родителей. Я заберу ее по пути отсюда.

Грейс поставила бокал на барную стойку и взяла еще один у проходящего официанта.

– Значит, вы с ней дружили? – гнул свою линию Готорн.

– Я бы так не сказала. Мы с Дэмиэном совсем недолго были вместе до появления Эшли, и Дайана переживала, что отцовство помешает его карьере... – Тут Грейс спохватилась и попыталась оправдаться: – Я понимаю, это звучит некрасиво, но ведь Дайана была так одинока! После смерти Лоуренса у нее остался лишь Дэмиэн, она в нем души не чаяла. Успех сына был для нее превыше всего.

– А ребенок, значит, мешал?

– Мы не планировали дочь, если вы это имеете в виду, но сейчас Дэмиэн ее обожает. Он не хотел бы ничего изменить.

– А вы сами, мисс Ловелл? Вряд ли Эшли сильно помогла вам продвинуться по карьерной лестнице?

– Мистер Готорн, вы все время говорите гадости! Мне всего тридцать. Я люблю ее до безумия. И потом, какая разница? Ну пропущу несколько лет... Я очень довольна своей судьбой.

Нет, милая, ты не настолько хорошая актриса – во всяком случае, меня ты ни капли не убедила.

– Вам нравится в Лос-Анджелесе? – спросил Готорн.

– Привыкла со временем. У нас дом на Голливуд-Хиллс; я просыпаюсь каждое утро и не могу поверить, что я здесь. Еще когда я училась в театральном, всегда мечтала проснуться и увидеть знак Голливуда.

– Наверное, у вас там много друзей?

– Мне не нужны друзья, у меня есть Дэмиэн. – Грейс оглянулась через плечо. – С вашего позволения, я должна исполнять роль хозяйки и не хочу задерживаться надолго.

И она ускользнула. Готорн проводил ее взглядом; его внутренний «моторчик» работал на всю катушку, только что не жужжал.

– Ну кто следующий? – спросил я.

– Доктор.

– Почему именно он?

Готорн бросил на меня усталый взгляд.

– Потому что он знал Дайану Каупер изнутри. Потому что она могла делиться с ним своими проблемами. Потому что он мог ее убить...

Покачав головой, Готорн направился к следующей жертве.

– Доктор Баттерворт?

– Баттимор.

Они пожали друг другу руки. Судя по внешности – борода, очки в золотой оправе, – доктор позиционировал себя как «представителя старой школы». Его неприятно задело, что Готорн перепутал фамилию, однако он слегка потеплел, когда тот намекнул на связь со Скотленд-Ярдом. Я часто подмечаю этот момент: людям нравится хотя бы краешком поучаствовать в расследовании убийства – отчасти из желания помочь, хотя есть тут и доля нездорового интереса...

– Так что это за история на кладбище? – спросил Баттимор. – Бьюсь об заклад, такого вы еще не встречали. Бедная Дайана! Бог знает, как бы она отреагировала! Вы считаете, это сделали специально?

– Вряд ли кто-то положил бы заведенный будильник в гроб случайно, сэр, – отозвался Готорн.

Я был ему искренне благодарен за «сэра», иначе фраза прозвучала бы слишком презрительно.

– Значит, вы собираетесь заняться расследованием?

– Для меня раскрытие убийства миссис Каупер – задача первостепенной важности.
– Но ведь убийцу уже опознали!
– Это был грабитель, – вставила жена доктора – сурового вида женщина лет пятидесяти, раза в два хуже супруга.

– Мы обязаны отработать все возможные варианты, – объяснил Готорн и снова обернулся к доктору. – Насколько я понимаю, вы были близким другом миссис Каупер. Скажите, пожалуйста, когда вы видели ее в последний раз?

– Недели три назад. Она приходила ко мне на Кавендиш-сквер. Ее мучила бессонница. Вообще, это довольно распространенная проблема у женщин определенного возраста. Впрочем, были у нее и более веские причины.

Доктор нервно оглянулся и понизил голос: видимо, его пугала необходимость передавать конфиденциальную информацию на публике.

– Она волновалась за сына!

– Но почему же?

– Я сейчас говорю скорее как друг, мистер Готорн: ее беспокоил стиль жизни Дэмиэна в Лос-Анджелесе. Дайана изначально была против его поездки в Америку, а потом еще прочла всякие гадости в желтой прессе – наркотики, буйные вечеринки и все в таком духе. Разумеется, в этом не было ни слова правды. Газетчики вечно сочиняют о знаменитостях бог знает что – так я ей и сказал, но она не успокоилась, вот я и прописал снотворное. Для начала – «Ативан», а потом, когда он не возымел должного действия, «Темазепам».

Я вспомнил таблетки, найденные в ванной.

– А вы не боялись, что она может подсесть?

Доктор Баттимор благодушно улыбнулся.

– Прошу прощения, мистер Готорн, если бы вы разбирались в медицине, то знали бы, что шансы привыкнуть к «Темазепаму» ничтожно малы – именно поэтому я его прописываю в том числе. Единственная опасность – потеря кратковременной памяти, но миссис Каупер никогда не жаловалась на здоровье в целом.

– А она не рассказывала о том, что планирует зайти в похоронное агентство?

– Прошу прощения?

– В день убийства миссис Каупер организовала собственные похороны.

Доктор ошарашенно заморгал.

– Ума не приложу, зачем ей это понадобилось. Уверяю вас, у нее было отличное здоровье, не считая переживаний по поводу сына. Могу лишь предположить случайное совпадение.

– Ее ограбили! – настаивала жена.

– Именно, дорогая. Она не могла знать, что это случится. Чистое совпадение, ничего больше.

Готорн кивнул, и мы откланялись.

– Гребаный придурок, – пробормотал он, как только мы отошли на безопасное расстояние.

– Почему?

– Потому что несет всякую чушь! Ты же слышал – бред собачий.

– Разве?

– А я сказал – придурок. Запиши, не забудь.

– «Гребаный придурок»? Эпитет передать в точности?

Готорн промолчал.

– Только я поясню, что это твои слова, – пригодится, когда он подаст в суд.

– За что? За правду?

Мы перешли к Чарльзу Кеннеди, юристу. Тот в углу разговаривал с какой-то женщиной, судя по всему, с женой. Это был круглый коротышка с вьющимися седыми волосами. Жена примерно такая же, разве что потяжелей. Живут, скорее всего, за городом: у обоих типичный здоровый вид любителей свежего воздуха – румяные щеки и так далее. Он пил просекко, она – фруктовый сок.

– Как поживаете? Да-да, я Чарльз Кеннеди, а это Фрида.

Он был сама любезность. Едва Готорн представился, Кеннеди сразу выдал о себе подробнейшую информацию. Он знал покойную больше тридцати лет и близко дружил с Лоуренсом Каупером («Рак поджелудочной... Выдающийся человек, первоклассный дантист»). До

сих пор проживает в Кенте, в Фавершеме; помогал Дайане продавать дом после «той ужасной истории».

– Вы консультировали ее во время процесса?

– Разумеется! – Кеннеди был неудержим; он не разговаривал, он извергался. – Она несколько не виновата, судья все правильно сделал.

– Вы с ним знакомы?

– С Уэстоном? Виделись пару раз. Честный малый. Я Дайане так сразу и сказал – бояться нечего, и неважно, что там пишут в газетах. Хотя ей все равно туго пришлось, бедняжке, она была ужасно расстроена...

– Когда вы видели ее в последний раз?

– На прошлой неделе.

– На позапрошлой, – поправила его жена.

– В день смерти, на собрании членов правления «Глобуса». Вам, наверное, известно, что в театре учрежден благотворительный проект; мы сильно зависим от пожертвований...

– А какие пьесы вы ставите?

– Ну так... Шекспира, естественно.

С одной стороны, Готорн вряд ли интересовался театром, да и вообще искусством, музыкой, литературой... С другой – проявлял поразительную осведомленность в иных сферах; не удивлюсь, если он нарочно действовал адвокату на нервы.

– Я так понимаю, в тот день произошел некий конфликт?

– Да нет... Кто вам сказал?

Готорн не ответил, а я вспомнил, что Роберт Корнуоллис слышал разговор на повышенных тонах, когда звонил Дайане насчет номера участка на кладбище.

– Она вышла из состава правления.

– Да, но вовсе не из-за разногласий...

– Так почему же тогда?

– Понятия не имею. Просто сказала, что решение принято давно и бесповоротно. Помню, мы так удивились! Дайана всегда живо поддерживала театр, она была движущей силой, активно занималась сбором средств и образовательными программами.

– Ее что-то не устраивало?

– Во все нет. Она была членом правления лет шесть; может, решила, что с нее хватит?

Жена беспокожно заерзала.

– Чарльз, нам пора.

– Хорошо, дорогая.

– Вы не могли бы рассказать о завещании миссис Каупер?

– Почему нет? Скоро и так все узнают. Там ничего сложного – она все оставила Дэмиэну.

– Как я понял, сумма довольно приличная.

– К сожалению, я не могу вдаваться в детали. Рад был познакомиться, мистер Готорн.

Чарльз Кеннеди поставил бокал, выудил из кармана ключи и протянул жене.

– Ну что, пошли. Ты поведешь, ладно?

– Ладно.

– Ключи... – пробормотал Готорн, рассеянно провожая взглядом Чарльза и Фриду Кеннеди. Его мысли витали где-то вдалеке. Я вдруг догадался: у Готорна щелкнула некая смутная ассоциация, что-то упущено...

И тут он сообразил... Я прямо увидел: до него дошло. Его как будто ударили. Не то чтобы побледнел – куда бледнее, – однако на застывшем лице явственно проступило шокирующее осознание собственной ошибки.

– Поехали!

– Куда?

– Нет времени. Шевелись!

Готорн уже спешил на выход, оттолкнув официанта. Мы выскочили на улицу, завернули за угол, и он вдруг затормозил, кипя от ярости.

– Да где же хоть одно такси?!

Поток машин, но такси поблизости не оказалось... А, нет, вон подъезжает к женщине с большими продуктовыми сумками на противоположной стороне улицы. Готорн издал невнятное восклицание и ринулся через дорогу, не глядя на поток машин. Памятуя о кладбище сразу за углом, я поспешил за ним, но чуть осторожнее. Визг тормозов, гудки... Готорн уже вклинился перед женщиной.

– Эй! – возмутилась та.

– Полиция! – рявкнул Готорн. – Срочно!

Она даже не спросила удостоверение. За годы работы Готорн успел приобрести некую профессиональную ауру, внушающую доверие. Или просто выглядел так угрожающе, что люди почитали за лучшее не спорить.

– Куда едем? – спросил водитель.

– Брик-лейн, – скомандовал Готорн.

Значит, на квартиру к Дэмиэну Кауперу.

Я никогда не забуду эту поездку. В начале первого движение на улицах не слишком плотное, и тем не менее каждая пробка, каждый светофор для Готорна были сущей пыткой. Его буквально корежило.

У меня в голове роились десятки вопросов. Почему именно ключи навели его на мысль? Как он связал их с Дэмиэном Каупером? Неужели парень в опасности?.. У меня хватило ума не высовываться – я вовсе не хотел попасть под раздачу; к тому же смутный голос где-то на задворках сознания нашептывал: если что-то случится, в этом будет изрядная доля моей вины.

Из Фулэма на Брик-лейн путь неблизкий: пришлось пересечь весь Лондон с запада на восток. Пожалуй, быстрее вышло бы на метро. На Пикадилли Готорн не выдержал и напустился на шофера:

– Куда тебя понесло? Надо было ехать мимо гребаного дворца!

Водитель глазом не моргнул. Мы действительно встали по дороге на Пикадилли, но, с другой стороны, когда куда-то спешишь в Лондоне, никакой объезд не поможет.

Я глянул на часы: прошло всего двадцать пять минут, но казалось, что куда больше. Рядом Готорн бормотал что-то сквозь зубы. Он так и не объяснил, что происходит. Я откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Наконец мы добрались до нужного дома. Готорн выпрыгнул из такси, оставив меня расплачиваться. Я протянул шоферу пятьдесят фунтов и, не дожидаясь сдачи, поспешил вслед за ним по узкому коридору и вверх по лестнице. Дверь на втором этаже была распахнута.

Мы вошли.

В нос сразу ударил запах крови. Мне доводилось описывать десятки сцен убийств в книгах и сценариях, но такого я не смог бы представить даже в страшном сне...

Дэмиэн Каупер был изуродован до неузнаваемости. Он лежал на боку в темной луже крови, что растекалась во все стороны, просачиваясь сквозь доски пола. Правая рука вытянута вперед, кончики двух пальцев отрублены – актер пытался закрыться от ударов ножа, вонзенного в него несколько раз и оставленного торчать в груди. Один удар раскроил лицо, и эта рана казалась самой страшной, ведь первым делом смотришь человеку в глаза. Потеряешь руку или ногу – все равно останешься самим собой. Потеряешь лицо – ты уже и не ты.

Глаз вытек, огромный лоскут щеки свисал на рот. Одежда скрывала большую часть ран, но вот по лицу сразу было видно, что за мерзость с ним совершили. Он лежал, прильнув другой щекой к полу, и в этом ракурсе голова походила на проколотый футбольный мяч. Его в самом деле было не узнать. Только костюм и спутанные черные волосы указывали, что это Каупер.

Запах крови становился все сильнее, густой, терпкий, как дух свежей земли. Я и не подозревал, что кровь так пахнет... В квартире было душно, окна закрыты, и стены куда-то поплыли...

* * *

– Тони?.. Мать твою, да ладно!

Я почему-то уставился в потолок. Ужасно болела голова. Надо мной склонился Готорн. Я открыл было рот, но передумал.

Обморок? Это невозможно. Просто смехотворно! Позорище...
Я упал в обморок.

13. Обувь мертвеца

– Тони? Ты как?

Надо мной склонился Готорн. Не встревоженный, а скорее озадаченный, как будто потерять сознание при виде обезображенного, кровоточащего трупа – странная редкая реакция.

Я ударился головой о грубый пол роскошной квартиры, и меня тошнило. По-прежнему бил в нос запах крови – наверное, упал в лужу. Сморщившись, я ощупал рукой доски возле себя – вроде сухо.

– Помоги мне встать, – попросил я.

Готорн помедлил.

– Ладно.

Он нагнулся, ухватил меня за руку и рывком поднял на ноги. И тут я вдруг осознал, что за все время знакомства между нами не было ни малейшего физического контакта, даже банального рукопожатия. Если подумать, то я вообще не видел, чтобы он до кого-то дотрагивался в повседневном общении. Может, боится микробов? Или просто социофоб? Очередная загадка...

Я сел в кожаное кресло подальше от тела и крови.

– Воды? – предложил Готорн.

– Нет, спасибо.

– Надеюсь, ты не собираешься заблевать место преступления?

– Не собираюсь.

Готорн кивнул.

– Да, не самое приятное зрелище. Честно говоря, с таким я еще не сталкивался. – Он покачал головой. – Доводилось видеть отрубленные головы, выдавленные глаза...

– Спасибо...

Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота, и сделал глубокий вдох.

– Кто-то явно невзлюбил Дэмиэна Каупера, – констатировал Готорн.

– Не понимаю... – Вспомнились слова Грейс после похорон. – Все было спланировано, да? Будильник специально положили в гроб, чтобы выбить Дэмиэна из колеи – тот психует, уезжает к себе домой и остается один... Допустим, но зачем? Если все из-за той аварии в Диле, он-то здесь при чем? Его даже в машине не было!

– Логично.

Я пытался рассуждать последовательно. Женщина по неосторожности сбивает ребенка; десять лет спустя ее наказывают. Зачем распространять наказание и на сына? Библейский мотив, око за око? Да нет, это бессмысленно. Дайана Каупер уже мертва – если бы кто-то хотел причинить ей боль, то сперва убил бы сына...

– Мать не пошла в полицию, так как пыталась его защитить, – размышлял я вслух, – потому и уехала с места преступления. Может, этого достаточно, чтобы считать Дэмиэна виновным?

Готорн задумался, однако не над моими словами.

– Оставлю тебя на минутку, – сказал он. – Я уже вызвал 999, надо осмотреть квартиру.

– Валяй.

Тут, как ни странно, я вспомнил эпизод из «Несправедливости»: защитника прав животных нашли мертвым на ферме. Готорн тогда объяснил, что при обнаружении трупа первая задача полицейского – убедиться в собственной безопасности, проверить, не затаился ли нападавший поблизости. Затем искать возможных свидетелей; классический вариант – ребенок, спрятавшийся в шкафу или под кроватью. Видимо, Готорн набрал 999, пока я валялся на полу. Спасибо, что вообще заметил...

Он проворно взобрался наверх по спиральной лестнице. Я сидел в кресле, стараясь не смотреть на тело, не думать о жутких ранах. Это было непросто. Если закрыть глаза, то запах становится отчетливей; если открыть, то боковым зрением все равно цепляешься за отвратительные детали – лужа крови, распростертые конечности... Пришлось отвернуться.

И тут актер застонал.

Я подпрыгнул в кресле и резко обернулся. Показалось, наверное... Нет, снова повторился жуткий звук! Голова Дэмиэна была повернута в другую сторону, однако теперь я не сомневался – звук исходил именно от него.

– Готорн! – заорал я, чувствуя, как желчь подступает к горлу.

Тот поспешно сбежал вниз по ступенькам.

– Что, что такое?

– Дэмиэн жив!

Готорн посмотрел на меня с сомнением и подошел к телу.

– Нет, – коротко бросил он.

– Но я же только что слышал!

И тут Дэмиэн снова застонал, на этот раз громче. Мне не почудилось – он пытается что-то сказать!

Однако Готорн лишь принялся.

– Сиди где сидишь, Тони, и успокойся. Просто тело начинает деревенеть, мышцы стягиваются – в том числе и горловые, в районе голосовых связок. А в животе скопились газы, и теперь они выходят – вот и все. Такое случается сплошь и рядом.

– А...

Уже не в первый раз я пожалел, что согласился написать эту чертову книгу...

Готорн зажег сигарету.

– Ну что там наверху? – спросил я.

– Никого.

– Ты знал, что его убьют, да?

– Предполагал.

– Но как?

Готорн задумчиво стряхнул пепел в горсть; ему явно не хотелось делиться.

– Я сглупил. В прошлый раз ты меня отвлек...

– Значит, это моя вина?

– Я же тебе объяснял: когда я с кем-то разговариваю, мне нужно предельно сосредоточиться, а ты влезаешь и сбиваешь меня с мысли!

Помолчав, Готорн немного смягчился.

– Ладно, сам виноват – упустил.

– Что упустил?

– Дэмиэн рассказывал, что мама приходит поливать цветы и забирает почту, – я сразу должен был сообразить! Помнишь ключи у Дайаны на кухне?

– Да, на деревянной рыбе.

– Верно. Ну вот, там висели четыре комплекта. Если Дайана приходила сюда, пока сын в отъезде, значит, у нее были ключи от его квартиры, но на крючках ничего похожего не висело.

– Там был один пустой крючок.

– Именно! Смотри: кто-то приходит, убивает ее, обыскивает дом, замечает ключи и пользуется моментом. По крайней мере, это один из вариантов развития событий.

На лестнице послышался топот, и мгновение спустя в квартиру вошли двое полицейских. Они остановились, переводя взгляд с тела на нас и пытаясь понять, что происходит.

– Не двигайтесь! – приказал один из них. – Кто звонил?

– Я, – сказал Готорн. – А вы, ребята, не слишком торопились!

– Кто вы, сэр?

– Готорн, ваш бывший коллега. Я уже связался с инспектором Мидоузом. У меня есть основания полагать, что данное убийство имеет отношение к текущему расследованию. Вызовите местного инспектора и бригаду.

У британских полицейских в ходу особая манера обращения друг к другу, несколько старомодная и витиеватая, вроде «У меня есть основания полагать» или «связался» вместо «позвонил». Именно поэтому мне всегда так трудно писать сценарии для телевидения: сложно вжиться в образ персонажа, говорящего штампами. А еще они выглядят куда менее интересно, чем их американские коллеги в белых рубашках, бронежилетах и дурацких шлемах – ни тебе

солнечных очков, ни оружия. Эти двое, белый и азиат, оказались молодыми и энергичными. С нами они больше не разговаривали.

Один достал рацию и доложил кому-то о происходящем. Тем временем Готорн принялся осматривать помещение. Вот он подошел к двери, ведущей на террасу, достал носовой платок и осторожно взялся за ручку. Дверь оказалась незаперта. Готорн исчез снаружи. Я выкарабкался из кресла и последовал за ним, хотя все еще подташнивало.

Полисмены закончили звонить. Мучаясь от безделья, они периодически косились в мою сторону, однако даже не спросили, кто я такой.

На свежем воздухе мне сразу стало лучше. Терраса, подобно интерьеру квартиры, напоминала студийные декорации: садовые стулья, цветы в горшках, гриль. Чем-то похоже на балкон из сериала «Друзья», где Джоуи, Чендлер и все остальные любили зависать. Терраса располагалась в задней части здания, металлическая пожарная лестница спускалась в переулок. Готорн стоял на краю, глядя вниз, и курил. Я заметил, что он потребляет убийственное количество сигарет за день – не меньше двадцати, а то и больше. Услышав мои шаги, он обернулся.

– Преступник ждал здесь. К тому времени, как Дэмиэн Каупер вернулся с похорон, неизвестный уже проник в квартиру, открыв дверь ключами с Британия-роуд, затем вышел сюда и принялся ждать. Тем же путем и ушел.

– Погоди... Откуда ты все это знаешь? С чего ты взял, что это был мужчина?

– Дайану Каупер задушили шнуром от занавески, сына порубили на куски. Убийца либо мужчина, либо разъяренная до предела женщина.

– Ну а остальное? Откуда ты знаешь, что все произошло именно так?

Готорн лишь пожал плечами.

– Слушай, лучше расскажи, иначе мне придется сочинять. – Эту угрозу я уже использовал раньше.

– Ладно...

Готорн щелчком отбросил сигарету.

– Попробуй поставить себя на место убийцы, принять образ его мыслей. Ты знаешь, что Дэмиэн вернется сюда с похорон. Будильник подсунули нарочно с целью довести его до нервного срыва. А может, ты на кладбище, в толпе, или прячешься за надгробиями и вдруг слышишь, как он говорит своей девушке: «Я еду домой» – тут-то у тебя и созрел план.

Единственная проблема – ты не знаешь наверняка, будет ли он дома один. А вдруг Грейс все-таки поедет с ним? Или он привезет викария? Значит, надо подождать удобного момента, а если он так и не представится, то смыться легко – пожарная лестница спускается до самой земли.

– Может, он и пришел этим путем?

– Дверь в гостиную заперта и закрыта изнутри на задвижку. Нет, убийца вошел из прихожей, огляделся, где бы спрятаться, и выбрался на террасу. Идеальное место – в окно прекрасно видно, кто находится в квартире. Итак, он убеждается, что Дэмиэн вернулся один, выходит в гостиную и... – Готорн умолк.

– И вышел точно так же? – напомнил я.

– След от ботинка.

Готорн указал на пол, и я только сейчас заметил возле пожарной лестницы красный полумесяц – убийца наступил в лужу крови. Мне вспомнился отпечаток, найденный в доме Дайаны Каупер, – вполне возможно, идентичный.

– В любом случае он не мог выйти через главную дверь, – продолжал Готорн. – Ты же видел раны – нападавший был бы по уши в крови. Вряд ли он рискнул бы фланировать по Брик-лейн. Скорее всего, снял пальто, спустился вниз и растворился в переулке.

– А ты понял, как будильник попал в гроб?

– Пока нет. Надо поговорить с Корнуоллисом. Только нам нельзя сейчас уходить – придется давать показания Мидоузу, когда он заявится. И побольше молчи, прикидывайся тупым.

Готорн бросил на меня ироничный взгляд.

– Тебе это будет нетрудно.

* * *

Два часа спустя в квартире было не протолкнуться. Констебли вызвали местного инспектора, а тот, в свою очередь, следственную бригаду. По дому бродили существа в спецкостюмах, масках и перчатках, неотличимые друг от друга. Фотограф то и дело ослеплял яркой вспышкой. Над трупом склонились медэксперты, осторожно обрабатывая руки и шею ватными палочками. Я знал, что они ищут: если между потерпевшим и преступником был какой-либо физический контакт, можно найти ДНК. Обе руки поместили в непрозрачные пластиковые пакеты. Удивительно, до чего быстро Дэмиэн терял человеческий облик – и это еще не самое страшное. Когда пришло время уносить тело, его обернули в полиэтилен и обмотали сверху изолентой. Вышло нечто среднее между Древним Египтом и курьерской доставкой.

От входной двери протянули полицейскую ленту, перегородив лестничный пролет. Интересно, как они будут пропускать жителей верхних и нижних этажей?

Ко мне подошел один из сотрудников, велел снять туфли и забрал с собой.

– Зачем они им? – озадаченно спросил я Готорна.

– Чтобы исключить твои следы, – объяснил он.

– А когда отдадут?

Готорн пожал плечами.

– Долго нам еще тут торчать?

И снова без ответа. Ему хотелось курить, но внутри не разрешали, и это его раздражало.

Наконец явился Мидоуз и тут же принял командование – убийство Дэмиэна Каупера укладывалось в его текущее расследование. На этот раз он показал себя с другой стороны: был собран, хладнокровен, общался с экспертами, делал пометки. Наконец Мидоуз добрался до нас и перешел сразу к сути:

– Что вам тут понадобилось?

– Приехали выразить соболезнование...

– Кончай, Готорн, не смешно. Он тебе позвонил? Ты знал, что он в опасности?

А Мидоуз не так уж глуп! Готорн действительно знал, но станет ли он в этом признаваться?

– Нет, – ответил тот, – не звонил.

– Так зачем ты приперся?

– Ну а сам-то как думаешь? С будильником дело явно нечисто, и если бы ты не был так занят, гоняясь за своим несуществующим грабителем, то и сам бы это заметил. Я хотел расспросить его о произошедшем. Опоздал.

Ни слова о ключах – Готорн в жизни не признается в ошибке. Правда, он забыл, что однажды Мидоуз прочтет об этом в моей книге.

– Значит, когда ты зашел, он был уже мертв?

– Да.

– И никого не заметил?

– На террасе кровавый след от ботинка, если не поленишься взглянуть. Думаю, убийца спустился по пожарной лестнице, так что мог засветиться где-то на уличной камере, однако мы никого не видели – слишком поздно приехали.

– Ладно, проваливай. И Агату Кристи свою забери.

Это обо мне. Агата Кристи – мой кумир, но все равно обидно.

Готорн встал. Я последовал за ним, шлепая по полу в носках, и едва открыл рот, чтобы обратить его внимание на этот факт, как он снял с комода в стиле ар-деко пару черных кожаных туфель и протянул мне. И когда только успел их туда положить?

– Держи.

– Где ты их взял?

– Спер из шкафа наверху. – Готорн кивнул в сторону Дэмиэна Каупера. – Должны подойти.

Я колебался, и он добавил:

– Ему они больше не понадобятся.

Я послушно надел туфли. Дорогие, итальянские, пришлись как раз впору.

Мы вышли на Брикс-лейн. Снаружи были припаркованы три полицейские машины, а рядом карета частной «Скорой помощи» – черный фургон, на котором Дэмиэна Каупера доставят в морг. Группа констеблей возводила экран, ведущий от входа к краю тротуара, чтобы никто не увидел

вынос тела. На другой стороне дороги скопилась приличная толпа, движение заблокировали. Уже не в первый раз я задумался о телесериалах, в которых принимал участие: вот бы нам столько массовки и транспорта, не говоря уж о съемках в центре Лондона!

Неподалеку остановилось такси. Я подтолкнул Готорна локтем: из машины вышла Грейс Ловелл в том же наряде, что и на похоронах, с сумочкой через плечо, но теперь в компании Эшли в розовом платье. Остановившись, Грейс растерянно огляделась по сторонам. Завидев нас, она поспешила навстречу.

– Что случилось? Почему здесь полиция?

– Боюсь, вам туда нельзя, – сказал Готорн. – У меня плохие новости.

– Дэмиэн?..

– Его убили.

Мог бы и поаккуратнее – все-таки трехлетний ребенок рядом! А если она услышала и поняла?

Судя по всему, Грейс пришла в голову та же мысль: она притянула к себе девочку, обняв за плечи.

– Как это?..

– Кто-то напал на него после похорон.

– Он... мертв?

– Боюсь, что да.

– Нет, не может быть... – Грейс перевела взгляд с Готорна на дверь и обратно. – Вы уходите?

– В квартире остался инспектор Мидоуз – он ведет расследование. Мой вам совет – не ходите туда, зрелище не из приятных. Вы были у отца?

– Да, ездила забирать Эшли.

– Тогда поезжайте обратно. Мидоуз сам вас найдет.

– А можно? Они не подумают, что?..

– Нет, не подумают – вы же были с нами в пабе.

– Я не это имела в виду... – Грейс решительно кивнула. – Вы правы, я не могу идти туда с Эшли.

– Где папа? – впервые подала голос девочка, явно напуганная суетой вокруг.

– Папы здесь нет, – ответила Грейс. – Мы едем обратно к бабушке.

– Вас проводить? Хотите, я поеду с вами? – предложил я.

– Нет, спасибо, я справлюсь.

Я никак не мог разобраться в Грейс Ловелл. У меня вообще не складывается с актерами: никогда не знаешь наверняка, искренен человек или просто... играет. Вот и сейчас: Грейс выглядела расстроенной, в ее глазах стояли слезы... И все же я подозревал, что это лишь актерство, что она еще на подъезде репетировала свою роль.

Грейс села в такси с ребенком, захлопнула дверь и что-то сказала водителю. Мгновение спустя машина отъехала.

– Убитая горем вдова, – пробормотал Готорн.

– Думаешь?

– Тони, я видел больше горя на турецкой свадьбе. Если хочешь знать мое мнение, она многое от нас скрывает.

Такси миновало светофор и растворилось вдали. Готорн усмехнулся.

– Даже не спросила, как он умер.

14. Уиллсден-Грин

Это был полуособняк в стиле пятидесятых: первый этаж из красного кирпича, над ним оштукатуренный второй, островерхая крыша. Складывалось впечатление, будто здесь одновременно работали три разных архитектора, не представленные друг другу, однако вполне довольные результатом, поскольку они в точности воспроизвели его в соседнем полуособняке-близнеце с общей стеной и общим же дымовым стояком; между одним крыльцом и другим пролегла деревянная ограда. В каждом доме имелся эркер²² с видом на двор, вымощенный плиткой и отделенный от Снейд-роуд низким забором. Я прикинул: где-то примерно четыре спальни. Постер в окне рекламировал благотворительный забег в пользу хосписа. В открытой двери гаража боролись за место ярко-зеленый «Воксхолл Астра», велосипед и мотоцикл.

У входа, перед дверью под старину, с толстыми панелями из матового стекла, лежал дешевый коврик с надписью: «Не бойся собаки – бойся хозяина!» Готорн нажал на звонок, и мы услышали мелодию из саундтрека «Звездных войн», хотя «Похоронный марш» Шопена был бы более уместен, ведь здесь жил Роберт Корнуоллис.

Нам открыла дверь энергичная, чересчур веселая женщина; можно было подумать, что она целую неделю ждала нашего визита. «Ну наконец-то! – словно говорил ее взгляд. – Где ж вы пропадали?»

Ей было около сорока. Судя по всему, она беззаботно рухнула в средний возраст, приняв его без колебаний вместе с мешковатым свитером, плохо сидящими джинсами (с вышитым на колене цветочком), банальным перманентом и дешевой бижутерией. И, разумеется, лишней вес, куда же без него – такие порой называют себя «матронами». Под мышкой стопка белья, в другой руке телефон, но женщина вела себя так, будто их нет. Я представил, как она удерживает белье на бедре, зажимает плечом трубку и одновременно пытается открыть дверь.

– Мистер Готорн? – уточнила она, глядя на меня. У нее был приятный голос образованной женщины.

– Нет, это он.

– Меня зовут Барбара. Входите, пожалуйста. Не обращайте внимания на бардак: уже шесть часов, мы укладываем детей спать. Роберт в другой комнате. Вы и сами знаете, какой выдался денек! Айрин нам все рассказала. Ужас! Вы из полиции?

– Да, помогаю в расследовании.

– Сюда, пожалуйста. Осторожнее, ролики! Ведь просила детей не бросать их в прихожей! Однажды кто-нибудь сломает себе шею!

Она глянула вниз, наконец заметив белье под мышкой.

– Ох, простите! Я как раз загружала стиралку, когда вы позвонили! Боже, ну и видок у меня!

Мы перешагнули через ролики и вошли в прихожую, заваленную куртками, резиновыми сапогами и ботинками разного размера. На стуле валялся мотоциклетный шлем. По дому гоняли дети – мы услышали их визг раньше, чем увидели. Мгновение спустя два светловолосых мальчика лет пяти и семи промчались мимо, не прекращая визжать.

– Это Себастьян и Тоби, – представила детей Барбара. – Сейчас они пойдут мыться, и станет немного тише. У вас есть дети? Ей-богу, иногда тут просто поле битвы.

И правда, дети захватили весь дом. На батареях – детские одежки, повсюду разбросаны мягкие игрушки, футбольные мячи, пластиковые мечи, старые теннисные ракетки, игральные карты, детальки «Лего»... Трудно было ориентироваться в этом хаосе, однако гостиная все же создавала впечатление уютного, немного старомодного дома: высушенные цветы на каминной полке, наверняка расстроенное пианино, покрывала на диванах, круглые абажуры, которые никогда не выходят из моды. Абстрактные картины на стене, скорее всего, куплены в ближайшем супермаркете.

– Вы работаете вместе с мужем, миссис Корнуоллис? – спросил Готорн по пути на кухню.

²² Выступ фасада, увеличивающий внутреннее пространство.

– Боже упаси! И называйте меня Барбарой. – Женщина бросила стопку белья на стул. – Нам и так друг друга хватает. Я – фармацевт на полставки, местный филиал «Бутс»²³. Не то чтобы я в восторге, но надо же платить по счетам... Осторожнее, еще одни ролики! Сюда, пожалуйста...

Кухня ярких цветов была загромождена мебелью; помимо стандартной барной стойки, в углу расположился большой белый стол в деревенском стиле. Из раковины выглядывала гора грязной посуды рядом с чистыми тарелками. Интересно, как Барбара разберется, где какие? Застекленная дверь выходила в сад, представляющий собой прямоугольную площадку с чахлыми кустиками по краю. Даже здесь царили дети: большую часть лужайки занимали – и портили – трамплин и игровой комплекс.

Роберт Корнуоллис, в том же костюме, но без галстука, сидел за столом и проверял счета. Странно было видеть его здесь, за пределами похоронного агентства. Каково это – возвращаться в уютную домашнюю обстановку после целого дня возни с трупами в морге? Мешает ли это ему – или его жене? А дети знают, чем папа занимается? Ни в одной из моих книг подобный персонаж не фигурировал, и я надеялся, что Готорн станет расспрашивать его о работе. Я собираю любую информацию – никогда не знаешь, что может пригодиться.

Как и остальная часть дома, кухня принадлежала детям: на столах пластиковые игрушки, мелки, бумага; все стены залеплены детскими рисунками. Я вспомнил дом в Харроу-он-Хилл и жизнь Джудит Гудвин, разрушенную потерей ребенка. Ее дом тоже был отмечен печатью детства, но совсем по-другому.

– А вот и Роберт, – объявила Барбара и тут же принялась его распекать: – Ты все возишься? Пора ужин готовить, детей укладывать, а тут еще и полиция в доме!

– Я уже закончил. – Корнуоллис закрыл грессбук и жестом показал на свободные стулья рядом. – Мистер Готорн, присаживайтесь.

– Не хотите чаю? – предложила Барбара. – У нас есть «английский завтрак», «эрл-грей» и «лапсанг сушонг».

– Нет, спасибо.

– А может, чего-нибудь покрепче? Роберт, у нас осталось немного вина в холодильнике. Я покачал головой.

– А я выпью, с вашего позволения, – все-таки выходной... почти. Робби, тебе налить?

– Нет, милая, спасибо.

Мы сели по другую сторону стола. Только Готорн собрался начать расспросы, как вдруг в кухню ворвались дети и принялись бегать вокруг, требуя сказку на ночь. Роберт Корнуоллис поднял руки, пытаясь взять ситуацию под контроль.

– Так, вы двое, ну-ка хватит!

Дети проигнорировали замечание.

– Идите лучше в сад. Так и быть, разрешаю десять минут на трамплине перед сном!

Дети завопили от восторга. Отец встал и открыл двери; они выбежали и вскарабкались на трамплин.

– Какие милые детки, – злобно пробормотал Готорн.

– По вечерам они расходятся не на шутку.

Корнуоллис снова сел.

– А где Эндрю? – спросил он у жены.

– Наверху, делает уроки, – откликнулась та, доставая из холодильника початую бутылку белого вина.

– Или играет на компьютере, – проворчал Корнуоллис. – Никак не могу его оттуда вытащить. Хотя что взять с десятилетки.

– Да у него все друзья такие, – кивнула Барбара, подливая себе вина. – И что за дети пошли – совсем не интересуются реальной жизнью!

Возникла пауза. В этом доме мгновения тишины – большая роскошь.

²³ Известная компания в индустрии здоровья и красоты.

– Айрин рассказала мне о похоронах, – начал Корнуоллис. – Чудовищно, просто чудовищно! Я работаю в этом бизнесе уже пятнадцать лет, а до меня – отец и дед. Уверяю вас, такое случилось впервые!

Готорн собирался задать вопрос, однако хозяин продолжил:

– Больше всего я жалею, что меня там не было. Я стараюсь посещать каждые похороны, но у сына в школе был концерт.

– Он целый месяц учил текст! Каждый вечер перед сном – так серьезно готовился! – Барбара налила себе большой бокал вина. – Эндрю никогда бы не простил, если бы мы не пришли. Актерство у него в крови. А какой он талантливый! Конечно, мать другого и не скажет, но это чистая правда!

– Не стоило мне уходить, я так и знал! Прямо чувствовал – что-то случится...

– Почему?

Корнуоллис задумался.

– Ну понимаете... В смерти миссис Каупер все обстоятельства кажутся странными. Я не в первый раз имею дело с насильственной смертью. У нас есть филиал в Южном Лондоне, и к нам неоднократно обращалась полиция: поножовщина, нападение банд и все такое. Однако в данном случае организация похорон в день смерти...

– Да, я помню, ты говорил, – вставила Барбара. – Только утром, когда одевался, все переживал... – Она осмотрела его хозяйским взглядом. – А кстати, почему ты до сих пор не переоделся?

Барбара Корнуоллис – женщина приятная, дружелюбная, но никогда не затыкается. Я бы на месте ее мужа давно сошел с ума. Последний, впрочем, проигнорировал вопрос.

– Именно поэтому я позвал Айрин присутствовать на похоронах, – объяснил он. – Я знал, что там будет полиция и журналисты; опять же Дэмиэн Каупер – довольно известная фигура. На Альфреда я не надеялся... И все равно надо было остаться!

– Ты даже не поговорил с Дэмиэном Каупером, а ведь он – твой любимый актер!

Барбара пододвинула к себе миску чипсов и взяла пригоршню. Из сада доносились детские визги, возбужденный смех.

– Это верно.

– Мы видели все фильмы с его участием. Как назывался тот сериал про журналистов?

– Не помню, милая.

– Конечно, помнишь – ты же купил его на DVD и пересмотрел сто раз!

– «Большая игра».

– Он самый. А еще мы ходили в театр на пьесу «Как важно быть серьезным» – я вытащила Роберта на нашу годовщину.

Барбара повернулась к мужу.

– Ты не хотел идти, я помню, но играл он замечательно!

– Да, хороший актер, – согласился Корнуоллис. – Однако я не стал бы подходить к нему на похоронах собственной матери, даже если бы такая возможность и представилась, – это неприлично. Не просить же у него автограф, в самом деле!

– Тогда у меня для вас новости. – Готорн достал из миски чипс и теперь держал его перед собой, словно вещественную улику. – Дэмиэн Каупер тоже мертв.

Корнуоллис уставился на него в растерянности.

– Что?..

– Его убили сегодня днем, где-то через час после похорон.

– Что вы такое говорите... Это невозможно!

Корнуоллис был явно в шоке. Новость, скорее всего, уже сообщили по телевизору или в интернете, хотя эти двое так заняты детьми...

– Как его убили? – спросила Барбара, тоже потрясенная.

– Зарезали в собственной квартире на Брик-лейн.

– И вы знаете, кто это сделал?

– Пока нет. Странно, что инспектор Мидоуз еще не связался с вами.

– Нет, мы ничего не слышали. А... – Корнуоллис запнулся, подбирая слова. – А... то, что произошло на похоронах... тут есть какая-то связь? Должна быть! Когда я узнал, то сперва подумал, что это глупая шутка...

– Ты сказал: «Кто-то затаил на него злобу», – напомнила Барбара.

– Да, это логичный вывод, но, как я говорил, мне еще не приходилось сталкиваться с подобными ситуациями. С другой стороны, если Дэмиэна убили, дело предстает в ином свете.

Готорн бросил чипс обратно в миску.

– Кто-то положил в гроб будильник, который зазвенел в половине двенадцатого и проиграл детскую песенку. Думаю, можно смело рассчитывать на то, что связь есть. Вот я и хочу знать, как он туда попал.

– Понятия не имею.

– А вы подумайте! – раздраженно бросил Готорн.

Судя по всему, бардак в доме, вопящие дети, Барбара со своими чипсами начали действовать ему на нервы.

Корнуоллис взглянул на жену, словно ища поддержки.

– Уверяю вас, никто из моих сотрудников в этом не замешан. В нашей компании все работают не менее пяти лет, и многие являются членами семьи – Айрин наверняка вам рассказывала. Миссис Каупер привезли из больницы прямо к нам в морг на Хаммерсмит. Тело обмыли, закрыли глаза. Миссис Каупер не пожелала, чтобы ее бальзамировали. Далее тело положили в гроб из ивовых прутьев, который она сама выбрала, – это было утром, около половины девятого, присутствовали все четыре носильщика. Затем гроб перенесли на катафалк. У нас частная территория с воротами на электронном замке – с улицы никто не зайдет. Оттуда ее и привезли сразу на Бромптонское кладбище.

– Значит, она все время была под присмотром?

– Да. Разве что за исключением трех-четырех минут на парковке за часовней.

– Значит, именно в этот момент кто-то положил в гроб будильник.

– Наверное...

– Сколько времени понадобится, чтобы снять крышку?

Корнуоллис задумался.

– Несколько секунд, не больше. У традиционного гроба из твердых пород дерева крышку привинчивают, а ивовый закрывается на ремни.

Барбара допила вино.

– Вы точно не хотите по бокальчику? – предложила она.

– Нет, спасибо, – отказался я за обоих.

– Ну а я себе еще налью. Все эти разговоры о смерти и убийствах!.. Мы никогда не обсуждаем работу дома, детям это не нравится. Помню, в школе нужно было рассказать перед классом о профессии отца, так Эндрю сочинил, будто его папа бухгалтер! – Барбара хохотнула. – И откуда что взялось! Он ничего не знает о бухгалтерии!

Она подошла к холодильнику и налила себе еще один бокал вина.

На кухне появился мальчик лет десяти в спортивных штанах и футболке, повыше остальных; темные волосы неопрятно падали на лоб.

– А почему Себ с Тобом в саду?

Тут он заметил нас.

– А вы кто?

– Это Эндрю, – представила Барбара. – А это полицейские.

– Что случилось?

– Ничего страшного, не забивай себе голову. Ты уроки сделал?

Мальчик кивнул.

– Тогда можешь посмотреть телевизор, если хочешь. – Мать нежно улыбнулась, явно желая похвастаться. – Я только что рассказывала полисменам про твой школьный спектакль, мистер Пиноккио!

– Вышло так себе, – вставил Корнуоллис, затем изобразил, будто у него вытягивается нос. – Погоди-ка... Это же вранье – замечательно сыграл!

Эндрю раздулся от гордости, весьма довольный собой.

– Когда вырасту, стану актером, – объявил он.

– Об этом пока рано говорить, – прервал его отец. – Если хочешь помочь, сходи позови братьев – пора ложиться спать.

В саду Тоби с Себастьяном лазали по лестницам и визжали как резаные. Оба перевозбудились и напоминали скорее маленьких обезьянок, чем людей. Я хорошо помнил эту фазу по своим собственным детям.

Эндрю послушно вышел исполнять поручение.

– Позвольте задать вопрос... – Готорн разозлится, но мне было интересно. – Не совсем по делу... Почему вы решили выбрать такую профессию?

– Почему я стал оказывать похоронные услуги? – Похоже, Корнуоллиса несколько не смутил вопрос. – В каком-то смысле профессия выбрала меня. Вы же видели вывеску над дверью агентства – это семейный бизнес. Мой отец вел его пятьдесят лет, а до него – дед. Со мной работают родственники: с Айрин вы уже знакомы, а кузен Джордж ведет бухгалтерию. Может, однажды кто-то из мальчиков продолжит дело.

– Еще не хватало! – фыркнула Барбара.

– Они могут и передумать.

– Как ты?

– В наше время молодежи непросто найти себя. Детям полезно будет знать, что для них всегда наготове рабочее место.

Корнуоллис повернулся к нам.

– После окончания колледжа я поехал по миру, занимался разными вещами. Наверное, где-то в глубине души я всегда сопротивлялся своему предназначению – стать директором похоронного агентства. С другой стороны, если бы я не решил на это, моя жизнь была бы совсем иной. – Он взял жену за руку. – Так мы познакомились...

– На похоронах моего дяди!

– Одни из первых моих похорон. – Корнуоллис улыбнулся. – Наверное, не самый романтичный способ знакомства, зато самая большая удача в моей жизни.

– Мне все равно никогда не нравился дядя Дэвид, – вставила Барбара.

Снаружи темнело. Младшие спорили с братом, который пытался их урезонить.

– Если у вас больше нет вопросов, боюсь, мы вынуждены просить покинуть нас, – сказал Корнуоллис. – Надо укладывать детей.

Готорн поднялся на ноги.

– Спасибо, вы нам очень помогли.

Лично я совсем не был в этом уверен.

– Сообщите, если что-нибудь узнаете, ладно? – попросила Барбара. – Никак не могу поверить, что Дэмиэна Каупера убили. Сперва мать, потом самого... Так поневоле задумаешься, кто следующий!

Она вышла в сад забрать детей, а Корнуоллис проводил нас до двери.

– Я забыл упомянуть одну вещь, – сказал он, стоя на пороге. – Не уверен, имеет ли это значение...

– Продолжайте, – кивнул Готорн.

– Короче, пару дней назад мне позвонили: кто-то хотел знать, когда и где состоятся похороны. Звонил мужчина, представился другом Дайаны Каупер, однако фамилию называть отказался. Да и вообще, вел себя... м-м... подозрительно. Не то чтобы сумасшедший, но... Весь какой-то напряженный, страшно нервничал...

– Откуда он узнал, что вы распорядитесь похоронами?

– Я и сам удивился. Наверное, обзванивал все агентства в западной части Лондона, хотя наше одно из самых крупных и известных, так что мог начать и с нас. В общем, тогда я не придавал этому особого значения, просто сообщил информацию. А потом Айрин рассказала о сегодняшнем происшествии, и тут я вспомнил...

– А номера у вас, случайно, не осталось?

– Остался. Мы ведем учет всех входящих звонков, а он звонил с мобильного телефона, так что номер отобразился в системе.

Корнуоллис достал сложенный клочок бумаги и протянул Готорну.

– Честно говоря, я сомневался, давать вам его или нет. Не хочу причинять людям неприятности.

– Разберемся, мистер Корнуоллис.

– Наверняка пустая трата времени.

– Ничего, у меня полно времени.

Корнуоллис зашел в дом и закрыл дверь. Готорн развернул записку и улыбнулся.

– Я знаю этот номер.

– Откуда?

– Его мне дала Джудит Гудвин – это номер ее мужа, Алана Гудвина.

Готорн сложил листок бумаги и сунул в карман, продолжая улыбаться, словно ожидал именно этого.

15. Ланч с Хильдой

– Ты купил новые туфли, – заметила жена, когда я собирался уходить.

– Нет, – удивленно отозвался я, опустил глаза и понял, что все еще ношу туфли покойного Дэмиэна Каупера, которые дал мне Готорн, – я надел их чисто рефлекторно. – А, эти...

Моя жена, телепродюсер, обладает поразительным нюхом на мельчайшие детали; из нее получился бы хороший детектив или шпион. Я еще не рассказывал ей про Готорна и неловко замялся.

– Они у меня давно, просто ношу редко.

В нашей семье не принято лгать друг другу. Оба утверждения в широком смысле вполне сойдут за правду.

– Куда идешь? – спросила жена.

– На ланч с Хильдой.

Хильда Старк – мой литературный агент; она тоже не знает про Готорна. Я поспешно улизнул.

Вообще, между писателями и их агентами складываются довольно странные отношения; честно говоря, я и сам их до конца не понимаю. Если коротко – писателям нужны агенты. Когда речь идет о сделках, контрактах, счетах – да, собственно, обо всем, что связано с бизнесом или здравым смыслом, – большинство писателей беспомощны как дети. Всем этим занимаются агенты в обмен на десять процентов твоего заработка – вполне разумная цифра до тех пор, пока продажи не увеличиваются. Хотя после этого тебе уже без разницы. Вот и все. Непосредственно работой они не обеспечивают. Если им удастся повысить твой аванс, это значительно меньшая сумма, чем та, что они берут себе.

Литературный агент – не твой близкий друг. А даже если и друг, то довольно ветреный, флиртующий одновременно с кучей клиентов, которых рад видеть не меньше. Он/она может предварительно спросить, как поживают жена и детки, но больше всего их интересует, как продвигается твоя книга. По сути, мыслят они односторонне и всегда синхронно с «Нильсеном», компанией, отслеживающей продажи книг в Великобритании. Через неделю после выхода книги Хильда звонит мне и рассказывает про рейтинги, хотя прекрасно знает, что меня от этого тошнит. «Продажи – вовсе не главное», – говорю я ей. Вот, пожалуй, и вся разница между нами.

Однажды мы собирались лететь в Эдинбург на деловую встречу. Мы только начали работать вместе; помню, я тогда удивился: зачем она летит со мной? Что, у нее семьи нет? Я так и не понял. Она не приглашала меня к себе, и я ни разу не встречался с членами ее семьи. Когда я увидел ее по ту сторону рамок, Хильда орала на кого-то по телефону и сделала мне знак не мешать. Секунд через десять я понял, что она разговаривает с издателем; еще через десять до меня дошло, что это мой собственный издатель. Оказывается, едва надев туфли, ремень и пиджак после досмотра, Хильда направилась в местный книжный магазин и обнаружила, что моей новой книги нет в продаже, – и теперь требовала у издателя объяснений.

В этом вся Хильда. До того как мы подписали контракт, я встречал ее на книжных ярмарках в Дубае, Гонконге, Кейптауне, Эдинбурге и Сиднее. Она знала обо мне все: как продается моя последняя книга, почему уволился мой редактор, кто ее заменит... Хильда была джинном для моего Аладдина, хотя, насколько я помню, я ни разу не потерял волшебную лампу. Наше сотрудничество казалось неизбежным, и в конце концов я сдался. Кстати, я далеко не самый крупный из ее авторов, но она заставляет меня верить в обратное – наверное, в этом и заключается ее талант.

Сколько я ни напоминал себе, что Хильда работает на меня, а не наоборот, каждый раз я нервничал перед встречей с этой стильно одетой женщиной в мелких кудряшках и с пронзительным взглядом. Все в ней выдавало крутой характер: скупость на эмоции, чувство стиля, рубленые фразы, направленный на тебя указательный палец, манера выражаться (сквернословит не хуже Готорна). Она мне нравится – и в то же время я ее боюсь.

Я понимал, что рано или поздно придется рассказать ей о задумке с книгой. Конечно, Хильда ее продаст, однако будет недовольна тем, что я ввязался в новый проект без обсуждения с ней.

Поэтому я оттягивал начало разговора как мог и обсуждал все остальное: маркетинг «Дома шелка», Алекса Райдера (у меня была задумка с Яссеном Грегоровичем, наемным убийцей, который уже фигурировал в нескольких фильмах), Ай-ти-ви и выход сериала «Несправедливость», следующий сезон «Войны Фойла» – если решат продолжать. Хильда как-то особенно нервничала, и когда официант убрал тарелки, я спросил, что случилось.

– Не хотела об этом упоминать, хотя ты и так скоро прочтешь в новостях... Арестовали одного из моих клиентов.

– Кого?

– Реймонда Клунса.

– Театрального продюсера?

Она кивнула.

– В прошлом году он собирал деньги на мюзикл «Марокканские ночи». Все пошло не так, как ожидалось.

Хильда никогда не употребляет выражение «полный провал». Если критики разнесли книгу в пух и прах, она скажет, что та «получила смешанные отзывы».

– Теперь некоторые вкладчики обвиняют его в мошенничестве.

Выходит, Бруно Вонг правильно все сказал. Честно говоря, я удивился. Я и не знал, что Хильда работает с театральными продюсерами. Интересно, уж не потеряла ли она сама деньги на этом проекте? Спросить я не отважился, зато воспользовался случаем и вынул к нужной теме: начал с того, что «как раз на днях познакомился с Клунсом», виделся с ним на похоронах Дэмиэна Каупера, а от него плавно перешел к Готорну и наконец рассказал о книге, которую согласился написать.

Хильда не рассердилась – она никогда не кричит на своих клиентов; скорее удивилась.

– Я тебя не понимаю... Мы ведь обсуждали твой переход от детских книг к взрослым...

– Это и есть книга для взрослых.

– Но это же настоящее преступление! Ты никогда не писал документалистику, да и вообще, она не продается. – Хильда потянулась за бокалом вина. – Не самая хорошая идея. У тебя через несколько месяцев выходит «Дом шелка», а ты знаешь, как я обожаю эту книгу. Мы же вроде согласились, что ты напишешь сиквел?

– Напишу.

– Ты должен над ним работать уже сейчас – вот что люди захотят читать! Кому интересен этот... как его?

– Готорн. Дэниэл Готорн, хотя он не пользуется именем.

– У сыщиков всегда так.

– Он бывший полицейский.

– Еще и безработный! «Безработный сыщик» – так ты собираешься озаглавить книгу? Уже придумал название?

– Нет.

Хильда резко отодвинула бокал.

– Хоть убей, не понимаю, что тебя привлекло в этой идее! Он тебе нравится как человек?

– Да не особо, – признался я.

– Тогда почему ты решил, что он понравится читателям?

– Готорн очень умен.

Жалкое оправдание.

– Но он не раскрыл преступление.

– Пока еще работает.

Официант принес горячее. Я рассказал Хильде об интервью, на которых присутствовал. Проблема в том, что я почти ничего не записал, кроме беглых пометок, и в устном пересказе это звучало бессвязно и анекдотично, даже скучновато.

Под конец Хильда прервала меня:

– А кто он вообще, этот Готорн? В чем его фишка? Пьет неразбавленный виски? Ездит на ретроавто? Любит джаз? Слушает оперу? У него есть собака?

– Не знаю... – жалко пролепетал я. – Вроде был женат, есть одиннадцатилетний сын. Не выносит голубых... почему-то.

– Он гей?
– Нет. Вообще о себе говорить не любит, близко не подпускает.
– Так что же ты будешь о нем писать?
– Если он раскроет дело...
– Некоторые дела ведутся годами! Собираешься до конца жизни бегать за ним по Лондону?
Хильда заказала эскалоп из телятины и теперь кромсала его ножом, словно он ей досадил.
– Тебе придется изменить все имена – нельзя врывать к людям, а потом вставлять их в книгу, – добавила она, метнув в меня свирепый взгляд. – И мое тоже! Не хочу быть там!
– Послушай, случай очень интересный, – настаивал я. – Да и Готорн – личность весьма занимательная. Я постараюсь узнать о нем побольше.
– Как?
– Есть там один полицейский, начну с него.
Я подумывал о Чарли Мидоузе: может, удастся его разговорить, если поставить выпивку.
– Вы обсуждали денежный вопрос? – прищурилась Хильда.
Именно этого я и боялся.
– Я предложил пятьдесят на пятьдесят.
– Что?! – Она чуть не отшвырнула вилку с ножом. – Это просто смехотворно! Ты написал сорок романов! Ты – признанный писатель! Он – безработный сыщик! Это он должен тебе приплачивать, чтобы ты о нем написал, а если уж ты хочешь с ним делиться, то давай никак не больше двадцати процентов!
– Но сюжет-то его!
– Но писать-то будешь ты!
Хильда вздохнула.
– Ты серьезно решил, что ли?
– Отступить уже поздно, да я и не уверен, что хочу. Понимаешь, я был там, я видел тело, порезанное в лоскуты, залитое кровью...
Я покосился на свой стейк и отложил вилку.
– Я сам хочу узнать, кто убийца.
– Ладно... – Взгляд Хильды красноречиво говорил: ничего хорошего из этого не выйдет, а она ведь предупреждала! – Дай мне его номер, я с ним поговорю. Только не забудь, что по контракту у тебя еще две книги и как минимум в одной из них действие происходит в девятнадцатом веке. Не уверена, что издатели заинтересуются твоим проектом.
– Пятьдесят на пятьдесят.
– Через мой труп!

* * *

После ланча я направился в район Виктория, чувствуя себя школьником, сбежавшим с уроков. Почему я вдруг стал скрывать все от всех? Так и не рассказал жене про Готорна, и вот опять – спешу на встречу с ним, не признавшись Хильде. Готорн незаметно пробрался в мою жизнь... Было в этом что-то нездоровое. Самое ужасное – я на самом деле ждал встречи с ним: поскорей бы узнать, что дальше. Собственно, я сказал Хильде правду: я на крючке.

Мне совсем не нравится Виктория, я там почти не бываю. Да и с чего бы? Странный район Лондона не с той стороны Букингемского дворца. Насколько мне известно, здесь нет приличных ресторанов, магазинов, кино; лишь парочка театров, которые чувствуют себя отрезанными от естественной среды обитания на Шафтсбери-авеню. Вокзал «Виктория» до того старомодный – так и кажется, что сейчас подъедет паровоз в клубах дыма, а как только выходишь наружу, оказываешься в лабиринте неопрятных улочек, неотличимых друг от друга. С недавних пор на вокзале внедрили новшество: на выходе веселые гиды в котелках дают туристам советы, куда пойти. Как по мне, единственный разумный совет – подалее отсюда.

Именно здесь находилась контора Алана Гудвина: организация конференций и социальных мероприятий для корпоративных клиентов. Офис располагался на втором этаже обшарпанного здания постройки шестидесятих годов на узкой улочке, запруженной неаппетитными кафе, неподалеку от автовокзала. Когда я приехал, шел дождь (весь день было пасмурно). Лужи на

тротуарах, брызги от проезжающих автобусов – трудно представить себе место, где меньше хочется оказаться, чем здесь. Табличка на двери гласила: «Организация событий 'Мой друг'», и я не сразу вспомнил, откуда это. Однажды Гарольда Макмиллана²⁴ спросили, чего следует бояться политикам. «Событий, мой друг, событий», – ответил тот.

Меня провели в маленькую приемную. Не нужно быть детективом, чтобы понять, как идут дела: дорогая, но уже обшарпанная мебель, старые журналы на столике, увядающие цветы в горшках, откровенно скучающая секретарша. Телефон молчал. На полке пылились награды от организаций, названия которых я ни разу не слышал.

Готорн уже поджидал меня, сидя на диване. От него, как всегда, веяло энергией сжатой пружины.

– Опаздываешь, – прокомментировал он.

Я глянул на часы: пять минут четвертого.

– Как дела? – спросил я. – Как выходные?

– Нормально.

– Чем занимался? Кино смотрел?

Готорн бросил на меня любопытный взгляд.

– Что с тобой?

– Ничего, – ответил я, вспомнив разговор с Хильдой. – Ты в курсе, что Реймонда Клуна арестовали?

Он кивнул.

– Читал в газетах. Похоже, он все-таки обобрал Дайану Каупер на пятьдесят штук.

– Может, она что-то о нем знала? Тогда у него есть мотив...

По лицу Готорна было видно: эту возможность он уже отмел.

– Ты так думаешь?

– Как вариант.

В приемную вошла молодая девушка и безжизненным голосом сообщила, что мистер Гудвин нас примет, затем провела по коридору мимо двух кабинетов (оба пустовали) и открыла дверь в самом конце.

– Мистер Гудвин, к вам посетители.

Мы вошли.

Я сразу узнал Алана Гудвина – это был тот самый лохматый мужчина с белым платком на похоронах. Он сидел за столом спиной к окну, за которым открывался вид на автовокзал. На нем были пиджак свободного покроя и футболка с круглым вырезом. Судя по вытянувшемуся лицу, нас он тоже узнал и понял, что мы видели его на кладбище.

Мы присели напротив.

– Вы полицейский? – уточнил Гудвин, с опаской оглядывая Готорна.

– Да, я сотрудничаю с полицией.

– Не могли бы вы показать какой-нибудь документ, подтверждающий личность?

– Не могли бы вы объяснить, что вы делали на Бромптонском кладбище и чем занимались потом?

Ответа не последовало, и Готорн продолжил:

– В полиции пока не знают, что вы там были, и если я им сообщу, они будут крайне заинтересованы. Поверьте, со мной куда проще.

Гудвин сник. При ближайшем рассмотрении было видно, как он придавлен горем, – впрочем, неудивительно. Авария, унесшая жизнь одного сына и сделавшая инвалидом второго, стала началом цепи несчастий, отнявших дом, разрушивших брак, а затем и бизнес. Я знал, что он ответит на все вопросы, – у него почти не осталось сил на борьбу.

– Да, я был на похоронах, и что? Это преступление?

– Как знать, как знать... Вы же слышали музыку. «День-деньской колеса крутятся...» Если мне не изменяет память, это квалифицируется как «агрессивное или непристойное поведение на

²⁴ Морис Гарольд Макмиллан (1896–1986) – британский политический деятель, лидер Консервативной партии, премьер-министр Великобритании в 1956–1963 гг.

похоронах», хотя можно приравнять и к взлому: кто-то взломал гроб и положил туда будильник. Вам что-нибудь известно об этом?

– Нет.

– Однако вы видели, что произошло?

– Да, конечно.

– Эта песня о чем-то вам говорит?

На мгновение глаза Гудвина превратились в два бездонных колодца отчаяния.

– Она была на похоронах Тимми, – прошелестел он. – Его любимая песенка.

Даже Готорн заколебался, но лишь на секунду, и тут же ринулся в атаку:

– Так зачем вы туда пошли? Чего ради ходить на похороны к женщине, которую ненавидишь?

– Именно потому, что ненавижу!

Гудвин покраснел; тяжелые густые брови подчеркивали гнев.

– Эта женщина своей глупостью и небрежностью убила моего сына, восьмилетнего мальчика, и превратила его брата, нашего солнечного зайчика, практически в овощ. Она разрушила мою жизнь! Я пошел на похороны, чтобы увидеть, как ее зарывают в землю, – я надеялся, что это принесет мне облегчение.

– Ну и как, принесло?

– Нет.

– А смерть Дэмиэна Каупера?

Готорн напоминал теннисиста, подающего мяч через сетку: та же пружинистая энергия, сосредоточенность.

– Вы думаете, я его убил? – фыркнул Гудвин. – После похорон я пошел прогуляться: сперва по Кингс-роуд, затем вдоль Темзы. Да-да, знаю, очень удобно: никаких свидетелей, никто не подтвердит мое алиби. Но с чего мне желать ему смерти? Не он же вел машину!

– Мать скрылась с места происшествия, чтобы его защитить.

– Это ее решение, трусливое и эгоистичное; сын тут ни при чем.

Я мыслил в том же ключе: у Алана Гудвина имелась веская причина убить Дайану Каупер, но не было повода распространять месть и на сына.

Оба умолкли ненадолго, словно боксеры на ринге между раундами, затем Готорн снова вступил в бой:

– Вы ходили к миссис Каупер.

Гудвин помедлил.

– Нет.

– Не лгите, я знаю, что вы были там.

– Откуда?

– Миссис Каупер рассказала сыну. Судя по его словам, вы ей угрожали.

– Ничего подобного! – Гудвин осекся и вздохнул. – Ну ладно, ходил. Не вижу смысла отрицать.

Недели три-четыре назад.

– За две недели до ее смерти.

– Я скажу вам, когда это было, – через две недели после того, как Джудит попросила меня съехать. Мы окончательно осознали, что наш брак нельзя спасти. Тогда-то я и пошел к миссис Каупер. Мне пришло в голову, что она поможет, причем с радостью...

– Поможет? Каким образом?

– Деньгами, как еще! – Гудвин снова вздохнул. – Ладно, я расскажу, и знаете почему? Потому что мне уже все равно. У меня больше ничего не осталось, фирма летит к чертям. Компании больше не хотят тратиться... уж точно не на корпоративные мероприятия. Гордон Браун²⁵ довел эту чертову страну до ручки, а новые власти вообще ни черта не смыслят. Теперь все затягивают пояса, и такие, как я, первыми двигают на выход.

С Джудит тоже кончено. Двадцать четыре года вместе... Однажды ты просыпаешься и вдруг понимаешь, что не можешь находиться с человеком в одной комнате, – по крайней мере, она так

²⁵ Джеймс Гордон Браун (р. 1951) – лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании в 2007–2010 гг.

говорит. – Гудвин указал на потолок. – Наверху крошечная квартирка – здесь я теперь и живу. Мне пятьдесят пять лет, а я варю яйца на единственной конфорке или приношу бигмаки в бумажных пакетах – вот до чего я дошел... С этим я еще могу смириться, мне все равно. Знаете, что самое обидное? Знаете, зачем я обратился к этой женщине? Мы теряем дом, наш дом в Харроу-он-Хилл – нет денег на выплату по закладной. Черт бы с ним, но там живет Ларри. Ему там хорошо, спокойно; это единственное место, где он чувствует себя в безопасности.

Гудвин гневно блеснул глазами.

– Если бы я мог хоть как-то его защитить, я бы пошел на все! Вот поэтому я проглотил гордость и заявился к миссис Каупер. Я думал, что она поможет – живет в шикарном особняке в Челси; сын в Голливуде зарабатывает целое состояние, судя по тому, что пишут в газетах. Я думал, вдруг у нее найдется хоть капля порядочности и она захочет как-то возместить нам ущерб, помочь...

– Ну и что, помогла?

– А сами-то как думаете? – фыркнул Гудвин. – Попыталась захлопнуть дверь у меня перед носом, а когда я все-таки вошел, угрожала вызвать полицию.

– Вы что, вломились силой? – уточнил Готорн.

– Я убедил ее выслушать меня. Я не угрожал... Да я чуть ли не на колени встал, выпрашивая десять минут ее времени!

Он помолчал.

– Я всего лишь хотел попросить в долг. У меня наклеивалась парочка вариантов, я вполне мог бы еще протянуть... Нет, куда там! И слушать не хотела! Не представляю, как человек может быть таким черствым, таким бездушным... Попросту велела убираться. Так я и сделал. Сто раз пожалел, что вообще пошел, – вот до чего я опустился...

– А в какой комнате происходил разговор?

– В гостиной, а что?

– Во сколько?

– Где-то в обеденное время.

– Значит, шторы были подвязаны?

– Да... – Гудвина явно озадачил вопрос.

– А откуда вы знали, что она будет дома?

– Я и не знал. Просто зашел наугад.

– А потом отправили ей письмо.

Гудвин помедлил лишь секунду.

– Да.

Готорн достал из кармана пиджака записку, которую ему дала Андреа Клюванек. Я совершенно о ней забыл – столько всего произошло за последнее время.

– «Я наблюдал за вами и знаю, что вам дорого. Вы за все заплатите, обещаю», – прочел он. – Вот вы говорите – не угрожали, а это, по-вашему, как понимать?

– Я просто вышел из себя, надо было спустить пар.

– Когда вы отправили письмо?

– Я не отправлял, сам принес.

– Когда?

– Девятого, в понедельник.

– В день ее смерти!

– Я не заходил в дом, сунул в почтовый ящик.

– Во сколько?

– Не помню. После обеда. Может, часа в два.

– «...Знаю, что вам дорого» – что вы имели в виду?

– Да ничего! – грохнул кулаком по столу Гудвин. – Всего лишь слова. Поставьте себя на мое место! Глупо было вообще идти к ней, глупо было писать записку... Когда людей загоняют в угол, они часто делают глупости.

– У миссис Каупер был кот – серый такой, персидский. Случайно, не видели?

– Не видел я никаких котов! Все, мне больше нечего сказать. Вы так и не предъявили удостоверение, я вообще не знаю, кто вы. Уходите!

В соседнем кабинете зазвонил телефон – единственный звук, который мы услышали с тех пор, как вошли в здание.

– Когда вы съезжаете отсюда? – спросил Готорн.

– Срок аренды заканчивается через три месяца.

– Хорошо, мы знаем, где вас найти, если что.

Мы прошли через пустой офис и вышли на улицу, под дождь. Готорн сразу же закурил.

– Завтра я еду в Кентербери, – неожиданно объявил он. – Ты как?

– Почему в Кентербери?

– Я отследил местонахождение Найджела Уэстона.

Я попытался вспомнить, кто это.

– Судья, – пояснил Готорн. – Тот самый, что выпустил Дайану Каупер на свободу. А потом заскочу в Дил. Тебе не мешает проветриться, Тони.

– Ладно.

На самом деле мне вовсе не хотелось покидать Лондон. Меня затягивало на незнакомую территорию (во всех смыслах), и Готорн в качестве проводника отнюдь не прельщал.

– Тогда до завтра.

Мы разошлись в разные стороны, и только в конце улицы я вспомнил, что забыл задать один вопрос. Алан Гудвин утверждал, что рад смерти Дайаны Каупер, однако на похоронах он плакал – то и дело подносил платок к глазам. Почему?

И еще: он сказал, что ходил в суд на слушание...

И тут я понял, что Готорн упустил важный момент. Она все время маячила у нас перед глазами – причина, по которой должны были умереть оба, и мать, и сын, и это сразу объясняет, кто убийца. По сути, все очевидно.

Теперь я уже сам предвкушал завтрашнюю поездку: наконец-то перевес на моей стороне!

16. Инспектор Мидоуз

Теперь, когда впереди смутно замаячили финальные страницы, я понял, что мне не хватает второго плана. Пора перекинуться словечком с инспектором Чарльзом Мидоузом.

Это оказалось довольно просто: я позвонил в городскую полицию, назвал его фамилию, и нас тут же соединили. Сперва, когда я представился и объяснил цель звонка, Мидоуз принялся изобретать всяческие увертки и повесил бы трубку, если бы я его банально не подкупил: предложил выпивку и пятьдесят фунтов за час времени. В конце концов Мидоуз согласился, хотя у меня создалось впечатление, что он и так бы пришел: грех упускать возможность посплетничать о Готорне.

Мы встретились тем же вечером в «Граучо». Мидоузу удобнее было в центре Лондона, и я решил произвести на него впечатление частным клубом со знаменитой клиентурой, тем более что там я точно смогу раздобыть столик.

Мидоуз опоздал на десять минут. К тому времени я уже оккупировал тихий уголок наверху. К моему удивлению, инспектор заказал мартини с водкой. В его лапище хрупкий коктейльный бокал смотрелся нелепо. Три глотка – и ему уже понадобилась добавка.

У меня была заготовлена куча вопросов, однако Мидоуз начал первым. Как я познакомился с Готорном? Зачем пишу о нем книгу? Сколько он мне заплатил? Я рассказал, как было дело, и дал понять, что мы с Готорном отнюдь не друзья и у меня имеются насчет него некоторые сомнения.

Мидоуз расплылся в улыбке.

– У такого человека, как Готорн, друзей много не бывает. Доводилось мне прятать за решетку воров и насильников, куда более популярных в обществе.

Я рассказал ему о том, как мы с Готорном вместе работали над сериалом «Несправедливость» и о дальнейших контактах, умолчав о встрече на литературном фестивале, склонившей чашу весов.

– Идея показалась мне интересной. Я много пишу об убийствах, но таких, как Готорн, еще не встречал.

Мидоуз снова улыбнулся.

– Таких, как он, раз-два и обчелся, слава богу.

– А почему, собственно, вы его недолюбливаете?

– Кто вам такое сказал? Честно говоря, мне на него наплевать. Просто не дело привлекать посторонних к работе полиции.

– Кстати, а почему его уволили?

– Вы сказали ему, что идете на встречу со мной?

– Нет, но я ведь о нем пишу – сам же попросил. А я предупредил, что постараюсь узнать как можно больше.

– Играете в детектива, значит...

– Типа того.

Интересно, что думают посетители, глядя на нас со стороны? Массивный, как регбист, со сломанным носом и прилизанными волосами, в дешевом костюме, Мидоуз никак не походил на завсегдатя «Граучо». Была в нем какая-то смутная угроза, как и в Готорне.

Официант принес миску с соломкой. Мидоуз засунул в нее руку, а когда вытащил, миска наполовину опустела.

– Что он вам рассказал про убойный отдел?

Хруп-хруп-хруп... Остаток разговора будет отмечен этим чертовым хрупом.

– Ничего не рассказывал. Я вообще ничего о нем не знаю, даже где живет.

– Ривер-Корт, Блэкфрайарс. Шикарное местечко с видом на Темзу. Уж не знаю, какая там договоренность, но владелец не он.

Совсем рядом с моей квартирой в Клеркенуэлле.

– А номер не знаете?

Мидоуз покачал головой.

– А мне сказал, что живет в Гэнтс-Хилл.

– Он потерял квартиру после развода.

– Так я и думал. Вы ее видели?

– Один раз. Приходила к нему на работу. Ростом примерно пять футов одиннадцать дюймов, белая. – Мидоуз описывал женщину, словно подозреваемую. – Довольно хорошенькая, волосы светлые, на пару лет моложе его. Слегка нервничала. Спросила Готорна, и я ее проводил.

– О чем они говорили?

– Понятия не имею – я испарился. Никто никогда не ошивается возле Готорна.

– И каково было с ним работать?

– С ним невозможно работать – в этом вся проблема. – Хруп-хруп-хруп. Мидоуз даже не наслаждался вкусом, просто механически двигал челюстями. – Можно мне еще?

Он поднял бокал. Я помахал официанту.

– Готорн пришел к нам в 2005-м. До этого он работал в Саттоне и Хендоне, и мы вскоре поняли, почему его выставили оттуда. Говорят, в нашем деле очень много соревновательного момента. В этом есть доля правды: иногда команды готовы перегрызть друг другу глотки, но в то же время мы как-то уживаемся. Ходим выпивать после работы, выручаем, когда надо... Готорн – одиночка, таких никто не любит. Не то чтобы его не уважали – работал он на совесть и результатов добивался. У нас в ходу такая штука, называется «Руководство по расследованию убийств». Слышали когда-нибудь?

– Вроде нет...

– Тут, собственно, никаких секретов – его можно скачать в интернете. Оно появилось лет двадцать назад, и теперь все им пользуются. По сути, это детальная инструкция, где прописан каждый шаг: от выезда на место преступления до вскрытия трупа и так далее. Некоторые следователи носят его с собой, как новообращенные христиане – Библию. Такова специфика нашей работы, процедура – царь и бог. Проблема в том, что иногда можно перестараться. Помню, один парень расследовал убийство, совершенное в пятидесятых: вытащил скелет из усыпальницы в церкви и первым делом – по инструкции! – отправился добывать запись с видеокамеры, несмотря на то что ее изобрели на двадцать пять лет позже! Так вот, с Готорном дела обстояли ровно наоборот: он все делал по-своему. Просто исчезал, не спросив разрешения: видите ли, у него возникла догадка, или случайно везло, черт его знает. Практически всегда он оказывался прав, и коллег это бесило. У него был запредельный процент раскрываемости.

– Что же им не нравилось?

– Да все! Готорн был невыносим. Грубил боссу, ни с кем не общался. Даже не пил. Не то чтобы это плохо, просто не способствовало сближению. Семь часов вечера – и фюить! – его как ветром сдувало. Может, торопился домой, к жене, хотя поговаривали, что он ходит налево. Впрочем, неважно. Если бы он догадался завести друзей, глядишь, кто-нибудь и заступился бы за него.

– Вы советовали быть поосторожнее с ним на лестницах...

Принесли третий коктейль. Мидоуз проглотил содержимое бокала одним махом.

– Был такой Дерек Эббот, шестидесятидвухлетний учитель на пенсии. Его арестовали в ходе международной операции «Пика», в которой участвовало около пятидесяти стран: отслеживали распространение детской порнографии в интернете. Все началось в Канаде. В общей сложности арестовали более трехсот человек. Эббот подозревался как главный распространитель в Великобритании, поэтому его вызвали на допрос. Даже не знаю, как он оказался в Патни; так уж вышло. Короче, Эббота привели на третий этаж. Зарегистрировали, обыскали карманы, все как положено по протоколу. И вот его должны проводить в кабинет допросов, находящийся в подвале. Обычно такими вещами занимаются гражданские, но в тот момент рядом никого не было, и Готорн вызвался сам – уж не знаю, как это получилось. Он довел его по коридору до лестницы – да, забыл упомянуть, он настоял, чтобы на арестованного надели наручники. Особой нужды в этом не было: пожилой человек, прежних судимостей нет. В общем, вы уже догадались, что случилось дальше. Доказательств у нас никаких: в этой части здания камеры не работали. Эббот пролетел вниз головой четырнадцать ступенек, да еще в наручниках – сами понимаете. Он клялся, что Готорн его толкнул; тот, естественно, все отрицал.

– Неужели умер потом?

Мидоуз покачал головой.

– Повредил шею, сломал пару костей. Если б умер, Готорна посадили бы. По сути, Эббот был не в том положении, чтобы раздувать скандал, и дело замяли. С другой стороны, нельзя совсем уж спускать такие вещи на тормозах – слишком много народу узнало об этом, и, как я уже говорил, слишком многие имели на Готорна зуб. В результате его выгнали.

Надо сказать, я не удивился. В Готорне всегда чувствовалась подавленная ярость, тлеющая глубоко внутри, даже тяга к насилию и – какая ирония – к несправедному суду. Разумеется, ему захотелось спустить педофила с лестницы. Мне тут же вспомнилась его реакция на Реймонда Клунса.

– А он, случайно, не гомофоб?

– Откуда мне знать?

– Ну мало ли, обмолвился ненароком... Даже если он не был общительным, все равно мог случайно высказаться – прочел что-нибудь в газете или увидел по телевизору...

– Нет.

Мидоуз заглянул в миску – соломка кончилась.

– В полиции не принято высказывать свое мнение. Только начнешь трепать языком про геев или черных – живо выставят. Опять же, надо следить за гендерным равенством. Десять лет назад было так: ляпнешь чего-нибудь не то – дадут по ушам, и всего делов. Теперь другие времена.

– А что было дальше с Эбботом?

– Понятия не имею. Отвезли в больницу, и с тех пор мы его не видели.

– Я слышал, Готорну помогает какой-то старший инспектор?

– Это Ратерфорд...

Тут Мидоуз спохватился.

– О нем я ничего не могу сказать. – Он демонстративно глянул на часы. – Еще вопросы?

– Не знаю... Не хотите что-нибудь добавить?

– Нет, зато вы можете мне кое-что рассказать. Вы же ходите за Готорном по пятам. Он разговаривал с человеком по имени Алан Гудвин?

Я почувствовал холодную пустоту в желудке. Мне не приходило в голову, что Мидоуз попытается использовать меня с целью опередить Готорна в расследовании – потому он и согласился встретиться!

Я сразу понял, что ничего ему не скажу. Если Мидоуз обнародует личность преступника, это будет полный провал!

В то же время я внезапно почувствовал некоторую лояльность к Готорну, чего раньше не замечал. Мы – команда. Мы – а не Мидоуз или еще кто-то – должны раскрыть преступление.

– Я не на всех встречах присутствую, – неубедительно соврал я.

– Что-то не верится.

– Послушайте... Мне очень жаль, но я не могу вам ничего сообщить – это конфиденциальная информация. Мы с Готорном заключили соглашение...

Мидоуз смотрел на меня как на мерзавца, избившего старика или убившего ребенка. До этого я видел его раза три и считал медлительным, недалеким, простоватым. Наверное, в глубине души я отвел ему роль Джеппа, Лестрейда, Бердена²⁶ – человека, которому не под силу раскрыть преступление. Теперь же я понял, что недооценивал Мидоуза.

– Энтони, вы многого не знаете, – зловеще начал он, – однако о препятствовании правосудию наверняка слышали.

– Да.

– Создание препятствий полицейскому при исполнении: тысяча фунтов штрафа или тюремный срок.

– Это нелепо! – воскликнул я. Собственно, так оно и было. Тут ему не Скотленд-Ярд, и вообще я его сюда пригласил!

– Я задал вам простой вопрос.

– Спросите у него сами, – ответил я, выдерживая тяжелый взгляд и гадая, что будет дальше.

Неожиданно Мидоуз расслабился. Туча прошла, словно ничего такого и не случилось.

²⁶ Незадачливые полицейские сыщики из произведений А. Кристи, А. К. Дойла и Р. Ренделл.

- Да, совсем забыл! Мой сын очень обрадовался, когда я сказал, что иду на встречу с вами.
- Правда? – Я отпил немного джина с тоником.
- Ага. Он у меня большой фанат Алекса Райдера.
- Рад слышать.
- Кстати говоря...

Неожиданно Мидоуз заробел и полез в кожаный портфель. Я понял, что будет дальше. За долгие годы я хорошо изучил язык тела.

Мидоуз вытащил «Ключ от всех дверей», третий роман цикла. Книга была новенькая – наверное, по пути зашел в магазин.

- Не подпишете?
- С удовольствием. – Я достал ручку. – Как его зовут?
- Брайан.

Я открыл книгу и написал на титульном листе: «Брайан, твой папа меня чуть не арестовал. С наилучшими пожеланиями».

- Рад был встретиться, спасибо за помощь.
- Кажется, вы собирались мне заплатить...
- Ах да... – Я полез в кошелек. – Вот, пожалуйста, пятьдесят фунтов.

Мидоуз глянул на часы.

- Вообще-то прошел час и десять минут.
- Уже так много?
- А я еще полчаса добирался.

Он ушел, забрав с собой сотню фунтов. Кроме того, я заплатил за три коктейля и подписал ему книгу. И что я получил взамен? Боюсь, не слишком удачная вышла сделка...

17. Кентербери

Мы условились встретиться на вокзале Кингс-Кросс. В кои-то веки я с нетерпением ждал встречи. Готорн уже купил билеты и попросил меня оплатить только мой. Я заметил, что он в хорошем настроении.

Мы сели друг напротив друга, однако прежде чем я успел начать разговор, Готорн достал блокнот, ручку и книгу в бумажной обложке. Я глянул на название: «Посторонний» Альбера Камю. Букинистика, издание «Пингвин Классик», потертый переплет, выпадающие страницы. Надо сказать, я удивился. Мне не приходило в голову, что Готорн может увлекаться чтением (кроме таблоидов) – он никак не похож на человека, интересующегося художественной литературой и уж тем более постижением глубин экзистенциализма в Алжире сороковых годов. Его скорее можно представить на диване с Дэном Брауном или чем-нибудь пожестче: Харланом Кобеном или там Джеймсом Паттерсоном... Конечно, Готорн умен и хорошо образован, однако не производит впечатление натуры с воображением.

Мне не терпелось выложить свою теорию – разгадку убийства Дайаны Каупер и ее сына, – и через пятнадцать минут тишины я не выдержал. К этому времени Готорн прочел три страницы, переворачивая их с решительностью, ясно говорящей: каждая далась ему с трудом, и он счастлив, что больше никогда не придется к ним возвращаться.

– Ну как? – спросил я наконец.

– Что?

– *L'Etranger*.

Готорн непонимающе уставился на меня, и я перевел с французского:

– «Посторонний».

– Нормально.

– Значит, тебе нравится современная литература?

Он понял, что я опять ковыряюсь у него в душе, и раздраженно поморщился, однако на сей раз решил снизить.

– Я не выбирал.

– Правда?

– В книжном клубе дали.

Готорн состоит в книжном клубе! Если бы он сказал, что ходит в кружок вязания, я и то удивился бы меньше.

– Помню, я прочел «Постороннего», когда мне было восемнадцать, – книга произвела на меня большое впечатление. Я даже ассоциировал себя с Мерсо.

Мерсо – это главный персонаж. Он медленно дрейфует по жизни – «Сегодня умерла мама. А может быть, вчера – не знаю»²⁷, – убивает араба, попадает в тюрьму, его казнят. Наверное, меня привлекало в нем полное отсутствие привязанности к чему-либо, хотелось быть на него похожим...

– Поверь, приятель, ты на него совсем не похож. – Готорн закрыл книгу. – Я таких постоянно вижу. Они мертвые внутри. Занимаются ерундой и считают, что мир им должен. Я бы не стал о них писать, да и читать тоже...

– Кто там, в этом вашем клубе?

– Да так, разные люди...

Я ждал продолжения.

– ...Из библиотеки.

– И когда вы встречаетесь?

Готорн промолчал. Я смотрел в окно на ряды полусобнячков, крошечные садики, отделяющие их от бесконечного грохота поездов. Всюду мусор, все покрыто серой пылью.

– А что еще ты прочел из последнего?

– Тебе зачем?

²⁷ Перевод Н.Немчиновой.

– Интересно.

Готорн задумался. Его по-прежнему раздражали мои настойчивые расспросы.

– Лайонел Шрайвер. Про парня, который убивает одноклассников.

– «Что-то не так с Кевином». И как, понравилось?

– Умная тетка, заставляет задуматься.

Готорн осекся: отрывочная болтовня грозила перерасти в нормальный разговор.

– Лучше бы о деле думал, – посоветовал он.

– А я как раз и думаю. – Я воспользовался случаем и взял быка за рога. – Я знаю, кто ее убил!

Готорн закрыл книгу и посмотрел на меня выжидательно и в то же время снисходительно, словно был заранее уверен в моем провале.

– Ну и кто же?

– Алан Гудвин!

Готорн медленно кивнул.

– У него имелась веская причина убить Дайану Каупер, – согласился он. – Однако Гудвин был с нами на похоронах. Думаешь, ему хватило бы времени пересечь Лондон и забраться в квартиру Дэмиэна?

– Он покинул кладбище, как только начала играть музыка. Да и кто еще положил будильник в гроб, если не он? Ты же помнишь, Гудвин сказал: это любимая песенка его погибшего сына. – Я заторопился, чтобы Готорн не успел меня прервать. – Все дело в Тимми Гудвине. Кому еще понадобилось бы убить Дайану Каупер? Уборщице, потому что она крада деньги? Или Реймонду Клунсу со своим дурацким мюзиклом? Да ладно! Смешно даже спорить!

– А я и не спорю, – невозмутимо ответил Готорн.

Взвесив сказанное мной, он с сожалением покачал головой.

– В момент аварии Дэмиэн Каупер находился дома. Он тут вообще ни при чем – зачем его убивать?

– А я понял зачем... – Я достал из рукава «козырь». – Что, если за рулем была не Дайана, а Дэмиэн? Ведь Мэри О'Брайан не видела лица; хозяйку машины опознали по регистрационному номеру!

– Дайана сама пошла в полицию.

– Потому что хотела защитить сына! – Чем больше я об этом думал, тем логичнее казалась гипотеза. – Она верила в его будущее! Может, выпил или нанюхался... Если бы его арестовали – все, конец блестящей карьере, вот Дайана и взяла вину на себя! А про то, что якобы забыла очки, специально присочинила, надеялась соскочить с крючка.

– У тебя нет доказательств.

– А вот и есть! – Я с торжеством предъявил «козырного туза»: – Реймонд Клунс в разговоре упомянул, что в день встречи Дайана вышла из метро и «помахала мне рукой через дорогу». Если она сумела разглядеть его через дорогу, значит, у нее зрение в полном порядке!

Готорн наградил меня мимолетной улыбкой.

– А-а, значит, слушал внимательно...

– Прислушивался, – осторожно ответил я.

– Дайана вполне могла в тот момент надеть очки. – Казалось, Готорна искренне расстраивает необходимость разбивать мою теорию. – Об этом ведь Клунс не упоминал, верно? А если не она была за рулем, то почему же с тех пор не садилась за руль? Зачем переехала? Слишком много переживаний для невинного человека.

– Переживала за Дэмиэна! И потом, она же соучастница! Каким-то образом Алан Гудвин узнал правду, вот и убил обоих.

Поезд набирал скорость, восточный Лондон понемногу уступал место зелени и открытым пейзажам.

– Нет, не пойдет, – резюмировал Готорн. – Полиция наверняка проверила ее зрение; к тому же ты забываешь кучу других факторов.

– Каких?

Готорн пожал плечами – видно, ему лень было продолжать разговор. Впрочем, подумав, он все-таки сжалился надо мной.

– В каком состоянии Дайана Каупер пришла к гробовщику? И что первое она увидела там?

– Что?

– У тебя записано в той дурацкой первой главе. В этом вся суть.

Что она увидела первым?

Я попытался представить себя на месте Дайаны. Вот я выхожу из автобуса, иду по тротуару. Так, вывеска «Корнуоллис и сыновья», даже две. Или часы, остановившиеся за минуту до полуночи. О чем это может говорить? Еще книга из мрамора в витрине – типично для подобных заведений. Состояние? Миссис Каупер знала, что умрет, – так сказал Готорн. Кто-то ей угрожал, однако она не пошла в полицию. Почему?

Неожиданно я разозлился.

– В конце-то концов! Ты тащишь меня через полстраны – мог бы и объяснить, куда мы едем и зачем!

– Я уже сказал – мы едем повидать судью, а потом на место преступления.

– Так, значит, это имеет отношение к делу?

Готорн улыбнулся. Его лицо отражалось в оконном стекле, за которым проносились сельские пейзажи.

– Когда тебе платят посуточно, все имеет отношение к делу.

Он углубился в книгу и больше не проронил ни слова.

* * *

Найджел Уэстон, судья, вынесший решение в пользу Дайаны Каупер, жил в самом центре Кентербери с видом на кафедральный собор с одной стороны и колледж Святого Августина – с другой. Проработав всю жизнь с законом, он решил окружить себя историей и религией: древние стены, шпили, проповедники на велосипедах. Солидное пропорциональное здание с обширным газоном: комфортное жилище человека, устроившего себе комфортную жизнь.

Готорн договорился о встрече на одиннадцать часов, и Уэстон поджидал нас у двери, пока я расплачивался за такси. Он был похож скорее на музыканта или дирижера, чем на законника в отставке: изящный, хрупкий, с длинными тонкими пальцами. Ему шел восьмой десяток, и с годами Уэстон усох, почти исчез в своем кардигане крупной вязки и вельветовых брюках; на ногах – шлепанцы вместо туфель. Запавшие глаза напряженно смотрели на нас поверх жестких скул, как два клерка на скамье.

– Входите, входите. Надеюсь, поездка была приятной?

Я удивился его любезности. Наверное, Готорн не сказал ему, зачем мы приехали.

Мы последовали за ним в холл, устланный толстыми коврами, уставленный антиквариатом и дорогими предметами искусства. Я узнал рисунок Эрика Гилла и акварель Эрика Равилиуса²⁸; и то и другое – оригиналы. Уэстон провел нас в маленькую гостиную с видом на лужайку. В камине горел огонь – тоже настоящий. На столе были приготовлены кофе и печенье.

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Готорн, – начал Уэстон, едва мы сели. – У вас солидная репутация. Взять хоть ту историю с русским послом – дело Безрукова. Отличная работа!

– Его признали невиновным, – напомнил Готорн.

– У него была блестящая защита, и присяжных, на мой взгляд, сбили с толку. Он виновен, вне всяких сомнений. Не желаете ли кофе?

Я не ожидал, что судья так хорошо знает Готорна. Интересно, это было во время его работы в полиции или уже после? Да и неужто городская полиция имеет дело с русским посольством?

Судья налил всем кофе. Я разглядывал комнату, центр которой занимал малый рояль «Блютнер»; на крышке – с полдюжины фотографий в старомодных рамках. На четырех из них Уэстон с каким-то мужчиной, на одной – в гавайских рубашках и шортах, рука об руку. Я не сомневался – Готорн тоже успел их заметить.

– Так что привело вас в Кентербери? – спросил Уэстон.

– Я расследую двойное убийство: Дайаны Каупер и ее сына.

– Читал. Ужасная история! Значит, вы консультируете полицию?

– Да, сэр.

²⁸ Названы художники первой половины прошлого века, оба известны как оригинальные граверы.

– Очень мудро с их стороны не отпускать вас! Вы считаете, что авария в Диле и смерть ребенка имеют отношение к убийствам?

– Не исключаю, сэр.

– М-да... В подобных случаях эмоции действительно зашкаливают, а поскольку приближается десятая годовщина происшествия, пожалуй, вероятность есть. Впрочем, у вас наверняка имеется полный доступ ко всем судебным документам, так что не представляю, чем могу помочь.

Уэстон до сих пор выражался как судья: каждое слово тщательно взвешено.

– Всегда полезно пообщаться с фактическими участниками.

– Согласен. Между письменными показаниями и устными большая разница. Вы уже встречались с семьей? С Гудвинами?

– Да, сэр.

– Мне их ужасно жаль. И тогда было жаль. Они считают, что вердикт вынесен несправедливо, однако – вы сами прекрасно знаете, мистер Готорн, – в таких случаях мнение семьи пострадавших нельзя принимать во внимание.

– Понимаю.

Тут дверь открылась, и к нам заглянул мужчина с фотографий: низкорослый, коренастый, лет на десять моложе Уэстона. В руках у него была продуктовая сумка.

– Я собираюсь выйти, – сказал он. – Тебе ничего не надо?

– Я оставил список на кухне.

– Да, видел. Просто подумал: может, ты забыл что-нибудь?

– У нас кончается средство для моечной машины.

– Есть в списке.

– Тогда больше ничего.

– Ладно, я пошел.

И дверь закрылась.

– Это Колин, – пояснил Уэстон.

Пожалуй, Колин выбрал самый неудачный момент. Я покосился на Готорна. Внешне его поведение не изменилось, однако в комнате отчетливо повеяло напряженностью. Не сомневаюсь, что появление Колина повлияло на дальнейший разговор.

– Газеты тоже были не в восторге от вашего вердикта, – произнес Готорн, и я заметил злобный огонек в его глазах.

Уэстон натянуто улыбнулся.

– Я никогда не читаю газет. Их мнение не имеет отношения к фактам.

– Факты заключаются в том, что она убила восьмилетнего мальчика, покалечила его брата, а ей всего лишь погрозили пальцем.

Улыбка судьи стала еще холоднее.

– Задача обвинителей – доказать смерть в результате неосторожного вождения согласно параграфу 2а ПДД от 1988 года. Им это не удалось, что вполне логично. Миссис Каупер не нарушила правила и не создавала своим поведением значительных рисков на дороге. Она не употребляла алкоголь или наркотики... Продолжать? У нее не было намерения причинить вред кому-либо.

– Она не надела очки. – Готорн предостерегающе покосился на меня, давая понять, чтобы я не влезал.

– Согласен, и это печально. Однако вы должны помнить, что инцидент имел место в 2001 году. С тех пор закон ужесточили, и совершенно правильно. Тем не менее, если бы я разбирал это дело сегодня, даже с учетом новых правил, я, скорее всего, пришел бы к такому же заключению.

– Почему?

– Обратитесь к протоколу заседания: как успешно продемонстрировала защита, ответственность не лежала целиком и полностью на обвиняемой. Дети перебежали через дорогу, няня потеряла над ними контроль. Конечно, ее нельзя винить, но даже если бы миссис Каупер была в очках, вполне возможно, она не успела бы остановиться.

– И поэтому вы велели присяжным освободить ее от наказания?

Эта фраза явно задела Уэстона.

– Ничего подобного я не делал, и вообще мне не нравится ваш тон! Я вполне мог бы дать им такой совет, но кто мешал его проигнорировать? Признаю, в своей финальной речи я склонялся в сторону миссис Каупер, но опять же следует принять во внимание факты: речь идет о respectable женщине без прошлых судимостей. Она не нарушила закон явным образом. Какой бы болезненной ни была эта трагедия для семьи, лишение свободы в данном случае не является уместным.

Готорн наклонился вперед и снова напомнил мне тигра, вышедшего на охоту.

– Вы. Ее. Знали.

Казалось бы, три простых слова, а за ними последовала физически ощутимая тишина, будто захлопнулась дверь морга. В этот момент все переменялось, и Найджел Уэстон понял, что в комнате враг. Я услышал потрескивание огня в камине и ощутил его жар на щеках.

– Прошу прощения?

– Да так, интересный факт... Вот думаю, не имеет ли он какого-то отношения к делу...

– Вы ошибаетесь. Я ее не знал.

Готорн напустил на себя озадаченный вид.

– Вы же были близким другом Реймонда Клунса?

– Не думаю...

– Реймонд Клунс, театральный продюсер. Вряд ли вы могли его забыть. Он принес вам немало денег.

Уэстон начинал закипать.

– Я прекрасно знаю Реймонда Клунса, у нас деловые отношения.

– Вы вложили деньги в его спектакль.

– Вообще-то в два: «Клетка для чудаков» и «Как важно быть серьезным».

– В последнем главную роль исполнял Дэмиэн Каупер. Вы встречались с ним и его матерью на вечеринке в честь премьеры?

– Нет.

– Но обсуждали дело с Клунсом.

– Кто вам сказал?

– Он сам.

Все – терпение лопнуло.

– Как вы смеете бросать мне подобные обвинения в моем собственном доме!

Уэстон пришел в ярость, хотя голос не повысил, лишь крепче сжал ручку кресла; под кожей вздувались вены.

– Я имел очень косвенное и опосредованное отношение к миссис Каупер. Любой разумный человек понимает, что в этой стране каждый судья может оказаться ровно в том же положении и, согласно вашей логике, тут же брать самоотвод. Наверняка вы слышали о теории «шести рукопожатий»²⁹. Любой человек, работающий в суде, может найти связь между собой и обвиняемым. Да, я ходил на вечеринку в честь премьеры, однако не видел ни Дэмиэна Каупера, ни его матери и уж тем более не разговаривал с ними!

– И миссис Каупер не просила Реймонда Клунса поговорить с вами?

– С чего бы?

– Чтобы убедить вас склониться к ее точке зрения. Вы могли к нему прислушаться, поскольку оба... как это называется?

– Как?

– «Благотетели»! Вы с миссис Каупер оба вкладывали деньги в его пьесы.

– Все, с меня хватит. – Уэстон поднялся. – Я согласился встретиться с вами лишь потому, что хотел помочь и наслышан о вашей репутации. Вместо этого вы приходите сюда с грязными инсинуациями... Не вижу ни малейшего смысла продолжать разговор!

Однако Готорн еще не закончил.

²⁹ Гипотеза, утверждающая, что любая произвольно выбранная пара землян связана друг с другом цепочкой длиной в шесть (в среднем) рукопожатий, где каждый человек так или иначе знаком (здоровался) с предыдущим и следующим (первый – только со следующим, последний – только с предыдущим).

– А вы знаете, что Реймонда Клунса посадят в тюрьму?
– Я попросил вас уйти! – взревел Уэстон.
Так мы и сделали.

* * *

По пути на станцию я спросил:

– Чего, собственно, ты хотел этим добиться?

Похоже, Готорна произошедшее нисколько не смутило. Он хладнокровно закурил.

– Да так, потрогал воду.

– Ты действительно считаешь, что Реймонд Клунс и Найджел Уэстон устроили заговор? «Стакнулись», как ты выразился, лишь потому, что у них одна и та же ориентация? Если ты и вправду так думаешь, я тебе честно скажу – у тебя большие проблемы!

– Может быть, – ответил Готорн на ходу, не глядя на меня. – Однако я даже не упоминал секс – я говорил о деньгах. Зачем мы сюда приехали? Затем, что нам нужно выяснить все об аварии в Диле, установить связь между Дайаной Каупер и Гудвинами. Судья Уэстон был частью этой связи, а я ее расследую.

– По-твоему, он имеет отношение к убийству Дайаны?

– Все, с кем мы встречаемся, имеют отношение к ее убийству – это часть системы. Ты можешь умереть в постели. Ты можешь умереть от рака. Ты можешь умереть от старости. Но когда кто-то тебя душит или режет на ленточки, существует некая схема, конструкция – вот ее мы и пытаемся нащупать. – Готорн покачал головой. – Ну не знаю, Тони, может, ты и не годишься для этого дела... Наверное, мне стоило выбрать другого писателя.

– Что? – ужаснулся я. – Ты обсуждал эту тему с другими писателями?

– Конечно, приятель. И все меня послали.

18. Дил

В поезде мы сели по разные стороны от прохода, и никогда еще расстояние между нами не было так велико. Готорн читал книгу, решительно переверачивая лохматые страницы. Я угрюмо смотрел в окно, размышляя о его словах. Интересно, к кому он обращался?.. Впрочем, ко времени прибытия в Дил мне удалось выбросить из головы неприятные мысли. Неважно, как все сложилось, – это моя книга, и я намерен держать ее под контролем.

Я никогда не был в Диле, хотя давно мечтал посетить. Еще в школе я прочел все книги про Хорнблоуэра³⁰ – его приключения начались как раз здесь. Кроме того, в третьем романе про Джеймса Бонда «Лунный гонщик» Хьюго Дракс планирует уничтожить Лондон с помощью ракет, запущенных из его логова неподалеку. Ну и, конечно же, мой любимый роман «Холодный дом»³¹: тут жил его герой, Ричард Карстон.

Честно говоря, мне всегда нравились приморские города, особенно в не сезон, когда улицы пусты, а с серого неба моросит мелкий дождик. В детстве родители часто ездили на юг Франции, а нас с сестрой и няней посылали в Инстоу, и язык морского побережья остался со мной. Обожаю дюны, игровые автоматы, пирс, чаек, мятные леденцы в полоску; с ностальгией вспоминаю кафе, пожилых леди, наливающих мутную жидкость из чайника, квадратики песочного печенья, лавки, торгующие сетями, дешевые шляпы... Наверное, это возраст. В наше время захотел недорого отдохнуть – прыгнул в самолет, и пожалуйста! Впрочем, некоторая заброшенность, удаленность от мейнстрима придает этим городкам дополнительное очарование.

Выйдя из здания вокзала на главную улицу, я поразился, до чего тут уныло. Был май, но сезон еще не начался, и погода стояла отвратительная, с крыш орали чайки. Интересно, каково здесь жить? Кружка пива в пабе «Сэр Норман Уиздом», ужин в китайском ресторане и в завершение программы – ночной клуб «Океан» («Вход рядом с магазином»).

Мы вышли к морю, холодному и неприветливому, и перед нами предстал самый депрессивный пирс на свете – пустая полоса брутального бетона. Никаких развлечений: ни дешевых игровых автоматов, ни батуты, ни карусели. Непонятно, зачем Гудвины послали сюда детей. Неужели не нашли места поинтереснее?

Однако постепенно городок раскрылся передо мной, наваял то особое ощущение уединенности, о котором я говорил ранее. Разноцветные домики и виллы с цветами в ящиках, галечный пляж, спускающийся к воде, с широким променадом и скамейками; клумбы, лужайки, парк, старые рыбацьи лодки, покосившиеся на сторону, резвые собаки, планирующие чайки... Я начал понимать, что в солнечном свете Дил вполне привлекателен. Нужно смотреть на все глазами ребенка.

Мы не сразу отправились на место аварии: Готорн захотел сперва взглянуть, где жила Дайана Каупер. Дойдя до моря, мы повернули направо и прошли до соседней деревни Уолмер – по-прежнему молча.

Проходя мимо старой антикварной лавки, Готорн внезапно остановился и принялся рассматривать витрину. На мой взгляд, там не было ничего особенного: корабельный компас, глобус, швейная машинка, какие-то заплесневелые книги и картины.

– Это «Фокке-Вульф 190», – нарушил молчание Готорн, показывая на модель самолета с тремя черными крестами и цифрой 1 на фюзеляже, подвешенную на ниточке; в кабине виднелся крошечный пилот. Обычно такие модели собирают дети, но эта была настолько хорошо сделана, что тут скорее потрудился взрослый. – Одноместный одномоторный истребитель, разработанный в тридцатых. Люфтваффе использовало его в течение всей войны.

Готорн словно преобразился, и я понял, что он предлагает мне кусочек частного пространства в качестве примирения. Разумеется, меня интересовала не история «Фокке-Вульфа», а то, что он

³⁰ Горацио Хорнблоуэр – герой писателя С.С.Форестера и снятых по мотивам его книг фильмов, флотский офицер, живший в XVIII–XIX вв.

³¹ 31 Роман Ч.Диккенса.

раскрыл передо мной свое увлечение, даже два (включая книжный клуб). Это плохо вязалось с образом, сложившимся у меня в голове, но я был благодарен за любые крохи информации.

Минут через пятнадцать Дил плавно перетек в Уолмер. Бывший дом Дайаны Каупер, Стонорхаус, располагался между двумя улицами: Ливерпуль-роуд и Бич; с обеих сторон к ним вел частный проезд, отгороженный изящными коваными воротами. Судя по обрывкам данных о миссис Каупер, этот дом шел ей как нельзя больше: бледно-голубой двухэтажный особняк с гаражом, вход охраняла пара каменных львов. Дом окружал небольшой сад с фигурно подстриженными деревьями и тропическими растениями в узких клумбах. Вся территория была огорожена таким образом, чтобы одновременно выделяться и создавать ощущение единенности. Возможно, некоторые новшества введены последними владельцами, однако у меня сложилось впечатление, что они унаследовали все как есть.

– Будем звонить? – спросил я.

Мы стояли у ворот со стороны Ливерпуль-роуд. Очевидно, дома никого не было.

– Нет необходимости.

Готорн вытащил из кармана ключи, и я успел заметить адрес на брелоке. Это меня озадачило, но вскоре я догадался: он взял ключи из кухни Дайаны Каупер, хоть я и не смог вспомнить когда. Вряд ли полиция разрешила ему забирать вещественные улики – значит, не заметили.

Сам ключ был тяжелый, массивный, старомодный и явно не подходил к воротам. Готорн поковырялся немного и покачал головой.

– Не отсюда.

Мы обошли дом и проверили ворота со стороны моря, но и тут ключ не подошел.

– Жаль... – пробормотал Готорн.

– Зачем она хранила ключ? – спросил я.

– Именно это я и хотел выяснить.

Готорн огляделся. Я уж было решил, что мы возвращаемся обратно в Дил, но тут он заметил неподалеку еще одни ворота по ту сторону дороги. В усадьбе был отдельный сад совсем рядом с пляжем. Улыбнувшись себе под нос, Готорн перешел дорогу и попытал счастья в третий раз – сработало.

Мы вошли и оказались на небольшой квадратной площадке, со всех сторон огороженной кустами. По сути, это был не сад, а внутренний двор: в центре размещался изящный фонтан, окруженный карликовыми тисами и розовыми клумбами; возле него лицом друг к другу стояли две деревянные скамьи. Все вместе создавало некий театральный эффект – словно сцена из детской сказки. Едва мы подошли к фонтану (он не работал, и уже довольно давно), я вдруг ощутил странную печаль и тут же догадался, что мы обнаружим.

Так и есть – гравировка на каменном выступе:

ЛОУРЕНС КАУПЕР

10 ИЮНЯ 1946 – 3 АВГУСТА 1999.

«УСНУТЬ И ВИДЕТЬ СНЫ, БЫТЬ МОЖЕТ»³²

– Ее муж...

– Да. Умер от рака, и она соорудила нечто вроде мемориала. В доме уже не смогла остаться, однако понимала, что захочет вернуться, вот и сохранила ключ.

– Наверное, очень его любила.

Готорн кивнул. Кажется, впервые нам обоим стало в равной степени неловко.

– Пойдем отсюда, – скомандовал он.

* * *

Авария, изменившая жизнь Дайаны Каупер, случилась недалеко от отеля «Ройял», в самом центре Дила, у красивого здания георгианской эпохи³³, где проживала Мэри О'Брайан с близнецами. Им оставались считанные минуты до вечернего чая и укладывания в постель...

³² Цитата из знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть» (пер. М.Лозинского).

Я вспомнил, что рассказывала Мэри: дети возвращались с пляжа, спускающегося к морю позади нас. Дорога здесь расширялась, соответственно, машины ехали быстрее. На пересечении с Кинг-стрит, на самом углу, располагался павильон игровых автоматов – с той стороны выехала Дайана Каупер. Передо мной рядом выстроились местные заведения: паб, отель, аптека и кафе-мороженое.

Легко представить себе, как это произошло: из-за поворота на скорости вылетает машина – водитель спешит побыстрее проехать перекресток. Дети выбирают именно этот момент, чтобы удрать от няни, и перебегают дорогу, торопясь купить мороженое. Пожалуй, Найджел Уэстон не так уж не прав: даже в очках Дайана Каупер могла попросту не успеть затормозить. Авария случилась в это же время года, практически день в день. Улица наверняка была столь же пустынной, вечернее солнце бросало через дорогу длинные тени.

– С чего начнем?

– С мороженого.

Кафе называлось «Мороженое Гейл». Снаружи фасад был выполнен из зеркального стекла, сверху крепился веселенький полосатый навес. Внутри оказался старомодный интерьер с пластиковыми стульями и ламинатом на полу. В холодильнике, знававшем лучшие дни, были разложены пластиковые контейнеры с домашним мороженым. Вафельные конусы громоздились у окна и, судя по внешнему виду, находились тут не первый день. Кроме того, здесь продавали шоколад, чипсы, лимонад и смеси сладостей – ходовые товары курортных городков. Меню на стене предлагало яичницу, бекон, сосиски, жареные грибы и картофель-фри: «Голодным еще никто не уходил!» Удивительно, что в городе под названием Дил прошло столько времени, прежде чем я увидел-таки подобную незамысловатую игру слов.

Народу было мало, всего два столика заняты: за одним пожилая пара, за другим – молодые мамочки с колясками. Мы подошли к прилавку, за которым стояла крупная улыбающаяся женщина лет пятидесяти в платье и переднике под цвет навеса.

– Что вам предложить? – спросила она.

– Мне нужна ваша помощь, – отозвался Готорн. – Я сотрудничаю с полицией.

– А...

– Я навожу справки об аварии, произошедшей здесь: двоих детей сбила машина.

– Так это ж было десять лет назад!

– Дело в том, что Дайана Каупер, женщина, которая вела машину... в общем, она умерла. Вы не читали в газетах?

– Может быть, но я не понимаю...

– Выяснились новые обстоятельства. – Готорн явно торопился свернуть разговор.

– А... – Женщина бросила на нас нервный взгляд, словно ей было что скрывать. – Я вряд ли смогу...

– Вы находились здесь в тот момент?

– Да. Меня зовут Гейл Харкорт, это мое кафе. Ужасно! Как вспомню бедных ребятшек! Всего лишь хотели поесть мороженого, вот и побежали через дорогу, и все зря, ведь мы были закрыты!

– В конце мая? Почему?

Гейл указала на потолок.

– У нас труба лопнула. Все затопило, продукты подмокли, электрика вырубилась! Разумеется, мы не были застрахованы и чуть не разорились!

Она вздохнула.

– Если бы они вовремя заметили! Выбежали на дорогу в самый неподходящий момент. Сама-то я не видела, только слышала. Выскочила на улицу, глядь – лежат оба... А няня растерялась, бедная, – ну еще бы, такая молоденькая, лет двадцать, не больше. Я голову-то повернула, смотрю – а там машина стоит, чуть подальше. Постояла минутку и уехала.

– Вы рассмотрели водителя? – спросил я.

Готорн метнул в меня злобный взгляд, но мне было наплевать.

³³ 1714–1830 гг., период правления британских королей Георгов I–IV (зачастую сюда включают и время царствования Вильгельма IV, 1830–1837 гг.).

– Только затылок.
– Значит, это мог быть кто угодно?
– Это была она! Ее судили! – Гейл повернулась к Готорну. – Не понимаю, как можно – взять и уехать, бросить детей на дороге! Надо же, какая сволочь! Очки забыла надеть! Ну кто, скажите на милость, садится за руль, если плохо видит? Ее надо было упрятать пожизненно, а того судью уволить! Кошмар! Нет на свете справедливости!

Гримаса ярости искажила ее лицо. Я даже слегка опешил.

– Здесь уже не так, как прежде, – продолжала она. – Всю радость как рукой сняло, а что делать? Надо работать, больше я ничего не умею...

Тут вошли еще двое, и хозяйка подтянула тесемки передника, готовясь их приветствовать.

– Поговорите с мистером Травертоном по соседству. Он был там и видел гораздо больше.

Оставив нас, она вновь превратилась в пухлую улыбающуюся тетушку, всеобщую любимицу, и одарила посетителей чарующей улыбкой.

– Ну, мои хорошие, чего желаете?

* * *

– Конечно, помню, как вчера! С утра день выдался такой погожий, не то что сегодня. Солнышко пригревало, можно было кататься на лодке. Я как раз обслуживал покупателя – того самого, про кого все потом спрашивали. Он вышел от нас за несколько секунд до аварии. Именно благодаря ему я услышал все так отчетливо – дверь-то открылась, – когда машина сбила детей... Ужасный звук! Я сразу понял – дело плохо, схватил мобильник и выбежал на улицу. В аптеке больше никого не было, кроме мисс Пресли (она работала в отделе гомеопатии, но сейчас вышла замуж и, кажется, уехала). Я велел ей не двигаться с места: у нас много всяких лекарств, поэтому запрещено оставлять помещение без присмотра, даже в таких исключительных случаях.

Это была одна из тех старомодных аптек³⁴, которые смотрятся очень к месту на английских морских курортах. Когда мы подошли, двери разъехались автоматически. Первым в глаза бросился стеллаж с десятком различных грелок; неподалеку на проволочной вешалке располагалась коллекция ярких шарфов. Кажется, тут продавали все понемножку: варенье, шоколад, хлопья, туалетную бумагу, игрушки, собачьи поводки... Все это напоминало дурацкие игры на тренировку памяти, в которые я играл со своими детьми. В углу приютились канцтовары вместе с ужасными поздравительными открытками, какие обычно можно увидеть на автозаправках. Целый прилавок был отведен под гомеопатию, но самый большой отдел в задней части занимали настоящие лекарства. В Диле, разумеется, полно пенсионеров, а среди сотни бутылочек, пакетиков и коробок найдется лекарство от любой болезни, сопровождающей старость и одряхление организма. Весь персонал, как полагается, в белых халатах.

Мы разговаривали с Грэмом Травертоном, владельцем аптеки. Это был мужчина лет пятидесяти, лысый, с румяными щеками и неприятной на вид щелью между передними зубами. Он с радостью согласился на разговор и просто поражал вниманием к деталям. Травертон настолько хорошо запомнил тот день, что я начал сомневаться: уж не присочиняет ли он?.. С другой стороны, его столько раз опрашивали полиция и журналисты – это дало возможность отрепетировать рассказ. И потом, когда случается что-то ужасное, невольно цепляешься за детали.

– Я вышел на крыльцо и едва не наткнулся на своего покупателя, – продолжал между тем Травертон. – Спрашиваю у него: что случилось, а он молчит, как в рот воды набрал. Говорю вам, я помню все как вчера – картинка стоит перед глазами каждый день, когда я иду домой, будто фотография впечатана в мозг. Дети лежали на дороге, оба в синих шортиках и рубашечках с короткими рукавами. Один из них был уже мертв, я понял это по неестественной позе, к тому же он лежал с закрытыми глазами и не двигался. Няня – ее звали Мэри О’Брайан – рухнула на колени перед вторым мальчиком, бледная, как привидение. Подняла голову и долго смотрела прямо на

³⁴ В англосаксонских странах очень часто аптека продает не только лекарства и медицинские товары, но и всякую мелочь, подобную той, что перечисляется дальше.

меня, словно умоляла помочь, но что я мог? Вызвал полицию – любой на моем месте сделал бы то же самое.

Чуть поодаль стояла машина, синий «Фольксваген», внутри кто-то сидел. Не прошло и минуты, как она рванула и скрылась из глаз – клянусь, аж шины взвизгнули! Конечно, в тот момент я не догадывался, чья это машина, просто записал номер на всякий случай, а потом сообщил полиции. И тут мой покупатель развернулся и быстро исчез за углом.

– Вам это не показалось странным? – спросил Готорн.

– Ну еще бы! Он явно не хотел, чтобы его увидели. Что обычно люди делают в таких ситуациях? Либо стоят и смотрят – это в нашей природе заложено, – либо понимают, что ничем не могут помочь, и уходят. А этот чуть ли не бегом убежал! И еще один момент: он же все видел, вне всяких сомнений. Однако когда полиция искала свидетелей, он так и не объявился.

– Что еще вы можете о нем рассказать?

– Немного, и вот почему: он был в солнечных очках. Если подумать – с чего бы? Половина пятого, солнце уже скрылось в облаках – зачем ему очки? Только если он какая-то знаменитость и не хотел, чтобы его узнали? Честно говоря, больше ничего особенного не помню. Да, кепка еще была. Зато могу сказать, что он купил.

– И что же?

– Баночку меда и упаковку имбирного чая. Мед местный, из Финглшэма, – я лично рекомендовал.

– Ну а потом?

Травертон вздохнул.

– Потом... Няня все еще стояла на коленях. Один из детей был точно жив: открыл глаза и позвал отца. «Папочка!» Ужасно, просто сердце разрывалось! Тут приехали «Скорая» и полиция, а я вернулся обратно в аптеку. Точнее, поднялся наверх и выпил чаю – мне стало нехорошо. Мне и сейчас не очень приятно все это вспоминать. Значит, ту женщину-водителя убили, поэтому вы здесь, да? Печально, конечно. С другой стороны... бросить детей и уехать? Сколько горя она причинила! По-моему, судья зря отпустил ее – слишком легко отделалась! И я вовсе не удивляюсь, что кто-то пришел к такому же мнению...

* * *

Из аптеки мы направились в отель «Ройял». Готорн молчал. Ах да, у него же самого сын одиннадцати лет – на три года старше, чем Тимми Гудвин. Похоже, услышанное произвело на него тяжелое впечатление. Не то чтобы он выглядел особо расстроенным, – скорее торопился уйти.

На входе перед нами предстал большой холл из тех, что бывают лишь в приморских отелях: низкие потолки, деревянные полы, устланные ковриками там и сям, уютная кожаная мебель. Здесь было на удивление полно народу: в основном пожилые пары, уплетающие сэндвичи за пивом. Стояла невозможная духота: батареи включены на всю катушку, да еще газовый камин в придачу.

Мы прошли к стойке регистрации. Приятная местная девушка сказала, что ничем не может помочь, и позвонила менеджеру.

Ее звали миссис Ренделл («как детективщицу»³⁵, отметила она), она работала в отеле двенадцать лет, однако в день аварии ее не было на месте. Впрочем, миссис Ренделл запомнила Мэри О’Брайан и детей.

– Такие славные ребятки, воспитанные. Снимали семейный номер на третьем этаже: двуспальная кровать и коврики. Хотите посмотреть?

– Нет, спасибо, – ответил Готорн.

– Они заселились в среду, а на следующий день все и произошло... Кстати, мисс О’Брайан номер не понравился – там не было вида на море. Она потребовала двухместный номер плюс

³⁵ Рут Барбара Ренделл (писала также под псевдонимом Барбара Вайн; 1930–2015) – британская писательница, одна из самых известных современных авторов детективов.

семейный с общей дверью, но у нас в отеле такого нет; к тому же мы не можем позволить маленьким детям спать без присмотра.

У миссис Ренделл, худенькой женщины невысокого роста, было типичное лицо человека, привыкшего возмущаться.

– Мне она сразу не понравилась. Я ей не доверяла, и, как видите, оказалась права – хоть и нехорошо так говорить. Надо было лучше следить за детьми, а она позволила им бегать через дорогу, и чем все кончилось? Я считаю, что миссис Каупер не виновата.

– Вы ее знали?

– Конечно, знала. Она часто заходила сюда обедать или ужинать. Такая милая женщина, у нее еще сын актер, теперь, говорят, знаменитый. Дил вообще известен своими знаменитостями, например лорд Нельсон и леди Гамильтон³⁶. Норман Уиздом тоже приезжал. Да и Чарльз Хотри частенько захаживал к нам в бар – он ведь переехал в Дил на старости лет.

Чарльз Хотри... Я его помнил: тощий актер с волнистыми черными волосами, в круглых очках, гей с плохим характером, пьющая звезда серии фильмов «Так держать!» – худшего образчика английского юмора. Я видел его еще в школе, в черно-белом кино, когда мне было девять лет. Фильмы показывали в спортзале на проекторе: «Так держать, медсестра!», «Так держать, учитель!», «Так держать, полицейский!». Это была своего рода награда, развлечение, краткий отдых от битья, плохой еды и травли, составлявших всю мою тогдашнюю жизнь. Для некоторых детей взросление начинается с момента, когда они понимают, что Санта-Клауса не существует; для меня детство закончилось, когда я понял, что Чарльз Хотри не смешной и никогда не был смешным. И теперь оказывается – он сидел здесь, потягивал джин и наблюдал за проходящими мальчиками.

Внезапно мне тоже захотелось поскорее убраться отсюда. К счастью, Готорн поблагодарил женщину, сказал, что у него больше нет вопросов, и мы ушли.

³⁶ Горацио Нельсон (1758–1805) – прославленный британский флотоводец, имевший любовный роман со скандально известной своими амурными похождениями Эммой Гамильтон (1765–1815).

19. Мистер Тиббс

Я не собирался встречаться с Готорном на следующий день, так что его утренний звонок меня изрядно удивил.

- Есть планы на вечер?
- Я работаю.
- Мне нужно зайти.
- Сюда?
- Ага.
- Зачем?

Готорн никогда не был у меня, и я надеялся, что так все и останется. Это ведь я пытался влезть в его жизнь, а не наоборот! Кстати, он так и не сообщил мне свой адрес, даже сознательно ввел в заблуждение: сказал, что живет в Гэнтс-Хилл, а на самом деле у него квартира в Ривер-Корт, на другом берегу. Мне совсем не улыбалось, чтобы он обшарил мой дом прицельным взглядом мышицы и пришел к выводам, которые потом мог бы использовать против меня же.

Видимо, Готорн почувствовал мои колебания.

- Мне нужно устроить встречу, – объяснил он, – и лучше на нейтральной территории.
- А твоя квартира не подойдет?
- Нет, там не получится. – Готорн помедлил. – Я понял, что произошло в Диле. Это имеет непосредственное отношение к нашему расследованию.
- С кем ты встречаешься?
- Ты их узнаешь. – Он закинул последнюю удочку: – Это действительно важно.

Так получилось, что в этот вечер я остался один. К тому же если я пущу Готорна к себе, то, может, уговорю его сделать то же самое. Мне ужасно хотелось выяснить, как Готорн смог позволить себе квартиру с видом на реку.

- Во сколько? – спросил я.
- В пять.
- Ладно, – сдался я и тут же пожалел об этом. – Можешь зайти на часок, не больше!
- Отлично!

И Готорн отключился.

Остаток утра я перепечатывал свои заметки о ходе расследования: Британия-роуд, «Корнуоллис и сыновья», Южный Эктон. Кроме того, я скачал аудиозаписи с айфона на компьютер, попутно еще раз прослушав вкрадчивые интонации Готорна, и просмотрел десятки фотографий. У меня скопилось огромное количество материала, гораздо больше, чем нужно, причем девяносто процентов – наверняка бесполезный мусор. Например, Андреа Клюванек долго и нудно рассказывала о своем детстве в Банской-Штьявнице, о том, как она была счастлива, пока отец не погиб в результате несчастного случая. Вряд ли это войдет в книгу...

Надо сказать, раньше я так не работал. Как правило, планируя роман или сценарий, я точно знаю, что мне нужно, и не трачу время на лишние детали. Однако сейчас я не имел ни малейшего представления о том, как работает аналитический аппарат Готорна. Откуда мне знать, что важно, а что нет? Именно об этом он предупреждал меня, когда читал первую главу. Колокольчик на двери или его отсутствие может иметь большое значение и приводить к разным выводам, а упущение какой-то детали грозит стать не менее фатальным, чем выдумка. В результате пришлось записать все, что я видел, – от романа Стига Ларссона³⁷ в спальне Дайаны Каупер до вешалки для ключей в форме рыбы на стене ее кухни и хозяйственных пометок на холодильнике Джудит Гудвин. Быстро растущая гора информации сводила меня с ума.

³⁷ Стиг Ларссон (1954–2004) – шведский журналист, общественный деятель и писатель, автор трилогии «Миллениум», неофициально известной как «Девушка с татуировкой дракона» (по англоязычному названию первого романа цикла).

Я все еще не сомневался, что убийца – Алан Гудвин. Если не он, то кто же? Этот вопрос я задавал себе снова и снова, сидя за столом в окружении белого моря безнадежности из листов формата А4.

Возьмем, к примеру, Джудит Гудвин – у нее ровно тот же мотив. Я вспомнил, что сказал Готорн на месте преступления: «Определенно, это был мужчина. Я, конечно, слышал о женщинах-душительницах, но они встречаются крайне редко, поверь на слово». Это были его точные слова, записанные на диктофон и в блокнот. В результате я совершенно не воспринимал всерьез женщин, которых мы встречали в ходе расследования. Однако, если подумать, «определенно» не значит 100 %, а «крайне редко» не значит «невозможно в принципе». Это вполне могла быть Джудит или Мэри О’Брайан, до того преданная семье, что осталась работать с ними на целых десять лет. А Ларри Гудвин? Кто знает, вдруг он вовсе не такой беспомощный, как кажется?

А Грейс Ловелл, подруга Дэмиэна Каупера? Прямо она, конечно, не сказала, но и без того было ясно: отношения со свекровью, интерес которой не простирался дальше внучки, теплыми не назовешь. Ребенок положил конец актерской карьере Грейс, и если газеты не врут, Дэмиэн весьма далек от супружеского идеала. Наркотики, тусовки, танцовщицы... Все это легко укладывалось в мотив убийства. С другой стороны, когда Дайану задушили, Грейс была в Америке.

Кстати, так ли это?..

И снова я порылся в записях и нашел фразу, сказанную Дэмиэном Каупером, – в тот момент я не обратил внимания, однако сейчас она имела огромное значение. Грейс пожаловалась, что не хочет возвращаться в Лос-Анджелес и намеревается еще погостить у родителей, на что Дэмиэн ответил: «Детка, у тебя была целая неделя!» Ага! Значит, я ничего не упустил! Кто знает, вдруг я даже опередил Готорна? «Неделя» – понятие приблизительное. Что, если Грейс приехала дней за девять или десять до мужа? В этом случае она вполне могла находиться в Англии в день убийства Дайаны.

С другой стороны, после похорон мы оставили ее в пабе на Фулэм-роуд, а если учесть, что везде были пробки... Вряд ли она успела бы добраться до Брикс-лейн раньше нас.

Хорошо, кто еще там был? Я провел много времени с Робертом Корнуоллисом и заодно с его кухиной, Айрин Лоуз. Оба могли сунуть будильник в гроб, только зачем? Они познакомились с Дайаной Каупер лишь в день ее убийства. Никто из них не выигрывал ни от ее смерти, ни от смерти Дэмиэна.

Остаток дня я провозился со своими записями и даже не заметил, как пролетело время. Без пятнадцати пять в дверь позвонили. Я работаю на пятом этаже и, бывает, чувствую себя отрезанным от мира в своей «башне из слоновой кости»; с реальностью меня соединяет лишь домофон. Я нажал на кнопку и спустился встретить гостя.

– Неплохо у тебя тут, – заметил Готорн, входя. – Только напитки нам вряд ли понадобятся.

Я заранее выставил на стол минералку и апельсиновый сок, играя в приветливого хозяина. Пока я убирал их обратно в холодильник, Готорн изучал гостиную. Собственно, квартира – фактически одно большое пространство: стеллажи (у меня около пяти сотен книг в семейном доме, но самые любимые я храню здесь), кухонная зона, обеденный стол и пианино матери, на котором я стараюсь играть каждый день; потом зона ТВ и пара диванов с кофейным столиком.

Готорн расслабленно присел на диван.

– Так, говоришь, ты догадался, что случилось в Диле, – нарушил молчание я. – Значит, я скоро узнаю, кто убил Дайану Каупер?

Готорн покачал головой.

– Не сейчас, но, думаю, тебе будет интересно. Кстати, у меня хорошие новости.

– Какие?

– Мистер Тиббс объявился.

До меня не сразу дошло, о ком речь.

– Кот?

– Да, персидский, серый, что жил у Дайаны Каупер.

– И где он был?

– Забрался в соседский дом через чердачное окно, а выбраться не смог. Его нашли владельцы, когда вернулись с юга Франции, и позвонили мне.

– Хорошие новости? – пробормотал я, пытаюсь сообразить, при чем здесь кошка Дайаны. Тут меня посетила другая мысль. – Минутку... По соседству вроде жил адвокат?

– Мистер Гроссман.

– А зачем он тебе позвонил? Откуда он вообще о тебе узнал?

– Я сунул записку под дверь. Точнее, я рассовал их по всем домам на Британия-роуд: хотел выяснить, не объявился ли кот.

– Зачем?

– Так из-за него все и случилось, Тони. Если бы не Мистер Тиббс, Дайана Каупер осталась бы жива, и ее сын тоже.

Шутит, что ли?..

Однако Готорн невозмутимо сидел на диване, и от него исходила все та же странная энергия: смесь угрозы и целеустремленности. Трудно понять, о чем на самом деле думает этот человек... Не успел я задать вопрос, как в дверь снова позвонили.

– Открыть? – спросил я.

Готорн небрежно махнул рукой.

– Твой дом – тебе решать.

Я подошел к домофону и снял трубку.

– Да?

– Это Алан Гудвин.

Я почувствовал прилив волнения. Готорн пригласил подозреваемых? Велел визитеру подняться на три лестничных пролета и нажал кнопку.

Вскоре появился Гудвин в плаще не по размеру, в котором был на похоронах. Он вошел в комнату, как приговоренный к смертной казни восходит на эшафот. Несмотря на то что Готорн сказал по пути в Кентербери, я не сомневался: он позвал сюда Гудвина с целью обвинить его в убийствах и скоро я все узнаю.

Тут я вспомнил, что ожидают два человека. Может, у Гудвина был сообщник?

– Чего вам надо? – спросил тот, подходя к Готорну. – Вы сказали, что есть новости. Почему нельзя было по телефону? – Он огляделся, словно впервые осознал, где находится. – Вы тут живете?

– Нет, он, – показал на меня Готорн.

Гудвин только сейчас сообразил, что ничего обо мне не знает.

– А вы кто? Вы так и не назвали себя!

К счастью, в дверь снова позвонили, и я поспешил ответить. В трубке повисло молчание.

– Вы к Готорну? – спросил я.

– Да, – откликнулся женский голос.

– Я сейчас открою дверь, поднимайтесь сразу в квартиру.

– Кто это? – всполошился Гудвин, хотя по его тону было понятно, что он уже догадался.

– Присядьте, мистер Гудвин, – предложил Готорн. – Поверьте, я действительно пытаюсь вам помочь. Не хотите выпить?

– У меня есть сок, – вставил я.

– Я выпью воды.

Гудвин присел за стол, лицом к Готорну, однако тщательно избегал его взгляда.

Я подошел к холодильнику и снова вытащил минералку. На лестнице послышались шаги, и к нам присоединилась Мэри О'Брайан. Вот уж кого-кого, а ее я никак не ожидал увидеть – и в то же время я вдруг понял, что это совершенно очевидно.

Мэри шагнула вперед и замерла как вкопанная, увидев Алана Гудвина. Тот, в свою очередь, уставился на нее, столь же пораженный.

Готорн пружинисто вскочил на ноги. От него так и веяло каким-то... злорадством, чего я прежде не замечал.

– Думаю, вас представлять не надо.

Алан Гудвин первым пришел в себя.

– Разумеется, мы знакомы. Что вы имеете в виду?

– Алан, вы прекрасно поняли, о чем речь. Присядьте, Мэри. Можно вас так называть? Мы же тут все друзья...

– Я не понимаю! – Мэри пыталась взять себя в руки, готовая расплакаться. Она перевела взгляд на Гудвина. – И ты здесь?

– Он велел мне прийти.

Оба выглядели одновременно виноватыми, испуганными, рассерженными.

Гудвин поднялся.

– Я ухожу! – объявил он. – Мне наплевать, что вы затеяли, мистер Готорн, я в эти игры не играю!

– Ладно, Алан, как скажете. Только учтите – полиция тут же все узнает. И заодно ваша жена.

Гудвин замер. Мэри тоже не шевелилась. Готорн полностью контролировал ситуацию.

– Сядьте, – скомандовал он. – Вы двое сговорились и лгали десять лет, но теперь все кончено.

Гудвин снова сел. Села и Мэри – на приличном расстоянии. Я успел заметить, как он произнес одними губами «прости», и тут до меня дошло, что они были любовниками. Так вот почему я подметил напряженность между женщинами в доме Джудит Гудвин – она тоже их подозревала!

Я примостился на стуле возле пианино. Готорн единственный все еще стоял.

– Итак, давайте разберемся, что же случилось в Диле, – начал он. – Я слышал эту историю раз пять, сам побывал на месте, и логичная картинка никак не складывалась – что и не удивительно: вы оба лгали! У вас не было выбора, вы стали заложниками ситуации. Мне почти жаль вас. Хотя нет, вру – не жаль.

Он вытащил из пачки сигарету и прикурил. Я сходил на кухню и принес ему пепельницу.

– Когда у вас начался роман? – спросил Готорн.

Повисла долгая пауза. Мэри заплакала. Алан Гудвин попытался взять ее за руку, но она вырвалась.

– Вскоре после того, как Мэри начала у нас работать, – ответил он, видимо понимая, что отпираться бесполезно. – Виноват я.

– Все кончено, – тихо добавила Мэри. – Давно уже...

– Честно говоря, мне наплевать на ваши отношения, – сказал Готорн. – Меня интересуют только факты, а факт заключается в том, что вы оба виноваты. Может, Дайана Каупер и забыла очки, но детей сбили из-за вас! Все десять лет вы живете с грузом вины.

Мэри кивнула. По ее щекам катились слезы.

Готорн повернулся ко мне.

– Не буду врать, Тони, когда мы с тобой ездили в Дил, я многого не понимал. С чего начать? Смотри, дети бегут через дорогу в кафе-мороженое, а оно закрыто. И не просто закрыто – из-за протечки вырубилась электрика, в окнах темно. Да, им было всего восемь лет, но они наверняка поняли, что там ничего не продадут. А когда их сбили, один из мальчиков, по словам мистера Травертона из аптеки, позвал папу... Странно, правда? Когда ребенку плохо или больно, он зовет маму. Так что же произошло на самом деле?

Все молчали, и меня снова поразило, насколько Готорн владеет ситуацией, как будто он у себя дома. Несомненно, сильная личность, притягивает как магнит. Впрочем, магниты могут не только притягивать, но и отталкивать...

– Давайте вернемся к началу, – продолжал меж тем Готорн. – Мэри привозит мальчиков в Дил. Мама на конференции, папа в Манчестере. Мэри бронирует номер в отеле «Ройял», однако не хочет брать семейный номер. Ей нужны два номера: с двумя кроватями для детей и с одной большой по соседству. Как ты думаешь, зачем?

– В отеле сказали, что в семейном номере нет вида на море, – вспомнил я.

– Вид тут совершенно ни при чем. Мэри, может, вы ему объясните?

Мэри даже не взглянула на меня.

– Мы договорились встретиться в Диле и побыть вместе, – произнесла она безучастно.

– Верно. Няня и ее босс. Нельзя же прямо в семейном гнезде, правда? Уик-энд на побережье. Мальчики ложатся в шесть, и у наших любовников остается целый вечер и вся ночь...

– Вы отвратительны, – поморщился Гудвин. – Зачем все опошлять...

– А разве не так? – Готорн хладнокровно выпустил дым изо рта. – Это ведь вы тот загадочный покупатель из аптеки. И что же вас туда привело? А причина очень проста – то же самое недомогание, которое заставило вас плакать на похоронах Дайаны Каупер.

Тут я вспомнил, что меня и вправду удивило поведение Гудвина на похоронах.

– Аллергия! – объяснил Готорн, снова обращаясь ко мне. – Ты обратил внимание на платаны, когда мы были на кладбище?

– Да, я сделал пометку – они росли совсем рядом с могилой.

– При сенной лихорадке платаны хуже всего – их пыльца сразу забивается в нос. Сказать два самых известных простейших средства от аллергии?

– Имбирный чай, – догадался я. – И мед.

– Именно это Алан и покупал в аптеке. – Готорн повернулся к Гудвину. – Поэтому вы надели солнечные очки, хотя было облачно. Травертон продал вам народные средства, и вы вышли из аптеки за несколько секунд до аварии – которую сами же и создали! Детям настрого запретили бегать через дорогу, к тому же они прекрасно видели, что магазин закрыт. И тут вдруг прямо перед ними из аптеки выходит папа! Конечно, они вас узнали, несмотря на кепку и очки, и радостно побежали навстречу. Именно в этот момент из-за угла выехала Дайана Каупер и сбила детей у вас на глазах.

Гудвин простонал и спрятал лицо в ладонях. Мэри тихо всхлипывала.

– Тимми погиб, однако Ларри оставался в сознании и, разумеется, позвал отца, которого только что видел. Не представляю, что вы в этот момент чувствовали, Алан. Вы не могли подойти к ним, ведь вы должны были быть в Манчестере. Как же тогда объяснить жене ваше присутствие совсем в другом месте?

– Я не понял, как сильно они разбились, – простонал Гудвин. – Я все равно ничем не мог помочь...

– Знаете что? Чуть собачья! Вы прекрасно могли позаботиться о своих детях, и к черту дешевые уловки! – Готорн затушил сигарету, брызнули алые искорки. – Однако в этот момент вы с Мэри пришли к некоему соглашению. Травертону показалось, что Мэри смотрела на него, но на самом деле вы смотрели на Алана, стоящего рядом, – вы взглядом велели ему убираться, не так ли?

– Мы ничего не могли поделать, – эхом повторила Мэри, глядя куда-то в пространство. Она побледнела как смерть, на щеках блестели слезы. Позже мне станет тошно от того, что все произошло в моем доме. Лучше бы они не приходили...

– Да, теперь я понимаю, почему вы остались в семье, Мэри, – резюмировал Готорн. – Потому что вы сознавали ответственность за случившееся, правда же? Или вы до последнего трахались с Аланом?

– Хватит уже! – взъярился Гудвин. – Это закончилось давным-давно! Мэри жила с нами только ради Ларри. Только ради него!

– Ага... Вы двое просто созданы друг для друга.

– Чего вы от нас хотите? Думаете, мы недостаточно наказаны? – На мгновение Гудвин прикрыл глаза, затем продолжил: – Нам просто не повезло. Если бы я не вышел из аптеки в тот момент, если бы мальчики меня не заметили...

Он говорил очень медленно, почти равнодушно.

– Я всегда боялся лишь одного – что Джудит узнает. Мы потеряли Тимми. И Ларри... Но если она вдобавок узнает о нас с Мэри... – Гудвин осекся. – Вы ей расскажете?

– Я не собираюсь никому ничего рассказывать, это не мое дело.

– Тогда зачем вы нас позвали?

– Следовало убедиться, что я прав. Хотите добрый совет? Я бы на вашем месте рассказал все жене. Она и так вас вышвырнула, а эта позорная тайна разъедает вас изнутри, как раковая опухоль. Я бы ее вырезал.

Алан Гудвин медленно кивнул и встал, за ним Мэри. Они двинулись к выходу. В последний момент Гудвин обернулся.

– Вы умный человек, мистер Готорн, но вы не представляете, через что мы прошли. У вас нет сердца! Мы совершили страшную ошибку, и нам приходится с этим жить, но мы ведь не монстры, не уголовники! Мы были влюблены...

Однако Готорн не смягчился. Он побледнел еще больше, глаза мстительно сверкали.

– Вы хотели трахаться. Вы изменяли жене, и из-за этого погиб ребенок.

Алан Гудвин уставился на него с отвращением. Мэри уже вышла. Он развернулся и последовал за ней.

Мы остались одни.

– Неужели обязательно было так давить? – спросил я наконец.

Готорн пожал плечами.

– Тебе их жалко?

– Не знаю. Да. Может быть... – Я попытался собраться с мыслями. – Алан Гудвин не убивал Дайану Каупер.

– Верно. Он не винит ее в аварии, он винит себя. У него нет причин убивать – она всего лишь инструмент судьбы.

– А водитель...

– Неважно, кто вел машину – Дэмиэн, его мать, соседка... Это не имеет отношения к делу.

В воздухе повис сигаретный дым – придется как-то объяснить жене. Я все еще сидел на стуле возле пианино. Моя теория номер один разбилась вдребезги.

– Так если не Алан Гудвин, то кто же? – спросил я. – Куда мы теперь?

– Грейс Ловелл, – ответил Готорн. – Завтра поедem к ней.

20. Актерская судьба

Грейс Ловелл не вернулась в квартиру на Брик-лейн, и ее можно понять. Понадобится много времени, чтобы отмыть кровь, и еще больше – чтобы стереть жуткие воспоминания.

Они с Эшли остались у родителей в Хонслоу, недалеко от аэропорта Хитроу, где работал отец Грейс. Мартин Ловелл взял выходной. Это был крупный, устрашающего вида человек в рубашке поло не по размеру: ткань морщилась на плечах, а рукава лопались на мощных ручищах мясника. Он брился налысо, поэтому трудно было угадать его возраст; пожалуй, около шестидесяти. На коленях у Мартина сидела Эшли, и ему приходилось быть сдержанным в движениях: он легко мог нечаянно задушить ребенка в объятиях. Как обычно, девочка не проявляла ни малейшего интереса к происходящему, поглощенная книжкой.

Дом был чистенький, современный. Видимо, участок находился на одной линии с главной взлетно-посадочной полосой: каждые пять минут нас оглушал рев взлетающих самолетов. Грейс с отцом, похоже, совершенно не замечали шума. Эшли определенно наслаждалась и восторженно хихикала.

Розмари Ловелл, мать Грейс, была на работе – преподавала математику в местной школе. Мы сидели в неловкой близости друг к другу на диванах и креслах, слишком громоздких для маленькой комнаты. Говорила в основном Грейс, Мартин лишь наблюдал за нами, и во взгляде его читалась странная враждебность.

Следующие двадцать минут Грейс рассказывала о своей жизни с Дэмиэном: как познакомилась, как стали жить вместе. Это была совсем другая женщина, словно смерть Дэмиэна дала свободу от тягостных обязательств. Слушая ее, я понял, что она давно разлюбила Дэмиэна, и вспомнил саркастичное замечание Готорна: «убитая горем вдова». Что ж, он прав. Грейс все это время не переставала быть актрисой, и вот настал ее звездный час. Не хочу показаться недобрым; в принципе, она мне нравилась. Молодая, харизматичная... По сути, у нее украли биографию, и хотя напрямую Грейс этого не говорила, смерть Дэмиэна дает ей шанс начать все сначала.

Вот что она рассказала:

– Я всегда хотела стать актрисой, с тех пор как себя помню. Я обожала театральные уроки в школе, ходила в театр при любой возможности. С утра вставала в очередь за десятифунтовыми билетами или покупала места на галерке. На каникулах я работала в парикмахерской на полставки. Мама с папой всегда меня понимали. Когда я сказала, что хочу поступить в Королевскую театральную академию, они меня полностью поддержали.

– Я пытался тебя отговорить! – возразил Мартин Ловелл.

– Папочка, ты же поехал со мной и сидел в пабе за углом, пока я была на прослушивании. – Грейс повернулась к нам. – Мне тогда исполнилось восемнадцать, и я как раз сдала экзамены. Папа хотел, чтобы я сперва окончила университет, но я не могла ждать! Я прошла четыре прослушивания, все более и более сложные, последнее хуже всего. Нас было тридцать человек, мы торчали там целый день. Мы знали, что за нами наблюдают и что по крайней мере половину отсеют. Меня прямо тошнило от страха, но я виду не подавала, конечно, иначе шансов никаких. А потом, несколько дней спустя, мне позвонил директор академии – да, он сам лично всем звонит! – и сказал, что я принята! Сперва я даже не поверила! Сбылись мои самые заветные мечты!.. Потом, конечно, надо было придумать, как платить за обучение. К счастью, папа сказал, что внесет половину...

– Я в тебя верил, – пробормотал Мартин, противореча самому себе.

– ...Но где взять остальное? Муниципальных грантов не давали уже лет пять, займы – не у кого, и я ужасно боялась, что все сорвется. В конце концов мне помогли в академии. Какой-то известный актер – фамилию не сказали – хотел помочь начинающему студенту. Может, повлияла моя расовая принадлежность: я слышала, они стараются обеспечить должное этническое разнообразие... Короче, в сентябре я начала учебу.

Я наслаждалась каждой минутой в академии, хотя иногда чувствовала себя как под микроскопом. Атмосфера была очень напряженная, нас заставляли работать до седьмого пота.

Временами я отчаивалась, хотелось заплакать и уйти домой, но меня поддерживали учителя или друзья. В итоге как-то получалось выстоять, трудности закаляли.

Вы спрашивали о Дэмиэне... Понимаете, это был очень тесный кружок, мы все любили друг друга, правда. И мы нисколько не соперничали – по крайней мере, до конца, когда нужно было выполнять «Три» перед агентами.

– Что за «три»? – спросил я.

– Это типа прослушивания: мы играли короткие сцены и монологи, а на нас приходили смотреть из театральных агентств. Такая методика, названа в честь актера Бирбома Три. – Грейс собралась с мыслями. – Сперва, конечно, все разделились на клики. Были у нас три девушки с севера Англии, мы их немного побаивались. Потом парочка геев... Некоторые студенты были старше нас, под тридцать, и предпочитали общаться друг с другом. Поначалу я чувствовала себя одиноко. Помню, в первый день я сидела в большом кругу и думала, что с этими людьми придется провести три года, а я никого не знаю... Я так боялась!

Но потом, как я уже говорила, мы сблизилась, и если кто-то и выделялся с самого начала, это Дэмиэн. Его все знали, им все восхищались. Он был на год старше меня и до поступления жил в Кенте, однако при этом обладал колоссальной уверенностью в себе. Учителя его обожали. Никто прямо не называл Дэмиэна звездой, у нас так было не принято, но он всегда получал лучшие роли, лучшие отзывы. Все хотели с ним дружить. Как-то так вышло, что мы с ним сблизилась, хотя не спали... ну всего один раз, но по-настоящему сошлись уже потом, несколько лет спустя.

Дэмиэну нравилась еще одна девушка, Дженнифер Ли. Правда, он всегда говорил, что это ее ненастоящая фамилия: она восхищалась актрисой Вивьен Ли и сменила фамилию в честь своего кумира. Я потом к ней вернусь. Ну вот, и был у нас еще один мальчик, Дэн Робертс, тоже блестящий актер. Многие думали, что Дэн с Дэмиэном – любовники, но это неправда. Мы четверо были лучшими друзьями все три года учебы и лишь после выпуска разошлись в разные стороны. Что делать, такова актерская судьба. Я получила работу в Глазго, Дэмиэна взяли в Шекспировскую компанию, Дэн уехал в Бристоль. Не помню, чем занималась Дженнифер... Короче, суть в том, что мы не поддерживали общение.

Об академии я могу рассказывать бесконечно. Больше всего помнится то особое чувство сопричастности, когда ты в нужном месте с нужными людьми. Нас заставляли работать на износ: постановка речи, движения, голоса плюс еще куча домашней подготовки. Все вечно сидели без денег, до смешного! Мы зависали в одной мерзкой забегаловке, кафе «Сид», и парни брали огромные тарелки жареной картошки с сосисками, потому что дешево. Иногда мы ходили в «Мальборо Армс» – тот самый паб, в котором ты меня ждал, папочка. Но чаще всего шли домой, делали потягушки или что там нужно и отрубались.

Я понятия не имел, что значит «делать потягушки», однако на этот раз решил не прерывать монолог.

– Так вот, если вы интересуетесь Дэмиэном, нужно упомянуть постановку «Гамлета» – именно тогда все достигло апогея. Это была очень важная постановка: тот, кому дадут главную роль, получит фантастический старт. Там будут серьезные агенты, режиссер – сам Линдси Познер, поставивший кучу спектаклей в «Ройял-Корт»; мы видели его блестящую пьесу «Американский буйвол» в «Янг Вик». Все были уверены, что главную роль получит Дэн. До этого он играл лишь небольшие роли; ходил слух, будто его специально придерживают с целью дать грандиозный шанс проявить себя во всем блеске. К тому же его «Три» прошло не так хорошо, как хотелось бы: кое-где он переврал текст.

Мы все ужасно волновались в ожидании списка. Возле доски информации вечно толпился народ – смотрели, кому какая роль досталась и в каком театре. Учеба подходила к концу, и мы дико переживали. Худшее, что могло случиться, – выпуск без агента, поэтому финальная постановка практически решала твою судьбу.

В общем, вывесили список, и, конечно же, Гамлета играл Дэн. Я получила Офелию, фантастика! Дженнифер дали крошечную роль Озрика: спектакль готовился нетрадиционный. Она появлялась лишь в пятом акте, но до того играла Имогену в «Цимбелине», так что все справедливо. Дэмиэну достался Лаэрт, и он был рад, хотя многие прочили Гамлета именно ему.

На прослушивании он исполнил монолог «О, что за дрянь я, что за жалкий раб!»³⁸, и многие считали, что блестяще. Постановка задумывалась в современных костюмах, в качестве площадки выступал театр «Гленбрук». Сцена находилась в подвале, там было ужасно холодно, гораздо холоднее, чем в «Ванбру».

Мы репетировали больше месяца. А за неделю до премьеры все изменилось, включая мою жизнь, – поэтому я рассказываю так подробно. Дэн заболел мононуклеозом и не смог репетировать, так что после долгих обсуждений он поменялся ролями с Дэмиэном. Теперь мы с ним часами прогоняли очень напряженные эпизоды. Наверное, именно тогда я и влюбилась – на сцене от него исходил такой магнетизм... Понимаете, Дэмиэн производил сильное впечатление даже при случайной встрече на улице, но когда он играл... Словно смотришь в пруд или колодец... В нем была глубина, прозрачность. Линдси Познер обожал с ним работать. Собственно, так Дэмиэн и попал в «Королевскую шекспировскую компанию»: Линдси много ставил в Стратфорде и взял его с собой.

Об этой постановке говорят до сих пор. Нам всем – Дэмиэну, мне и Дэну – предложили сотрудничество, а художественный руководитель сказал, что давно не видел ничего подобного. Мы играли на круглой сцене, без декораций и с минимумом реквизита. Правда, использовали маски – Линдси тогда находился под влиянием японского театра *но*. Разумеется, Дэмиэн играл великолепно, он практически затмил всех. Дэн тоже был в ударе, особенно в сцене сражения – от них так и веяло энергией, хотя мечи заменили веерами. Нам аплодировали стоя, а такое в академии случается нечасто, тем более когда в зрительном зале агенты!

Однако больше всего я запомнила эту постановку из-за Дэмиэна. Вы наверняка знаете пьесу: акт третий, сцена первая – под конец я была буквально в слезах, настолько я прочувствовала страдания героя, его сумасшествие. «О, что за гордый ум сражен!»³⁹ В какой-то момент Дэмиэн схватил меня за горло и притянул так близко, что я ощущала его дыхание на своих губах. Когда он отпустил, на шее остались синяки. После того как мы сошлись, Дэмиэн заявил, что больше не хочет играть со мной – хотя к тому времени моя карьера и так встала на паузу из-за Эшли. То есть я хочу сказать, что больше любила актера, чем настоящего, живого человека. Как человек, он бывал...

Грейс умолкла, подыскивая слово, и отец подытожил за нее:

– ...Ублюдком.

– Папа!

– А ты вспомни, как он с тобой обращался, как использовал тебя...

– Он не всегда был таким.

– Он и его мамаша – два сапога пара!

Грейс бросила на него неодобрительный взгляд, но возражать не стала, а вместо этого продолжила:

– Я подписала контракт с агентством «Независимые таланты». Сперва мне дали роль в сериале «Джонатан Крик», всего несколько строк – я играла помощницу фокусника, – но это уже кое-что, полезно для резюме. Потом я снималась в «Катастрофе», «Холби-сити», «Чисто английском убийстве». А еще в рекламе «Стелла Артуа», и это было здорово! Я целую неделю провела в Буэнос-Айресе! Кроме того, я много работала в театре. Особенно мне понравился сезон Джонатана Кента в «Хеймаркете». Были хорошие роли в «Деревенской жене» и «Море» Эдварда Бонда. Обо мне даже упоминали в рецензиях. Фиона Браун, мой агент, была уверена, что у меня есть будущее.

А потом я вновь встретила Дэмиэна – на премьере спектакля по пьесе Тома Стоппарда. Там играл его друг, и после спектакля мы пошли в «Грин Рум». Я сто лет не видела Дэмиэна! Мы так дружили в академии, а после выпуска совсем не поддерживали связь.

– Это все он! – вмешался Мартин Ловелл. Эшли уснула на руках у деда, и он бережно переложил ее на диван. – Интересовался только своей карьерой. У него никогда не было друзей. Он тебя использовал!

³⁸ «Гамлет», акт 2, сцена 2 (пер. М.Лозинского).

³⁹ Акт 3, сцена 1 (пер. М.Лозинского).

– Папочка, не говори так... – попросила Грейс, впрочем не возражая. – Дэмиэн уже тогда был знаменит – его узнавали на улицах, хотя и не выстраивались за автографами. Он успел сняться в куче серьезных фильмов и сериалов и даже получил награду от «Ивнинг стандарт». Уже работал в Голливуде, собирался сниматься в «Звездном пути». Я сразу почувствовала, что Дэмиэн изменился, стал жестче... Может, это приходит вместе с успехом и деньгами – он как раз купил квартиру на Брик-лейн. С другой стороны, в нашей среде нужно быть жестким, это защитная реакция, часть актерской жизни.

Мы провели замечательный вечер. Пьеса всем понравилась. В приподнятой атмосфере выпили больше обычного, стали вспоминать учебу... Оказалось, Дэмиэн на съемках виделся с парой ребят из академии. Он рассказал, что Дэн бросил театр – очень жаль, ведь он был просто суперталантливый. Увы, так бывает – предлагают крошечные роли или во втором составе, а счастливый шанс так и не подворачивается. Дэн чуть не получил главную роль в «Пиратах Карибского моря», но в итоге выбрали Орlando Блума. Потом ему не достался «Доктор Живаго» на Ай-ти-ви. Дженнифер, понятно, исчезла. Дэмиэн много рассказывал о себе. Благодаря гонорарам от «Звездного пути» он мог внести задаток за дом и подумывал переехать в Лос-Анджелес насовсем.

Он прилетел в Англию на три недели – снимался в мини-сериале. Мы почти все время проводили вместе. Мне так понравилась его квартира на Брик-лейн – совершенно иной мир! Сама я жила в Стрэтеме, в крошечном домике с двумя другими актерами. Телефон звонил не переставая: агент, менеджер, пиарщик, журналисты, радио... Это было воплощением той самой мечты, с которой я поступала в академию, только у него все сбылось.

– И у тебя сбудется – теперь...

– Папочка, это несправедливо! Дэмиэн никогда не стоял на моем пути.

– Он сделал тебе ребенка в самом начале карьеры!

– Я сама приняла решение! – Грейс обернулась к нам. – Когда я узнала, что беременна, Дэмиэн пришел в восторг. Сказал, что хочет этого ребенка, и предложил переехать к нему: мол, денег хватит на всех. Велел мне прилететь следующим рейсом.

– Вы поженились? – уточнил Готорн. На протяжении всего монолога он был непривычно молчалив, хотя слушал очень внимательно.

– Нет. Дэмиэн считал, что в этом нет необходимости.

– Дэмиэн думал лишь о Дэмиэне! – настаивал отец. – Не хотел себя связывать! И мать не лучше – только и заботилась о своем драгоценном сыночке, а на тебя даже внимания не обращала!

– Пап, Дайана оказалась не такой уж плохой. Ей просто было грустно и одиноко.

Грейс подошла к Эшли и убрала прядь волос, упавшую на глаза.

– В общем, Дэмиэн прислал мне билет...

– Эконом-класс! Даже на бизнес пожадничал!

– ...И я переехала к нему. Эшли родилась в Америке, у нее есть гражданство. Дэмиэн уже снимался в «Звездном пути», так что я его редко видела, но меня все устраивало. Я помогла ему найти дом: всего две спальни, но место очаровательное – высоко в горах с прекрасным видом и крошечным бассейном. Мне там очень нравилось. Я ездила на шопинг в Западный Голливуд и на Родео-драйв. Иногда Дэмиэн приходил домой поздно, зато выходные мы проводили вместе. Он представил меня своим друзьям, и я думала, что все будет хорошо.

Грейс опустила голову, и на секунду в ее глазах мелькнула печаль.

– Только не вышло. Я сама виновата, правда. Мне так и не удалось полюбить Лос-Анджелес. По сути, это даже не город – всюду приходится ездить на машине, да и пойти толком некуда: магазины, рестораны, пляж... Все как-то бессмысленно... Вечная жара. Особенно тяжело пришлось на пятом-шестом месяцах беременности. Я все чаще сидела дома одна. Друзей у Дэмиэна было немного, они вечно сплетничали о работе, и я неизбежно оставалась за бортом. В Голливуде так забавно складывается: люди формируют свой круг общения и вроде бы милы и приветливы с тобой, однако чужого внутрь не пустят. А как я скучала по дому! Мне ужасно не хватало мамы с папой, Лондона, моей карьеры...

Мы с Дэмиэном не ссорились, но... Он сильно изменился – это был уже не тот человек, с которым я дружила в академии. Слава портит... Он приходил домой и вроде был рад меня видеть,

иногда возникало чувство близости, а иногда мне казалось, что все это игра. Часто рассказывал о знаменитых людях, с которыми встречался на площадке, – Крис Пайн, Леонард Нимой, Дж. Дж. Абрамс, – а я безвылазно сидела в четырех стенах и, конечно, немного злилась. Потом родилась Эшли, и это было прекрасно! Дэмиэн устроил грандиозную вечеринку и вел себя как счастливый папаша, но дальше все реже и реже появлялся дома. Ему дали роль в четвертом сезоне «Безумцев», и вся его жизнь состояла из премьер, тусовок, гоночных авто, моделей, пока я ухаживала за ребенком в окружении бутылочек, колясок и подгузников. Он тратил деньги направо и налево, нанял садовников... Я словно жила в дешевой версии Голливуда – сплошные клише.

– Расскажи им про наркотики, – вставил отец.

– Он принимал кокаин и всякое такое; впрочем, тут ничего особенного. Все англичане так делали. На любой вечеринке кто-нибудь доставал мобильник, и через полчаса приезжал курьер с маленькими пластиковыми пакетиками. В конце концов я перестала ходить на вечеринки: сама никогда не употребляла, и мне было как-то не по себе.

Эшли шевельнулась на диване, и Мартин снова взял ее на руки. Ребенок счастливо задремал в его объятьях.

– Знаю, это звучит ужасно, – продолжала Грейс, – но лишь потому, что все кончено. Нельзя быть совсем уж несчастным в Лос-Анджелесе: солнце сияет, в саду пахнет бугенвиллеей... Дэмиэн никогда меня не обижал. Он не был плохим человеком, скорее...

– ...Эгоистом, – закончил Мартин Ловелл.

– Успешным, – возразила Грейс. – Его сожрал успех.

– А теперь он мертв, – добавил Готорн, бросив на нее холодный взгляд. – И как раз вовремя...

– Я вас не понимаю! – вскинулась Грейс. – Как можно такое говорить! Он отец Эшли! Теперь она будет расти без папы! Я была его женой!

– Насколько я понимаю, Дэмиэн оставил завещание?

Грейс запнулась.

– Да...

– Вам известно его содержание?

– Да. На похоронах я спросила нотариуса, Чарльза Кеннеди, – ради Эшли. Дэмиэн все оставил нам.

– А еще он оформил страхование жизни.

– Этого я не знала...

– Зато я знаю. – Готорн невозмутимо сидел на диване, скрестив ноги, сложив руки на груди, и выглядел одновременно расслабленным и безжалостным. Темные глаза пронизывали жертву насквозь. – Оформил полгода назад. Вы получите около миллиона фунтов, не говоря уж о квартире на Брик-лейн, доме на Голливуд-Хиллс, «Альфа-Ромео»...

– На что вы намекаете, мистер Готорн? – вмешался отец. – Что моя дочь убила Дэмиэна?

– А почему бы и нет? Думаю, вы бы не сильно переживали. Честно говоря, если бы я с ним жил, то не колебался бы ни минуты. – Он снова обернулся к Грейс. – Вы прилетели в Англию за день до смерти Дайаны...

Я не успел рассказать Готорну о своем открытии и теперь досадовал, что он сообразил и без меня.

– Вы с ней виделись?

– Я собиралась заехать, но Эшли слишком утомилась после перелета.

– Наверное, опять летели эконом-классом! Значит, так и не повидались?

– Нет!

– Грейс находилась здесь, со мной, – заявил отец. – И я готов присягнуть в суде, если придется.

А когда убивали Дэмиэна, она была на похоронах.

– А где были вы, мистер Ловелл?

– В Ричмонд-парке с Эшли – показывал ей оленя.

Готорн снова переключил внимание на Грейс.

– Когда вы рассказывали об учебе в академии, то упомянули о девушке по имени Дженнифер Ли и обещали к ней вернуться.

– Она была первой подружкой Дэмиэна, но под конец они расстались. Точнее сказать, она ушла от него к Дэну Робертсу. Я видела, как они целовались перед репетицией «Гамлета», прямо

взасос! Кстати, дела у нее пошли неплохо: пара крупных мюзиклов – это ее конек... Вот, а потом она исчезла.

– В смысле – ушла из профессии? – переспросил я.

– Нет, просто исчезла – в буквальном смысле: вышла погулять и не вернулась. Все газеты об этом писали. Никто так и не узнал, что случилось.

* * *

Беглый поиск в Интернете выдал следующую газетную статью восьмилетней давности:

«Саут-Лондон Пресс».

14 октября 2003 года

ПРОПАЛА ИЗВЕСТНАЯ АКТРИСА, РОДИТЕЛИ ПРОСЯТ СОДЕЙСТВИЯ

Полиция ищет двадцатилетнюю Дженнифер Ли, актрису, сыгравшую в нескольких крупных мюзиклах, включая «Король Лев» и «Чикаго». Внешние приметы: стройная, длинные светлые волосы, карие глаза, веснушки.

В субботу вечером мисс Ли вышла из дома в Стрэтеме. На ней был серый брючный костюм, с собой – темно-синяя сумочка «Келли» от «Эрмес». В полицию обратились служащие театра «Лицеум», когда мисс Ли не явилась на вечерний спектакль в понедельник. С момента ее исчезновения прошло шесть дней.

Полиция связалась с несколькими интернет-сервисами, предоставляющими услуги знакомств; выяснилось, что актриса общалась с мужчинами в Сети и предположительно могла идти на свидание. Родители призывают всех, кто мог видеть девушку в тот вечер, дать свидетельские показания.

Я прочел статью Готорну. Тот кивнул, словно ожидал услышать именно это.

– А почему ты интересуешься Дженнифер Ли? – спросил я.

Он не ответил. Мы все еще стояли посреди жилого массива в окружении одинаковых домов и садилов; единственные цветные пятна – припаркованные машины. Над головой проревел очередной самолет, закрывая солнце гигантской тушей.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что ее тоже убили? Но при чем тут она, вообще? Мы о ней даже не слышали до сегодняшнего дня!

У Готорна зазвонил телефон, и он предостерегающе поднял руку, доставая его из кармана. Разговор длился не больше минуты, хотя Готорн почти ничего не говорил – только «да» пару-тройку раз, затем «ладно» и «ОК». Наконец он повесил трубку. Его лицо помрачнело.

– Звонил Мидоуз.

– Что случилось?

– Мне нужно вернуться в Кентербери, он хочет со мной поговорить.

– Зачем?

Готорн бросил на меня тяжелый взгляд, и мне стало не по себе.

– Прошлой ночью кто-то устроил пожар в доме Найджела Уэстона. Плеснули бензин в щель для почты и подожгли.

– О господи! Он погиб?!

– Нет. Он и его дружок успели выбраться. Уэстон сейчас в больнице – небольшое отравление, ничего серьезного.

Готорн посмотрел на часы.

– Я на вокзал.

– Я с тобой.

Он покачал головой.

– Нет, не стоит. Я поеду один.

– Почему?

Молчание.

– Ты уже знаешь, кто виноват в поджоге, да?

И снова этот холодный взгляд, так хорошо знакомый и так ясно дающий понять, что Готорн видит мир совершенно иначе и что мы никогда не поймем друг друга.

– Да, – ответил он. – Ты.

21. Академия

Я так и не понял, что имел в виду Готорн, однако чем больше я об этом думал, тем больше портилось настроение. Как я мог быть виноват, если до прихода к Уэстону даже не знал, где он живет – да и вообще никому не говорил об этом визите (за исключением жены, секретаря, одного из сыновей и агента, Хильды Старк). К тому же я не проронил ни слова, пока Готорн со свойственной ему бестактностью разделявал Уэстона под орех. Может, Готорн просто вымещал на мне злость? На него похоже. Произошло что-то неожиданное, и он выверился на первого, кто попал под руку.

Итак, на чем же остановилось наше расследование? Еще у меня дома Готорн более-менее исключил из списка подозреваемых Алана Гудвина, а теперь можно вычеркнуть и бывшего судью. Связь Уэстона с Дайаной Каупер, конечно, тревожит, однако у нас нет доказательств, что он совершил преступление. С другой стороны, на него ведь напали! Только я начал думать, что между убийствами и аварией нет никакой связи, как жизнь доказала обратное.

Дайана Каупер сбила насмерть Тимми Гудвина и искалечила его брата. Она скрылась с места преступления, чтобы защитить своего сына, Дэмиэна Каупера. Судья Уэстон выпустил ее на свободу, погрозив пальцем. На всех троих напали – на двоих с фатальным исходом. Это не могло быть совпадением.

Однако встает еще один вопрос: при чем тут Дженнифер Ли, которая училась с Дэмиэном в академии и таинственно исчезла впоследствии? Может, и ни при чем. Это ведь я гуглил ее в поисковике, и хотя Готорн прочел статью, комментариев не последовало. Таким образом, нет никакой уверенности, что она имеет отношение к расследованию.

Неожиданно я стал сам себе противен.

Я сидел в дешевом кафе рядом со станцией метро Хонслоу-Ист. Вокруг зеркала, подсвеченные меню, телевизор с широким экраном – показывали какой-то древний сериал. Я заказал пару тостов и чай, хотя аппетита не было.

Что со мной происходит? Когда я только познакомился с Готорном, я был успешным писателем, автором сериала, который показали в пятидесяти странах (к тому же я женат на продюсере). Готорн работал на нас. Ему платили десять-двадцать фунтов в час за консультацию.

Две недели спустя все изменилось – я позволил себе стать молчаливым партнером, второстепенным персонажем в собственной книге! Хуже того, я каким-то образом убедил себя, что не могу самостоятельно выработать ни единой гипотезы. Неужели я настолько глуп?.. Нет, я слишком долго ходил за ним по пятам! Теперь, когда его нет рядом, у меня появился шанс перехватить инициативу.

На поверхности чая плавала маслянистая пленка. Тост намазали чем-то напоминающим мазут. Я отодвинул тарелку и достал телефон. Готорна не будет до конца дня, так что у меня куча времени на расследование нового подозреваемого: Дженнифер Ли. Странно, что к статье не прилагалась фотография. В интернете тоже не удалось ничего найти, кроме пары упоминаний. Девушка пропала бесследно. Родители до сих пор горюют, но общественный интерес быстро потух.

Надо разузнать о ней побольше. Если до сих пор я двигался в неверном направлении – то есть в направлении Дила, – то теперь самое время выяснить, что я упустил. Скажем, в академии произошло некое событие, связывающее Дженнифер, Дэмиэна и Дайану Каупер. Как это могло привести к убийству?

Раздумывая над этим вопросом, я вдруг осознал, что у меня есть свои ходы. Иногда академия приглашает актеров, режиссеров и сценаристов на встречу со студентами; в прошлом году и мне довелось выступить. Целый час я рассказывал о запутанном любовном треугольнике «актер – писатель – сценарий», пытался объяснить, что хороший актер всегда увидит в сценарии моменты, о которых писатель не подозревает, тогда как плохой добавит свои, совершенно ненужные «фишки». Еще я рассказывал о процессе становления персонажа. Например, Кристофер Фойл существовал на бумаге задолго до того, как на роль выбрали Майкла Китчена, но только после

принятия решения и началась настоящая работа. Между нами всегда существовала напряженность. Так, Майкл почти с самого начала настаивал на том, что Фойл не должен задавать вопросы – довольно странно для сыщика, – чем сильно усложнил мне жизнь. С другой стороны, это была не самая глупая идея. Мы нашли иные, более оригинальные способы добывать информацию. Фойл умел втираться в доверие, и подозреваемые выбалтывали больше, чем собирались. Таким образом, год за годом персонаж развивался.

В общем, я рассказывал об этом и о многих других вещах; не знаю, удалось ли им вынести что-то полезное для себя. Лично мне понравилось: писателя хлебом не корми, дай только поговорить о писательстве.

Меня пригласила заместитель директора, назову ее Лиз, поскольку она просила не упоминать настоящее имя. Я позвонил ей прямо из кафе. К счастью, она оказалась на месте и согласилась встретиться со мной в три часа. Лиз – умная, немного резковатая женщина чуть постарше меня. Училась на актера, но в итоге занялась писательством и режиссурой; правда, после скандала с прессой пришлось вернуться к преподаванию. Лиз поставила спектакль о британских сикхах, абсолютно благонамеренный, но это привело к местным волнениям: два члена совета своими выступлениями пробудили ярость толпы (она говорила, что те даже не читали пьесу и не смотрели спектакль). Художественный руководитель прогнулся, спектакль отменили. Никто не выступил в ее защиту. И вот даже сейчас, спустя много лет, она предпочитает особо не высываться.

Главное здание академии на Гоуэр-стрит – довольно странное место. Вход, отмеченный статуями комедии и трагедии, созданными Аланом Дерстом в 20-е, одновременно величественный и едва заметный. Узкая дверь ведет в здание, слишком маленькое для трех театров, офисов, репетиционных залов, мастерских и так далее. Я помню лабиринт белых коридоров и лестниц с вращающимися дверями; в первый визит я чувствовал себя лабораторной крысой. На этот раз мы встретились в новом, довольно шикарном кафе на первом этаже.

– Я очень хорошо помню Дэмиэна Каупера, – начала Лиз тихим голосом. Мы устроились за столиком с капучино в окружении черно-белых фотографий последнего выпуска. Кроме нас в кафе сидели несколько студентов; они болтали между собой или читали сценарии. – Я всегда знала, что он далеко пойдет. Дерзкий был парень.

– Я и не знал, что вы уже преподавали.

– Это был 1997 год, я только начинала. Дэмиэн тогда учился на втором курсе.

– Значит, он вам не понравился?

– Ну я бы так не сказала. Я вообще стараюсь не демонстрировать личного отношения к студентам: здесь все излишне чувствительно, легко заработать обвинение в фаворитизме. Я просто излагаю факты. Дэмиэн был очень амбициозен, он бы собственную мать зарезал, если бы это помогло получить роль...

Тут Лиз слегка осеклась.

– Не самый удачный пример, учитывая обстоятельства... Но, думаю, вы поняли.

– Вы помните ту постановку «Гамлета»?

– Да. Честно говоря, Дэмиэн был великолепен, хоть мне и трудно это признать. Он получил роль только потому, что другой мальчик заболел мононуклеозом. У нас в тот год разразилась целая эпидемия, прямо как чума в Средневековье. Разумеется, Дэмиэн с самого начала рассчитывал на главную роль, даже на прослушивании читал один из монологов Гамлета – хотел покрасоваться... Знаете, пожалуй, вы правы – мне он действительно не нравился: слишком любил манипулировать людьми. А потом эта история с Дилом...

– Что за история? – встрепнулся я. Неужели между аварией и театральной академией существует связь, которую мы упустили?

– Да ничего особенного, просто Дэмиэн использовал ее на семинаре. Мы проходили так называемое «публичное одиночество»: студенты должны были принести какой-либо значимый для них предмет и рассказать о нем перед классом. – Лиз помедлила. – Так вот, он принес пластиковую игрушку, автобус, и проиграл запись детской песенки «День-деньской колеса крутятся», знаете такую? Рассказал, что ее играли на похоронах мальчика, которого нечаянно сбила мать Дэмиэна.

– А что именно вам не понравилось?

– Мы с ним даже слегка поругались после семинара. Он говорил, что песня разрывает ему сердце, что он не может выбросить ее из головы – все в таком духе. Однако, по правде говоря, я чувствовала некоторую фальшь. По-моему, Дэмиэн использовал эту ситуацию в качестве декораций, его монолог был слишком эгоцентричным. В конце концов, умер восьмилетний мальчик! Может, мать Дэмиэна не настолько виновата, но все-таки она его убила! Я считаю неприличным использовать подобные вещи в качестве упражнения – так я ему и сказала.

– А что вы можете рассказать о Дженнифер Ли? – спросил я.

– Ее я помню хуже. Очень талантливая, но тихоня. Они с Дэмиэном какое-то время встречались и были близки. Боюсь, ее карьера после выпуска не сложилась: пара мюзиклов, не более того. – Лиз вздохнула. – Так бывает... Никогда нельзя предсказать наверняка, сложится или нет.

– А потом она исчезла.

– Да, об этом писали в газетах. К нам даже полиция приходила, задавали вопросы, хотя после выпуска прошло уже лет пять-шесть. Поговаривали, будто она отправилась на встречу с фанатом... ну вы понимаете – бывают такие одержимые поклонники. Впоследствии возникла другая версия: девушка шла на свидание – нарядно оделась, да и соседи рассказывали, что она уходила в хорошем настроении. Дженнифер снимала квартиру в Южном Лондоне...

– В Стрэтеме.

– Верно. В общем, больше ее не видели. Если бы она была знаменита или кто-нибудь усмотрел бы связь между ней и Дэмиэном, может, и поднялась бы шумиха... Он ведь к тому времени успел прославиться. В Лондоне много людей пропадает, вот и она не стала исключением.

– Вы упоминали, что есть фотография...

– Да. Тут вам повезло: с тех времен осталось очень мало снимков. В наши дни у всех мобильники... Но эту мы сохранили ради «Гамлета». – Лиз достала большую холщовую сумку. – Нашла в кабинете.

Она вытащила черно-белую фотографию в рамке и положила между кофейными чашками. Я словно заглянул через невидимое окно в 1998 год: пять юных актеров, позирующих на камеру с преувеличенной серьезностью. Я сразу узнал Дэмиэна Каупера – тот почти не изменился за тринадцать лет, разве что был стройнее и симпатичнее... Дерзкий – именно это слово приходило на ум. Он вызывающе смотрел прямо в камеру – попробуй отведи взгляд! Черные джинсы, черная рубашка с открытым воротником, в руках – японская маска. По бокам стояли Грейс Ловелл в роли Офелии и юноша, игравший Лаэрта. Оба держали веера, развернутые над головой.

– Это Дженнифер.

Лиз показала на девушку, стоящую позади. Она играла мужскую роль и была одета так же, как и Дэмиэн. Надо сказать, я ощутил разочарование. Не знаю, чего я ожидал, но Дженнифер выглядела слишком... просто. Хорошенькая, веснушчатая, волосы забраны в хвостик. Она стояла с краю, повернув голову в сторону мужчины, подходящего к ним.

– А это кто? – спросил я.

Чернокожий, в очках, с букетом цветов, заметно старше остальных, лица не разобрать.

– Понятия не имею, – ответила Лиз. – Наверное, кто-то из родителей. Снимок сделан после премьеры, театр был битком набит.

– А вы когда-нибудь...

Я собирался спросить об отношениях Дженнифер и Дэмиэна, но тут мне на глаза попалась некая деталь, и я замер на полуслове. Я вдруг узнал одного из людей на фотографии. Никаких сомнений! Наконец-то я опередил Готорна и обнаружил нечто важное! Он ведь нарочно дразнил меня всю дорогу, держался равнодушно и чуть ли не презрительно. Ха! Посмотрим, что он теперь запоет, когда я сообщу о его промахе!.. Я непроизвольно улыбнулся. Как сладко будет отплатить ему за долгие часы мотания по Лондону в роли молчаливого наблюдателя!

– Лиз, вы чудо! Можно я это позаимствую? – спросил я, подразумевая фотографию.

– Извините, ее нельзя выносить из здания. Можете переснять, если хотите.

– Отлично!

Мой айфон лежал на столе с включенным диктофоном. Я сфотографировал снимок и поднялся.

– Спасибо огромное!

Выйдя из академии, я первым делом принялся звонить. Сперва я организовал встречу, затем позвонил помощнице, ждавшей меня в офисе, и сказал, что сегодня уже не вернусь. И наконец, я оставил сообщение для жены: предупредил, что немного опоздаю к ужину.

Однако ужинать мне так и не пришлось...

22. Под маской

Спустившись в метро, я вернулся обратно в западный Лондон. Моей целью было здание из красного кирпича на Фулэм-Пэлас-роуд, в пяти минутах от хаммерсмитской развязки. Кстати, его там уже нет – снесли, когда строили новый бизнес-центр, Эльсинор-хаус. По странному совпадению здесь расположено издательство «Харпер Коллинз» – они публикуют американские издания моих книг.

Место, которое я посетил в тот день, выглядело нарочито скромно: матовые стекла, никакой вывески. В ответ на мой звонок раздались сердитое жужжание и щелчок открываемой двери. Под наблюдением видеокамеры я вошел в пустую приемную с голыми стенами и кафельным полом, напоминающую поликлинику или какое-нибудь необычное отделение больницы, к тому же недавно закрытое. Сперва мне показалось, что здесь никого нет, но тут раздался чей-то голос, зовущий меня по имени. Завернув за угол, я вошел в кабинет Роберта Корнуоллиса, который в этот момент наливал две чашки кофе. Кабинет был так же пуст, как и остальная часть здания: стол и практичные стулья с обивкой, далекие от удобства. В углу на тумбочке кофемашина, на стене календарь.

Это было то самое учреждение, которое упоминал Корнуоллис в нашу первую встречу: за консультацией клиенты приезжают в Южный Кенсингтон, а сами тела привозят сюда. Где-то неподалеку расположена часовня, «место скорби», как выразилась Айрин Лоуз. Комната, в которую я вошел, не предлагала ни малейшего утешения. Я прислушался. Мне не приходило в голову, что мы будем одни, хотя день клонился к вечеру, – видимо, все ушли домой. Вообще-то я позвонил Корнуоллису в офис, но он настоял на том, чтобы встретиться здесь.

Похоронный директор тепло приветствовал меня и предложил сесть. Он выглядел более расслабленным, чем раньше, – в пиджаке, однако галстук снял и даже расстегнул две верхние пуговицы.

– Я и понятия не имел, кто вы такой, – признался Корнуоллис, подавая мне чашку (я назвал свою фамилию по телефону). – Писатель! Надо сказать, я под впечатлением! Когда вы приходили ко мне – в офис и домой, – я предположил, что вы сотрудничаете с полицией.

– Так и есть – в какой-то мере.

– Нет, я думал, что вы сыщик. А где мистер Готорн?

Я отпил кофе. Он положил сахар, не спросив меня.

– В отъезде.

– Значит, послал вас вместо себя?

– Нет. Честно говоря, Готорн не знает о моем визите.

Корнуоллис задумался.

– По телефону вы сказали, что пишете книгу.

– Да.

– Странно... Я думал, что полицейское расследование, особенно расследование убийства, осуществляется в режиме секретности. И про меня напишете?

– Возможно.

– Не хотелось бы. Вся эта история с Дайаной Каупер и ее сыном и так ужасно неприятная, тем более не стоит втягивать сюда мою компанию. Кстати говоря, наверняка найдутся и другие участники, которые станут возражать против публичности.

– Да, придется получить их разрешение. А если кто-то будет против, всегда можно сменить фамилии. – Я не стал добавлять, что преспокойно могу писать о реальных людях, если информация о них находится в общем доступе. – Вы хотите, чтобы я изменил ваше имя?

– Даже настаиваю.

– Что ж, могу назвать вас, скажем... Дэном Робертсом?

Корнуоллис странно посмотрел на меня и улыбнулся.

– Сто лет не пользовался этой фамилией.

– Знаю.

Он достал пачку сигарет. Я и не предполагал, что он курит – хотя да, какая-то пепельница была на столе в другом кабинете. Корнуоллис прикурил и затушил спичку резким движением кисти.

– Еще вы упомянули, что звоните из театральной академии.

– Верно, я был там – встречался с...

Я назвал фамилию заместителя директора, но это ему ничего не сказало. Я отпил еще немного кофе и поставил чашку.

– Вы не говорили, что учились в академии.

– Наверняка говорил.

– Нет. Я присутствовал при всех разговорах с Готорном. Вы не просто учились в академии – вы учились на одном курсе с Дэмиэном Каупером и даже играли вместе.

Я был уверен, что Корнуоллис станет отрицать, но он и глазом не моргнул.

– Я больше не вспоминаю об академии. Это не та часть моей жизни, о которой хочется помнить, – да и вообще, к чему? Когда вы пришли ко мне в офис в Кенсингтоне, то ясно дали понять, что ваше расследование – точнее, расследование мистера Готорна – движется в направлении той аварии в Диле.

– Здесь вполне может прослеживаться некая связь, – возразил я. – Вы были на том семинаре, когда Дэмиэн рассказывал об аварии? Кажется, он использовал тот случай для отработки какого-то приема?

– Вообще-то, да. Это было давно, и я, конечно же, все забыл, пока вы не напомнили.

Корнуоллис обошел вокруг стола и присел на край, возвышаясь надо мной; в его очках отражался резкий неоновый свет.

– Дэмиэн принес игрушку – красный автобус – и проиграл ту песенку. Он рассказал о том, что случилось и какое впечатление это на него произвело. Знаете, он даже гордился тем, что мать, сбившая двоих детей, первым делом подумала о нем и его карьере. Удивительные люди, не правда ли?

– Вы играли с ним в постановке «Гамлета», – напомнил я.

– Да, на основе классического японского театра: маски, веера... Какая нелепость! Дети с большим самомнением! Впрочем, в то время это имело для нас огромное значение.

– Все говорят, что вы были очень талантливы.

Корнуоллис пожал плечами.

– Одно время я хотел стать актером...

– А стали гробовщиком.

– Мы уже обсуждали этот момент у меня дома. Семейный бизнес: отец, дед... помните? – Тут ему в голову пришла какая-то идея. – Я хочу вам кое-что показать – наверняка будет интересно.

– Что?

– Не здесь, в соседнем кабинете.

Корнуоллис встал, ожидая, что я последую за ним. Именно это я и собирался сделать, но почему-то не смог подняться.

Это был без преувеличения самый страшный момент в моей жизни. Я не мог пошевелиться. Мозг посылал ногам сигнал: «встать» – а ноги не слушались. Руки превратились в инородные предметы, приделанные ко мне, но никак не связанные со мной. Футбольный мяч вместо головы, вздетый на бесполезную грудку мышц и костей, а где-то внутри груды в панике колотилось сердце, словно пыталось вырваться наружу. Я никогда не смогу описать тот жуткий, тошнотворный страх. Я сразу понял: меня чем-то отравили, я в смертельной опасности.

– Вам нехорошо? – озабоченно спросил Корнуоллис.

– Что вы... наделали? – Даже мой голос звучал ненатурально, и губы не слушались.

– Вставайте.

– Не могу!

И тут он улыбнулся – хладнокровно и жутко.

Медленно, очень медленно Корнуоллис подошел к столу, достал из кармана платок и заткнул мне рот.

– Я на минутку, – сказал он. – Только принесу кое-что.

И вышел из комнаты, оставив дверь открытой.

Я по-прежнему ничего не чувствовал, кроме страха. Попытался замедлить дыхание. Сердце все еще колотилось. Я был слишком напуган, чтобы осознать очевидное: я беззаботно вошел в «царство смерти» – и результатом будет моя собственная смерть.

Вернулся Корнуоллис, толкая перед собой кресло-коляску – видимо, на ней перевозят трупы, хотя, более вероятно, пожилых родственников, пришедших попрощаться с покойным. Он тихо насвистывал себе под нос, на его лице – уже без очков – застыло странное, пустое выражение. Я смотрел в его блестящие глаза, на аккуратную бородку, редкие волосы и понимал, что это всего лишь маска, скрывающая жуткого монстра, только сейчас показавшегося на поверхность. Он знал, что я не могу пошевелиться, – должно быть, подсыпал мне что-то в кофе, а я, дурак, выпил. Хотелось настучать себе по голове. Это ведь он задушил Дайану Каупер, порезал на кусочки ее сына... Но почему? И почему я сразу не догадался – ведь все было так очевидно!

Корнуоллис наклонился, и на секунду мне почудилось, будто он хочет меня поцеловать. Я отпрянул, но он лишь поднял меня и перетащил в кресло. Я вешу примерно восемьдесят пять килограммов, так что ему пришлось остановиться и передохнуть. Затем он поправил на сиденье мои ноги и, по-прежнему насвистывая, выкатил меня из кабинета.

Мы прошли мимо открытой двери часовни. Я успел заметить свечи, деревянные панели, алтарь, на котором мог быть крест, менора или еще какой-нибудь религиозный символ. В конце коридора находился грузовой лифт, достаточно просторный, чтобы вместить гроб. Корнуоллис втолкнул меня внутрь и нажал кнопку. Когда двери закрылись, я почувствовал, что вся моя жизнь осталась позади. Лифт дернулся и поехал вниз.

Двери снова открылись. Мы попали в просторное помещение с низкими потолками и неоновыми лампами. В дальнем углу стояли шесть серебряных шкафов – холодильники для хранения тел. В другом углу располагалось нечто вроде операционного блока: металлический стол, рядом тележка со скальпелями, иглами и ножами; на стене полки с сосудами темного цвета. Корнуоллис подвез меня к столу спиной к лифту. На полу – серый линолеум, в углу ведро со шваброй. Все увиденное наполнило меня свежим ощущением ужаса, и невозможность пошевелиться лишь усиливала этот ужас.

– Не стоило вам сюда приходить, ох не стоило...

Его спокойная, деликатная манера речи была наработана годами и соответствовала той роли, которую он играл, – только теперь я осознал, что это всего лишь роль и передо мной теперь раскрывается настоящий Роберт Корнуоллис.

– Я ничего не имею против вас лично, однако что поделать – вы сами решили сунуть свой нос в мои дела! – К концу фразы он повысил голос чуть ли не до визга. – Зачем надо было спрашивать про академию? – продолжал Корнуоллис, немного успокоившись. – Зачем рыться в прошлом? Вы пришли сюда задавать глупые вопросы... Что ж, я отвечу, а потом разделаюсь с вами – хотя очень не хочу.

Я попытался заговорить, однако мешал платок. Корнуоллис вытащил его изо рта, и я обрел голос.

– Я сказал жене, что иду сюда... И секретарше! Если со мной что-нибудь случится, все узнают!

– Если найдут, – парировал он безразличным тоном.

Я собирался продолжать, но он поднял руку.

– Хватит, не хочу больше ничего слышать! Все уже неважно... Я лишь объясню.

Корнуоллис уставился вдаль, собираясь с мыслями, легонько касаясь щеки кончиками пальцев. Что происходит, вообще? Я же писатель! Это все не со мной!

– Можете себе представить, какой жизнью я живу? – спросил вдруг Корнуоллис. – Думаете, мне нравится эта работа? Каково, по-вашему, день за днем сидеть и слушать, как несчастные людишки ноют о своих несчастных покойных матерях, отцах, бабушках, дедушках? Организовывать похороны, кремацию, гробы, надгробия, – а за окном сияет солнце, и жизнь идет стороной? На меня смотрят и думают: вот скучный человек в скучном костюме, никогда не улыбается и говорит правильные вещи: «...Примите мои соболезнования, ах, мне так жаль, вот, пожалуйста, возьмите салфетку...» На самом деле мне хочется врезать им по носу, потому что это не я, не таким хотел я стать.

«Корнуоллис и сыновья» – моя судьба. Мой отец был гробовщиком, и дед, и прадед, тетки и дядья... В детстве все вокруг были одеты в черное. В качестве развлечения меня водили

показывать катафалк, едущий по улицам. Я смотрел на отца за ужином и думал: вот он провел целый день в обществе мертвецов, и эти самые руки, что обнимают меня, касались мертвой плоти. Смерть – наша жизнь, ею поглощена вся семья. И самое худшее – однажды я стану таким же, потому что все распланировано за меня, даже вопросов не возникало. Мы же «Корнуоллис и сыновья», а я кто? Я – сын.

Меня дразнили в школе. Фамилия запоминающаяся, не то что какой-нибудь Смит или Джонс, привлекает внимание. Достаточно раз пройти мимо заведения – куда-нибудь в магазин или на автобус, – и все запомнят. Меня звали мертвецом и гробовщиком... Спрашивали, спит ли мой отец с трупами... или я... Им было интересно, как выглядят покойники без одежды. Встает ли у них? Растут ли ногти? Половина учителей считала меня странным – не потому, что я и в самом деле был странным, а из-за семейного бизнеса. Другие ребята обсуждали университет, карьеру... У них были мечты, у них было будущее. Только не у меня. Мое будущее было в буквальном смысле в могиле.

А самое смешное – у меня была мечта. Странно, как все в жизни складывается, правда? Однажды мне дали небольшую роль в школьной пьесе: я играл Гортензио в «Укрощении строптивой». Я обожал Шекспира, богатый сочный язык, которым он создавал целый мир! Мне так нравилось стоять на сцене в костюме, при свете софитов, перевоплощаться в другую личность... Мне было пятнадцать, когда я понял, что хочу стать актером, и с этого момента мечта поглотила меня целиком. Я хотел быть не просто актером, нет! Я хотел стать звездой! Я не буду Робертом Корнуоллисом, я буду другим человеком – вот моя судьба!

Родители, как ни странно, разрешили попробовать. Потому что не сомневались – у меня нет ни малейшего шанса. Втайне они посмеялись надо мной, но подумали – пусть его, перебесится и вернется к семейным традициям. Не сказав им ни слова, я подал документы в театральную академию, «Уэббер Даглас», ЦДШ и «Олд Вик» в Бристоле, и готов был пытаться до бесконечности. Не пришлось. Знаете, почему? Потому что я оказался талантлив. Чертовски талантлив! Когда я играл, буквально оживал! Я легко поступил в академию. Сразу после прослушивания стало ясно – меня возьмут.

Я издал нечленораздельный звук – к тому времени яд поразил голосовые связки. Наверное, я собирался умолять его о пощаде, хотя и так было ясно – пустая потеря времени.

Корнуоллис нахмурился, взял один из скальпелей, блестящий в свете неоновой лампы, затем подошел ко мне и без малейших колебаний воткнул прямо в меня.

Я в изумлении уставился на ручку, торчащую из моей груди. Самое странное – даже не сильно болело, и крови совсем немного. Я просто не мог поверить, что он это сделал.

– Я же сказал – не хочу ничего слышать! – объяснил Корнуоллис, снова срываясь на визг. – Так что заткнитесь, ясно?!

Он постепенно успокоился и продолжил как ни в чем ни бывало:

– С самого первого дня в академии меня приняли по заслугам. Я назвался Дэном Робертсом – всем было наплевать, тем более что и так нужен сценический псевдоним. Я не упоминал настоящего имени, никогда не рассказывал о семье... И я больше не был «мертвецом». Я был Энтони Хопкинсом, Кеннетом Браной, Дерекком Джейкоби, Иэном Хольмом!⁴⁰ Каждый раз, входя в здание, я чувствовал, что нашел себя. Счастливейшие три года в моей жизни!..

Вы правы – и не поймите меня превратно: мне нравился Дэмиэн Каупер. Поначалу я им восхищался, но лишь потому, что не знал толком. Я считал его другом – лучшим другом – и не видел холодного, амбициозного ублюдка, каким он был на самом деле.

Я покосился на скальпель, все еще бесстыдно торчавший из меня. Вокруг расплывалось красное пятно шириной с ладонь, не больше. Рана пульсировала. Меня затошнило.

– Все начало проясняться на третий год обучения, когда возросла конкуренция. Мы притворялись друзьями, делали вид, что поддерживаем друг друга, но когда дошло до финальной постановки и прослушиваний перед агентами, тут-то все сбросили маски. В академии не осталось ни единого человека, который не был бы готов столкнуть лучшего друга с пожарной лестницы, если бы это помогло заключить контракт. Ну и, разумеется, все подлизывались к педагогам. У

⁴⁰ Перечислены выдающиеся британские актеры, в том числе прославившиеся работой над шекспировскими постановками.

Дэмиэна это особенно хорошо получалось: улыбался, говорил правильные вещи, а сам не выпускал из поля зрения главный приз. И знаете, что он придумал в итоге?

Корнуоллис сделал паузу, какое-то время смотрел на меня, затем схватил второй скальпель и снова воткнул – на этот раз в плечо.

– Угадайте, что? – взвизгнул он.

– Обманул вас! – прошептал я первое, что пришло в голову, лишь бы не молчать.

– Не просто обманул! Когда меня выбрали на роль, Дэмиэн пришел в ярость – он-то думал, что возьмут его! Он уже читал монолог Гамлета на прослушивании – всем хотел продемонстрировать, как он хорош, однако повезло мне! Роль моя! Это был мой последний шанс показать миру, на что я способен, а он со своей сучкой меня подставил! Они сговорились и специально меня заразили, чтобы я не смог приходить на репетиции.

Я не совсем понял, о чем он; впрочем, в этот момент мне было все равно. Торчащие скальпели делали меня похожим на быка, пораженного тореадором; раны болели все больше и больше. Теперь я уже не сомневался, что умру.

Корнуоллис ждал. Опасаясь, что молчание разозлит его еще больше, я пробормотал:

– Дженнифер Ли...

– Она самая. Дэмиэн использовал ее против меня, но я с ней разобрался и заставил за все заплатить.

Корнуоллис захихикал. Передо мной наяву предстал самый убедительный портрет типичного сумасшедшего.

– Я заставил ее страдать, а потом она исчезла. Знаете, где она теперь? Могу сказать, пожалуйста... Только если захотите ее найти, придется выкопать семь могил.

– Вы убили Дэмиэна, – прошелестел я с трудом. Казалось, сердце сейчас взорвется.

– Да...

Корнуоллис сложил ладони вместе и наклонил голову, словно молился. Было в этом что-то вычурное, излишне манерное: игра актера для единственного зрителя.

– Говорили, что на прогоне «Гамлета» я был великолепен, – продолжал он. – Но я не смог играть Гамлета, потому что заболел. В итоге пришлось играть Лаэрта, и в этой роли я тоже был великолепен. Беда в том, что у Лаэрта мало реплик, всего шестьдесят строк текста. Большую часть времени он проводит за сценой. В результате меня не взял тот агент, на которого я рассчитывал, и карьера так и не сложилась. Я старался! Держал форму, посещал курсы театрального мастерства, ходил на прослушивания... Не сработало.

В Бристолле я целый сезон играл Фесте в «Двенадцатой ночи». Казалось, вот тут-то все и начнется... Увы. Я был так близок! Меня три раза вызывали на прослушивание «Пиратов Карибского моря», а в итоге отдали роль другому. Были сериалы, новые пьесы... Я все ждал, но почему-то ничего не выходило. Время шло, я старел, деньги заканчивались, месяцы перетекали в годы... Наконец пришлось признать: что-то во мне сломалось, и виноваты в этом Дэмиэн и Дженнифер. Безработица для актера все равно что рак: чем дольше тянется, тем меньше шансов исцелиться. А моя чертова семейка все это время сидела на заднем плане и ждала, когда же я сдамся и приползу обратно.

Агент отказался от меня. Я начал пить. Просыпался один в грязи, без гроша в кармане и понимал, что жизни нет. И вот до меня доходит, что я больше не Дэн Робертс, а опять Роберт Корнуоллис. Я надеваю темный костюм и присоединяюсь к своей кухне Айрин в Южном Кенсингтоне. Все. Игра окончена.

Он умолк, и я испуганно поежился, ожидая очередного скальпеля – первые два невыносимо жгли плоть. Однако Корнуоллис был слишком поглощен своим рассказом.

– Вообще-то у меня неплохо получалось. Разве бывают жизнерадостные гробовщики? Несчастье как нельзя более подходило к моей роли. Я встретил Барбару на похоронах ее дяди – романтично, не правда ли? – и мы поженились. Я никогда ее не любил, просто так надо. У нас трое детей, и я пытался быть хорошим отцом, но, по правде говоря, они для меня – посторонние предметы, я их не хотел. Ничего этого не хотел... – Он криво улыбнулся. – Слышали, Эндрю сказал, что мечтает стать актером? Смешно... И как ему только в голову пришло? Разумеется, я не допущу. Сделаю все, чтобы защитить его от этого ада.

Ад – вот точное слово, описывающее последние десять лет моей жизни. Мне удалось разыскать Дженнифер. Однажды, когда я уже больше не мог терпеть, я пригласил ее на ланч. Она стала моей первой жертвой, и, признаюсь честно, я испытал глубокое удовлетворение. Считаете меня монстром? Вам не понять, что она сделала со мной – что сделали они с Дэмиэном... Вот с кем я на самом деле хотел разобраться: Дэмиэн Каупер, получающий награды, снимающийся в Америке, приобретающий все большую известность... Я понимал, что это всего лишь мечта – он вне досягаемости. Как к нему подобраться?

Представьте, что я почувствовал, когда в один прекрасный день ко мне пришла его мать! Муха в гостях у паука, совсем как в стихе!⁴¹ Я ее сразу узнал – она приходила в академию и на премьере «Гамлета» была, даже похвалила мою игру. И вот она сидит передо мной и устраивает собственные похороны! Конечно, Дайана меня не узнала, да и с чего бы? Я сильно изменился за десять лет: волосы поредели, борода, очки... Да и кто обращает внимание на гробовщика? Люди, имеющие дело со смертью, живут в тени. Никому не хочется нас признавать... Ну вот, она выбирала гроб, музыку, псалмы и даже не заметила, что я сидел как парализованный.

Понимаете, меня вдруг поразила одна простая мысль: если я ее убью, Дэмиэн приедет на похороны, и тогда я смогу до него добраться! Именно это я и сделал. Дайана указала свой адрес, так что я без проблем ее нашел и... А потом, пару недель спустя, я зарезал Дэмиэна в его понтовой квартирке. Вы не представляете, какое удовольствие мне это доставило! Я постарался избежать его на похоронах, передал все личные контакты Айрин. Вы бы видели лицо этого ублюдка, когда я назвал свое настоящее имя! Он все понял еще до того, как я взялся за нож. И он знал за что! Жаль, нельзя было помучить его подольше...

Я с надеждой ждал продолжения. Еще многое осталось необъясненным, и пока он говорил, я был в относительной безопасности. Однако Корнуоллис умолк, и мы оба вдруг поняли, что ему нечего больше сказать.

Мои руки и ноги до сих пор не двигались. Интересно, что он мне подсыпал? Хоть меня и парализовало, чувствительность сохранилась. Боль в руке и в груди распространялась все дальше, на рубашке расплывалась кровь.

– Что... вы намерены со мной... сделать? – выдавил я с трудом.

Корнуоллис тупо уставился на меня.

– Я тут ни при чем, я всего лишь писатель! Готорн попросил написать о нем... Если вы меня убьете, он сразу поймет, что это вы! Наверняка уже понял! – Слова давались с трудом, но мне казалось, чем больше я говорю, тем выше мои шансы остаться в живых. – У меня жена и двое сыновей. Я понимаю, за что вы убили Дэмиэна Каупера – он был ублюдком, я согласен. Но я – другое дело, я не имею никакого отношения...

– Конечно же, я вас убью!

Корнуоллис схватил третий скальпель, и мое сердце провалилось в желудок. Лицо гробовщика слегка побагровело, взгляд расфокусировался.

– Неужели вы думаете, что я оставлю вас в живых после того, как все вам выложил? Вы сами виноваты! – Он взмахнул скальпелем, рассекая воздух, словно в доказательство. – Больше никто не знает об академии...

– Я рассказал куче народа!

Он медленно приближался.

– Не верю. Да и неважно... Лучше бы вы сочиняли свои паршивые детские книжонки и не лезли, куда не надо!

В последний момент Корнуоллис принял профессионально-задушевное выражение лица: гробовщик любезно приветствует нового клиента. Он скользнул по мне взглядом, соображая, куда бы ударить...

И тут незаметная до того дверь распахнулась, и в комнату кто-то вошел. Я с трудом повернул голову. Готорн держал перед собой плащ, словно щит. Я понятия не имел, как он здесь очутился, но был безумно рад его видеть.

– Положи на место, – скомандовал Готорн. – Все кончено.

⁴¹ Имеется в виду стихотворение Мэри Хоуитт «Паук и муха» (1828).

Корнуоллис стоял передо мной, буквально в паре метров. Он перевел взгляд с Готорна на меня и принял решение: поднес скальпель к своему горлу и резко провел горизонтальную черту.

Хлынула кровь, заливая грудь, стекая в лужу на полу. Корнуоллис все еще стоял на ногах, и выражение его лица до сих пор снится мне в кошмарах: он торжествовал, ликовал, праздновал победу... Наконец тело рухнуло на пол, конвульсивно дергаясь; кровь продолжала расплываться вокруг.

Больше я ничего не видел – Готорн схватился за кресло и развернул меня. В этот момент я услышал где-то наверху успокаивающий вой сирен.

– Господи! Что ты здесь делаешь?

Готорн присел передо мной, в изумлении уставившись на торчащие скальпели. Скажу вам честно: никогда Ватсон не смотрел на Шерлока Холмса с таким обожанием, никогда Гастингс не восхищался Пуаро больше, чем я боготворил Готорна в эту самую секунду. И прежде чем отключиться, я успел подумать: как мне повезло, что он со мной...

23. Время посещения

Теперь я жалею о своем решении вести рассказ от первого лица, поскольку таким образом становится очевидно, что я не умру. Это известное художественное правило: рассказчик не может умереть. Хотя один из моих любимых фильмов, «Бульвар Сансет», в первом же кадре нарушает его, и в нескольких романах авторы поступают так же – в «Милых костях», например. Мне бы очень хотелось придумать, как подольше утаить тот факт, что я доживу до этой главы и очнусь в больнице «Черинг-Кросс» неподалеку от Фулэм-Пэлас-роуд. Но не удалось. Вот вам и саспенс!

Мне немного стыдно за то, что я упал в обморок дважды за время одного расследования, хотя в последнем случае – по уверениям доктора – виновато снотворное средство: преступник использовал «Рогипнол». Мы никогда не узнаем, где Корнуоллис умудрился его раздобыть...⁴² Впрочем, Барбара – фармацевт, мог и через нее. Кстати, я до сих пор не в курсе, как сложилась жизнь у нее и у детей. Наверное, веселого мало – обнаружить, что ты замужем за психопатом.

Меня оставили на ночь под наблюдением, однако в целом я чувствовал себя неплохо. Раны от скальпеля ужасно ныли, хотя оказались несерьезными – потребовалась всего пара стежков на каждую. Я был напуган до смерти. Врач сказал – понадобится от восьми до двенадцати часов, чтобы наркотик выветрился окончательно.

Ко мне приходили посетители. Первой явилась жена, выкроив время из плотного рабочего графика. По правде говоря, она была не слишком довольна.

– Что ты затеял? Тебя могли убить!

– Знаю...

– Ты же не собираешься всерьез писать об этом? Выставлять себя на посмешище? Зачем ты вообще туда поперся, если знал, кто убийца...

– Я не знал, что мы будем одни. К тому же я не подозревал, что он убийца, просто думал – чего-то недоговаривает...

И это была правда. Я узнал Роберта Корнуоллиса на фотографии, которую показала мне Лиз, но подозревал совсем другого: отца Грейс, Мартина Ловелла. Он тоже присутствовал на фотографии – тот самый человек с цветами у края снимка. У него имелась веская причина желать Дэмиэну Кауперу смерти: он пошел бы на все, чтобы защитить дочь и помочь ей возобновить карьеру. Я был так уверен в своей правоте, что в результате едва не погиб.

– Почему ты не сказал, что пишешь книгу? – допытывалась жена. – Обычно ты от меня ничего не скрываешь.

– Прости... Я знал, что тебе не понравится эта идея.

– Мне не нравится, что ты подвергаешь себя опасности! Вот к чему это привело – к реанимации!

– Всего четыре стежка...

– Тебе крупно повезло!

Тут зазвонил мобильник. Жена глянула на экран и поднялась.

– Принесла тебе кое-что.

Она вытащила из сумки книгу и положила на кровать. Это была «Суть измены» Ребекки Уэст – книга, которую я читал, чтобы набраться идей для «Войны Фойла».

– Ай-ти-ви ждет вестей о продолжении, – напомнила она.

– Напишу сразу после этой истории, – пообещал я.

– Если доживешь...

Сыновья прислали очень милые эсэмэски, но сами не явились, как и в тот раз, когда я упал с мотоцикла в Греции: им неприятно видеть меня в горизонтальном положении. Зато ко мне заглянула Хильда Старк. С того ланча мы так и не созванивались. Она энергично вошла в комнату, присела на стул и быстро оглядела меня с ног до головы.

⁴² В Великобритании флунитразепам, действующее вещество «Рогипнола», не используется в медицине и является запрещенным.

– Ну как ты?

– Нормально. Оставили понаблюдать.

На лице Хильды отразилось сомнение.

– Меня отравили, – объяснил я.

– На тебя напал Корнуоллис?

– Да... И покончил с собой.

Хильда кивнула.

– Что ж, надо признать, отличный конец для книги. Кстати, у меня новости, плохие и хорошие. «Орион» не заинтересовался. В то же время они хотят, чтобы ты придерживался контракта: по условиям у тебя три книги, так что эту придется отложить.

– А хорошие новости? – спросил я.

– «Харпер Коллинз» уже подтвердил американские права. Еще я разговаривала с потрясающим редактором, ее зовут Селина Уокер. Ей так нравятся твои сочинения, что она тоже готова подождать. Условия обсудим позже.

Перед моим мысленным взором предстала возрастающая стопка книг. Иногда я сижу за письменным столом и ощущаю, как сзади подъезжает самосвал и вываливает на меня свое содержимое: сверху падают миллиарды слов, и нет им конца... И ничего не поделать... Слова – это все-таки моя жизнь, судя по всему.

– Еще я связалась с полицией, – продолжила Хильда. – Разумеется, кое-что попадет в газеты, но мы попытаемся не упоминать твое имя – нельзя допустить, чтобы читатели узнали об этой истории раньше, чем ты о ней напишешь.

Она встала, собираясь уходить.

– Да, кстати, я разговаривала с мистером Готорном. Рабочее название «Расследует Готорн», прибыль пополам.

– Минутку! – Я был ошеломлен. – Название вовсе не такое! И потом, ты сама сказала, что никогда не согласишься на эту сделку!

Хильда странно посмотрела на меня.

– Ты согласился на такие условия, – напомнила она. – Ни о каких других он и слышать не хочет.

Хильда заметно нервничала, и я подумал: может, Готорн что-то о ней раскопал и использовал на переговорах?

– Короче, обсудим позже, когда Селина ответит. – Она помедлила. – Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, меня завтра выписывают.

– Тогда позвоню.

И Хильда исчезла, прежде чем я успел сказать хоть слово.

Последний визитер прибыл вечером, когда часы посещения уже закончились. Я слышал, как сестра в коридоре пыталась его остановить. В ответ прозвучало: «Все в порядке, я полицейский». Мгновение спустя в палате появился Готорн с мятым бумажным пакетом в руках.

– Привет, Тони.

– Привет, Готорн.

Странно, до чего я был рад его видеть. Больше того, я испытывал к нему теплые чувства, не имеющие под собой никаких оснований.

Готорн присел на стул, который до того занимала Хильда.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Гораздо лучше.

– Вот, принес.

Готорн протянул мне пакет. Я открыл – внутри оказалась крупная гроздь винограда.

– Большое спасибо.

– Я выбирал между виноградом и энергетиком – решил, что ты предпочтешь виноград.

– Очень мило с твоей стороны.

Я положил виноград на тумбочку. Меня поместили в отдельную палату – наверное, из-за того, что я фигурировал в полицейском расследовании. В палате больше ничего не было – стул, кровать, приглушенный свет.

– Я очень рад, что ты появился вовремя – Корнуоллис собирался меня убить.

– Полный псих. Не надо было тебе туда ходить, приятель. Позвонил бы мне...

– Ты знал, что он – убийца?

Готорн кивнул.

– Я как раз собирался его арестовать, но сперва нужно было уладить дело с Найджелом Уэстоном.

– Как он?

– Расстроен из-за того, что дом сгорел, а так нормально.

Я вздохнул.

– Честно говоря, я ни черта не понимаю... Когда ты догадался, что это Корнуоллис?

– Ты точно готов сейчас к разговору?

– Я все равно не усну, пока ты не расскажешь. Секунду!

Я потянулся за айфоном. Движение больно отдалось в груди и в плече, и я поморщился, но разговор нужно было записать.

– Начни с самого начала, – попросил я. – Не упускай ничего.

– Ладно, – кивнул Готорн.

И вот что он рассказал:

– С первого дня у нас возникла загвоздка. Ни Мидоуз, ни остальные не могли врубиться в одну вещь: женщина приходит к гробовщику организовать собственные похороны, и шесть часов спустя ее убивают – в этом вся суть. Если бы она не пошла к гробовщику, в ее смерти не было бы ничего странного – обычное ограбление, как предполагал Мидоуз. Однако у нас возникло сразу два необычных обстоятельства, и мы никак не могли найти между ними связь.

Тем не менее я догадался, зачем Дайана Каупер обратилась в агентство «Корнуоллис и сыновья». Помнишь, я говорил в поезде: важно учитывать ее состояние. Смотри: одинокая женщина, которой так не хватает покойного мужа, что она до сих пор навещает мемориальный сад. Никому не верит. Ее нагло обобрал Реймонд Клунс. Любимый сын свалил в Америку. Друзей так мало, что прошло два дня, прежде чем кто-то узнал о ее смерти – да и то всего лишь уборщица. Я с самого начала понял, что Дайана очень несчастлива – именно поэтому она решила покончить с собой...

– Суицид?! – выдохнул я.

– Ага. Ты же видел ее ванную: три упаковки «Темазепам» – более чем достаточно.

– Мы ведь разговаривали с ее врачом – Дайану мучила бессонница!

– Она ему так сказала, чтобы накопить побольше. Скорее всего, Дайана уже приняла окончательное решение, а тут еще кот пропал. Думаю, именно Мистер Тиббс и склонил чашу весов. Прежде ее успел навестить Алан Гудвин с угрозами; прочтя его записку, Дайана решила, что он убил кота. Помнишь? «Я наблюдал за вами и знаю, что вам дорого. Вы за все заплатите, обещаю». Исчезновение Мистера Тиббса стало последней каплей. При этом, будучи женщиной аккуратной и методичной, Дайана решила организовать все как следует, включая собственные похороны. В один день она увольняется из правления театра «Глобус» и идет в похоронное агентство.

Теперь все выглядело таким очевидным!

– Вот почему она знала, что умрет! Потому что сама хотела умереть...

– Именно.

– Но она не оставила записки...

– В каком-то смысле оставила – вспомни детали похорон. Прежде всего песня «Элинон Ригби»: «Откуда в мире столько одиноких?» Это же крик о помощи! Затем поэтесса Сильвия Плат, композитор Джеремайя Кларк... Оба покончили с собой – вряд ли это совпадение, как ты считаешь?

– А псалом?

– Псалом 33: «Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь». Это псалом для самоубийц – тебе следовало поговорить с викарием.

– Похоже, ты так и сделал.

– Разумеется.

– А что первое увидела Дайана, когда пришла в агентство? – спросил я. – Помнишь, ты говорил – это важно?

– Мраморная книга в витрине с выбитой цитатой.

«Беды, когда идут, идут не в одиночку, а толпами». Я знал ее наизусть.

– Цитата из «Гамлета». Я не слишком разбираюсь в Шекспире – это больше по твоей части, – но самое забавное, мы постоянно на него натываемся. Цитаты на холодильнике у Дайаны, театральные программки на лестнице, потом еще одна цитата на мемориальном фонтане в Диле...

– «Уснуть и видеть сны, быть может». Тоже из «Гамлета».

– Из-за цитаты в витрине ей на ум приходит «Гамлет», и позже это сыграет свою роль, но самое главное – ее узнает Роберт Корнуоллис. Разумеется, у нее известное имя, хотя, я думаю, дело скорее в том, что Дайана похвасталась, какой у нее чудесный сын, – и вот тут Корнуоллис слетает с катушек. Впрочем, он всю дорогу был психом.

Готорн откинулся на спинку стула, явно наслаждаясь разговором.

– Ты уже в курсе, что Корнуоллис учился в академии вместе с Дэмиэном Каупером. Помнишь ту пепельницу, которую мы видели у него на столе? «Главе лучшего похоронного бюро. Роберт Дэниэл Корнуоллис. 2008». Он взял второе имя, а первое приспособил вместо фамилии, и стал Дэном Робертсом.

– Да, он мне говорил – не хотел, чтобы кто-то прознал о его семье.

– Забавно, что Грейс Ловелл подозревала Дженнифер Ли в использовании чужой фамилии. Похоже, там, в академии, никому не интересно, кто как себя называет. Перемотай на несколько лет вперед, и для Корнуоллиса складывается весьма удобная позиция: никто не узнает о его попытке стать актером, никто не свяжет его с академией.

А ведь я-то связал, подумалось мне, хоть и не сообразил, насколько серьезна эта связь. Все было бы иначе, если бы я просто взял телефон и позвонил Готорну!

– У себя дома Корнуоллис тщательно избегал упоминать о том, что делал в молодости, – продолжал Готорн. – Якобы «ездил по миру, занимался разными вещами»... Достаточно посчитать. Ему было сорок с чем-то. По его же словам, в похоронном бизнесе Корнуоллис работал около пятнадцати лет – значит, остается минимум лет пять, когда он занимался чем-то другим. А потом еще Эндрю, его сын, объявил, что хочет стать актером. Помнишь, Барбара Корнуоллис заметила вскользь: «Актерство у него в крови»? Она имела в виду, что мальчик пошел в отца. Однако едва Эндрю начал болтать, отец тут же его прервал: «Пока рано об этом говорить». Эндрю знал, что папа когда-то учился в театральной академии, и Корнуоллис опасался, что сын его выдаст.

– Так вот в чем дело! – воскликнул я. – Постановка «Гамлета»! Она должна была стать триумфом Роберта Корнуоллиса – точнее, Дэна Робертса. Он получил главную роль, на спектакле присутствовали самые крупные агенты, однако Дэмиэн украл у него славу!

– А Корнуоллис не объяснил, как именно?

– Нет. – Я задумался. – Дэмиэн Каупер встречался с Дженнифер Ли, но Грейс рассказывала, что они расстались, и буквально перед репетицией она видела, как Дженнифер целовалась с Дэном... Неожиданно все встало на свои места.

– На самом деле ее подговорил Дэмиэн! – сообразил я.

Тут я вспомнил кое-что еще.

– Моя знакомая, Лиз, сказала, что в тот год свирепствовал моноклеоз...

– ...Прозванный в народе «поцелуйной болезнью», – добавил Готорн. – Дженнифер намеренно передала вирус Дэну. В результате главную роль получил Дэмиэн, остальное известно. Только вот Роберт Корнуоллис не простил: пять лет спустя он нашел Дженнифер Ли и убил ее.

– Разрубил на куски и спрятал в семи могилах, – вспомнил я рассказ Корнуоллиса.

Готорн кивнул.

– Гробовщику очень удобно избавляться от тела.

– Странно, что его жена ничего не заподозрила.

– Барбара Корнуоллис видела ситуацию с другой стороны. Помнишь, она сказала, что муж пересмотрел все фильмы с участием Дэмиэна? Она думала, что он фанат, и не подозревала о его маниакальной одержимости. Корнуоллис не мог выбросить из головы свою неудавшуюся актерскую карьеру, даже детей назвал в честь своего последнего успеха.

– Тоби, Себастьян и Эндрю – персонажи из «Двенадцатой ночи». Как же я раньше не понял!

– Это была единственная пьеса, в которой он играл после выпуска. Бедняга, наверное, всю жизнь мечтал убить Дэмиэна, каждый день просыпался с этой мыслью, винил его в неудавшейся судьбе...

– А потом к нему пришла Дайана Каупер.

– Верно. Корнуоллис не мог добраться до Дэмиэна – тот живет в Америке, знаменит, всегда в окружении свиты поклонников. А вот похороны – дело другое, отличная возможность осуществить многолетнюю мечту. Поэтому он и убил Дайану – чтобы добраться до сына.

– Да, он мне сказал.

Неожиданно Готорн усмехнулся.

– И будильник в гроб подсунул кто-то из своих. Сам подумай: этот человек должен был знать, в каком она гробу, какие там ремни, в какой момент катафалк останется без присмотра... Кто отдавал распоряжения? Корнуоллис. Он знал, до какой степени детская песенка подействует на нервы Дэмиэну, ведь тот все рассказал на семинаре. План был прост: вынудить Дэмиэна уехать домой и там его убить. Сработало идеально. Когда я звонил Корнуоллису с похорон, он наверняка уже ждал на террасе. Вскоре приезжает Дэмиэн, и вуаля – психопат разворачивается во всю мощь! – Готорн разрезал воздух невидимым ножом.

– Как же он успел добраться так быстро? – спросил я.

– У него мотоцикл – разве ты не заметил в гараже? И, разумеется, он надел кожаный комбинезон – это защитило его от брызг крови. Потом снял и либо выбросил, либо привез домой. Корнуоллис не дурак, далеко не дурак! Помнишь, жена спросила, почему он не переоделся? Да потому, что ждал нас и хотел продемонстрировать, что его костюм чист. Человек идет смотреть школьную постановку сына, возвращается домой, пьет чай – ровно после того, как порезал лучшего друга на ленточки.

Я лежал, обдумывая сказанное. Вроде все логично, и в то же время чего-то не хватает...

– Значит, Дил тут вовсе ни при чем?

– Не особенно.

– Так кто же поджег дом Найджела Уэстона? Почему ты сказал, что виноват я?

– Потому что так и есть. – Готорн достал пачку сигарет, вспомнил, где находится, и сунул пачку обратно в карман. – Когда мы в первый раз опрашивали Роберта Корнуоллиса, ты спросил, не упоминала ли Дайана Каупер мальчика по имени Тимми Гудвин.

– Да, и ты разозлился...

– Типичная ошибка новичка, приятель. Ты фактически сообщил ему, что мы интересуемся аварией в Диле, и он решил использовать эту информацию с целью направить нас по ложному пути. А еще ты подал ему идею «день-деньской колеса крутятся»: Корнуоллис сообразил, что эта фишка одновременно выбьет Дэмиэна из колеи и в то же время собьет нас со следа. Ну а поджог дома Уэстона – гениальная идея: судья, выпустивший Дайану на свободу, автоматически становится следующей жертвой. Однако я с самого начала тебе говорил: с момента аварии прошло девять лет и одиннадцать месяцев. Если бы Алан Гудвин или его жена действительно собирались отомстить Дайане Каупер, то выбрали бы круглую дату.

– А как же сообщение, что послала Дайана?

Готорн медленно кивнул.

– Вернемся к первому убийству. По сути, оно было незапланированным. Корнуоллис знает адрес миссис Каупер. Возможно, она упомянула, что живет одна, – уверен, он выспросил у нее все подробности. Теперь нужен предлог, чтобы зайти. Помнишь, я спрашивал, оставалась ли Дайана одна в здании? Я пытался отследить ее перемещения. Выяснилось, что она ходила в туалет. Видимо, бросила сумочку где-нибудь на стуле – в этот момент Корнуоллис ее и стащил.

– Кого ее?

– Кредитку! Она лежала на комодe в гостиной, я еще удивился, с чего бы. Нам также известно, что Корнуоллис позвонил ей без пятнадцати два, когда Дайана ехала в театр. Помнишь, он выдал какую-то чушь насчет номера участка, на котором похоронен ее муж? С чего он взял, что у нее есть эта информация? Почему нельзя было просто позвонить на кладбище? Значит, Корнуоллис лгал. На самом деле он позвонил и сообщил, что нашел ее кредитку и занесет вечером. «Не волнуйтесь, миссис Каупер, мне нисколько не трудно!»

Итак, вечером убийца приходит к ней домой, и Дайана его впускает, хотя уже темно и она совсем одна. «Вот ваша кредитка!» Он остается поболтать... Тут Дайана вспоминает цитату из «Гамлета», которую заметила в окне похоронного агентства; может, помогают программки на лестнице и магнитики на холодильнике. Она вдруг узнает Роберта Корнуоллиса и вспоминает, где видела его раньше. Это было давно, тогда они обменялись лишь парой слов. Он сильно изменился – гробовщик в темном костюме, – однако Дайана узнает Дэна Робертса. Возможно, в его манере проскользнуло что-то жутковатое, и она догадалась – не с добром пришел...

Итак, что делать? Если поднять шум, он нападет. Видимо, она уже поняла, что Корнуоллис слетел с катушек. Радужная хозяйка улыбается и предлагает ему выпить. «Стакан воды, пожалуйста». Она идет на кухню – Корнуоллис снимает шнур с занавески... В это время Дайана поспешно набирает сообщение сыну.

И тут, буквально за секунду до того, как Готорн произнес решающее слово, я догадался.

– Автокоррекция!

– Верно, приятель. «Я видела лаэрта и я боюсь». Дайана не смогла вспомнить его настоящее имя и обозначила, как сумела. Набирала очень быстро – нервничала – и забила на прописные буквы и знаки препинания.

Она не заметила, что текстовый редактор в телефоне автоматически исправил текст и получилось: «Я видела Ларри». Я сразу подумал – тут что-то не так. Вряд ли миссис Каупер имела в виду Ларри Гудвина – просто совпадение, распространенное мужское имя, но мы связали его с аварией и сделали неверные выводы.

А так ли это?..

Готорну платили посуточно: чем дольше ведется расследование, чем шире география, тем больше он заработает. Может, я и ошибаюсь, но проработка всех возможных вариантов была в его интересах...

Тем временем Готорн продолжал:

– Отправив эсмэску, Дайана вернулась в гостиную со стаканом воды и, возможно, собиралась попросить Корнуоллиса удалиться, набравшись храбрости, – ведь сын теперь в курсе, что происходит... Однако тот ее опередил: едва она поставила воду на стол, убийца набросил ей на шею шнур и задушил, а затем прошелся по дому и забрал кое-какие вещи, чтобы выглядело как ограбление.

Странное место – больница. Когда меня привезли в «Черинг-Кросс», кругом кипел будничный хаос, суета, яркий свет – и вдруг все замерло, словно кто-то нажал на выключатель. Свет приглушили, коридоры опустели. Воцарилась нездоровая, давящая тишина.

Я устал. Болели швы, и хотя я мог двигать руками и ногами, сил не было. Возможно, шок еще не прошел.

Готорн понял, что пора уходить.

– Как долго тебя здесь продержат? – спросил он.

– Завтра выписывают.

Он кивнул.

– Повезло тебе, что я успел вовремя.

– Откуда ты узнал, что я в морге?

– Позвонил твоей помощнице. Сперва даже не поверил. Я волновался за тебя...

– Спасибо.

– Кто же будет писать книгу, если не ты?

Внезапно Готорн засмутился, чего я прежде не замечал; в нем снова проглянул ребенок, прячущийся в теле взрослого.

– Слушай, я хотел сказать... Я соврал.

– Когда?

– В Кентербери. Ты на меня наезжал, ну я и разозлился... На самом деле я не обращался ни к кому другому насчет книги – только к тебе.

Повисла долгая пауза.

– Спасибо, – пробормотал я наконец.

Готорн встал.

– Да, звонила твоя агентша. Она мне понравилась. Похоже, нам придется подождать с публикацией, зато обещали неплохой аванс. – Он улыбнулся. – По крайней мере, теперь тебе есть о чем написать. Полагаю, все будет хорошо.

Готорн вышел, а я задумался о его словах.

«Все будет хорошо». Пожалуй, он прав. Впервые я почувствовал, что шансы есть.

24. Ривер-Корт

Итак, я вернулся домой и сел за работу.

Теперь мне стало ясно, что придется коренным образом изменить методику. Обычно я вынашиваю идею книги в голове не меньше года, прежде чем приступаю к работе. В детективном романе отправной точкой становится убийство: по какой-то причине А убивает Б – это центральная ось произведения. Я создаю персонажей и постепенно выстраиваю мир вокруг них, провожу параллели между различными подозреваемыми, наделяю их историей. Я думаю о них, когда прогуливаюсь, лежу в кровати, сижу в ванной – и не начинаю писать, пока сюжет не примет более-менее завершенную форму. Меня часто спрашивают, смогу ли я написать книгу, не зная, чем дело кончится. По-моему, это все равно что строить мост, не зная, куда он упрется.

Однако на сей раз весь материал предоставлен мне целиком, и работа заключается скорее в его распределении, чем в создании с нуля, а это уже совсем другое дело. Честно говоря, сам я не стал бы писать об испорченном голливудском актере – я слишком многих из них знал и даже работал с ними. Однако, к сожалению, убили Дэмиэна Каупера, и выбирать не приходилось, персонажи определены: он, его мать, его девушка и прочие. Еще меня беспокоило, что со всеми ними я виделся лишь мельком. Реймонд Клунс, Бруно Вонг, доктор Баттимор и другие играли весьма второстепенную роль, и поскольку все разговоры вел Готорн, мне не удалось собрать о них достаточную информацию. Стоит ли добавлять персонажей от себя? Как выяснилось, произошедшее в Диле не имеет отношения к расследованию – надо ли оставлять эту сюжетную линию?

Главный вопрос, который я себе задавал: насколько точно придерживаться фактов? Я понимал, что придется изменить некоторые имена, так почему бы не сделать то же самое и с событиями? Хотя я ненавижу использовать карточную систему, я нацарапал заголовок для каждого эпизода на карточках и разложил на столе по порядку: приход Дайаны Каупер в похоронное агентство, мое появление на сцене, визит в ее дом и так далее. Материала на девяносто тысяч слов накопилось более чем достаточно. Некоторые сцены – целые часы моей жизни – можно преспокойно выбросить, например нудный рассказ Андреа Ключанек о счастливом детстве или особенно скучный вечер в обществе бухгалтера Реймонда Клунса.

Просматривая пометки и прослушивая записи разговоров на айфоне, я, к своему облегчению, обнаружил, что не так уж глуп. Впервые встретив Роберта Корнуоллиса, я записал: «возможно, притворяется» – и оказался прав! Еще я заметил мотоцикл в гараже, шлем в прихожей, магнитики на холодильнике, стакан воды, держатель для ключей... По меньшей мере 75 % важнейших улики отражены в моем блокноте – я просто не осознавал их важности.

За несколько дней я написал первые две главы, пытаюсь найти верную интонацию. В качестве персонажа я не должен выделяться. Однако даже в самом сыром черновике (потом будет еще пять) я увидел, что на передний план выходит куда более сложная тема – Готорн. Совсем нетрудно описать его внешность и манеру речи; мое отношение к нему тоже весьма прозрачно. Проблема в другом: что я вообще о нем знаю?

Итак:

Развелся с женой, которая осталась в Гэнтс-Хилл.

Есть одиннадцатилетний сын.

Был блестящим полицейским, непопулярным среди коллег.

Не пьет.

Уволен за то, что спихнул с лестницы педофила.

Гомофоб (последние два пункта наверняка связаны между собой).

Член книжного клуба.

Хорошо разбирается в истребителях Второй мировой.

Живет в дорогой квартире на берегу Темзы.

Этого мало. При встрече мы разговаривали исключительно о делах. Ни разу вместе не выпивали, не посидели толком за одним столом (завтрак в Харроу-он-Хилл не считается).

Единственный раз он проявил участие, когда навестил меня в больнице. Что я могу о нем написать, если даже не знаю, где – и как – он живет? Дом – самое первое и очевидное отражение личности, однако Готорн никогда не приглашал меня к себе.

Я подумывал, не позвонить ли ему, но тут мне пришла в голову идея получше. Мидоуз дал приблизительный адрес: Ривер-Корт, южный берег. Как-то раз, через неделю после выхода из больницы, я оставил разбросанные карточки и бумажные комки и отправился в путь. Погода стояла чудесная, и хотя швы немного тянули под рубашкой, я наслаждался прогулкой на весеннем солнце.

Пройдя вдоль Фэррингдон-роуд до Блекфрайарс-бридж, я высмотрел на противоположном берегу многоквартирный дом, который не раз видел по пути в «Националь» или «Олд Вик». Трудно представить, что здесь живет Готорн. Первое, что приходило на ум: как он может позволить себе такую роскошь?

Несмотря на удачное расположение – возле моста, напротив Юнилевер-хаус и собора Святого Павла, – Ривер-Корт никак не назовешь живописным. Построен в семидесятых группой явных дальтоники, черпавших свое вдохновение в простейших геометрических формах – возможно, прототипом послужили спичечные коробки. Двенадцать этажей с узкими окнами и бессистемно наклепанными балконами: в некоторых квартирах есть, в некоторых нет – кому как повезет. В городе, где чуть ли не ежедневно вырастают стеклянные башни, это здание выглядит до боли старомодным. И все же есть в нем что-то привлекательное: упрямый уродец, с презрением смотрящий на двадцать первый век (по соседству даже располагался паб под названием «Упрямы»). Ну и виды, конечно.

Вход находился за углом, на улице, ведущей к Оксо-Тауэр и Национальному театру. Мидоуз не сообщил мне номер квартиры, так что пришлось импровизировать. У открытой двери подъезда стоял портье, наслаждаясь сигаретой на солнышке. Я заранее припас конверт и теперь демонстративно достал его из кармана.

– У меня письмо Дэниэлу Готорну из 25-й квартиры. Я позвонил, никто не отвечает...

Портье задумчиво прищурился.

– Готорн? Он живет в пентхаусе, вам в соседнюю дверь.

В пентхаусе?! Ну это уж слишком...

Небрежно помахивая конвертом, я подошел к другому подъезду, однако звонить не стал – Готорн запросто может меня не пустить. Вместо этого я прождал минут двадцать, пока не вышел кто-то из жильцов. Я шагнул ему навстречу, держа перед собой связку ключей, словно только что собирался войти. Он даже не взглянул в мою сторону.

На площадке верхнего этажа было три двери. Интуиция подсказала мне выбрать квартиру с видом на реку.

Я позвонил. Долго никто не открывал, и я уже собирался уходить, когда дверь наконец распахнулась и Готорн изумленно уставился на меня. Он был в той же одежде, что и всегда, только без пиджака; рукава рубашки подвернуты, пальцы вымазаны в серой краске.

Готорн «в домашней обстановке».

– Тони! – воскликнул он. – Откуда ты узнал мой адрес?

– У меня свои методы, – напыщенно отозвался я.

– Ты виделся с Мидоузом... – Готорн смотрел на меня изучающе. – Ты не позвонил в домофон.

– Хотел удивить.

– Я бы пригласил тебя войти, но сам как раз собираюсь уходить.

– Ничего страшного, я ненадолго.

Патовая ситуация: Готорн загоразживал дверь, я не двигался с места.

– Я хотел поговорить о книге, – добавил я.

Какое-то время Готорн колебался, затем смирился с неизбежным и распахнул дверь пошире.

– Входи! – пригласил он, будто с самого начала был рад встрече.

Итак, мне удалось проникнуть в тайну бывшего инспектора Дэниэла Готорна. Квартира оказалась весьма просторной, не меньше пары тысяч квадратных футов⁴³. Широкие дверные проемы отделяли кухню и кабинет от общей гостиной зоны. Вид и вправду был на реку, но для

⁴³ Около 186 кв. м.

настоящего «ах!» потолки оказались слишком низкими, а окна – слишком узкими. В квартире напрочь отсутствовал дух индивидуальности: ни одной картины на стенах, почти нет мебели, только диван, стол с двумя стульями и пара стеллажей плюс новенькие ковры. На столе в кабинете не один, а целых два огромных компьютера плюс какая-то солидная аппаратура с кучей проводов.

Я заметил книги, разбросанные на столе. Сверху лежал «Посторонний» Альбера Камю, рядом – стопка журналов, штук пятьдесят: «Мир авиамоделирования», «Модели кораблей» и так далее. Названия напомнили мне ту антикварную лавку в Диле. Значит, его интерес простирается дальше истории. Оглядевшись, я увидел десятки моделей: самолеты, корабли, поезда, танки, внедорожники – все военное, – на полках, на полу, свисающие с потолка на проволоке, полуразобранные на столе. Когда я позвонил в дверь, Готорн склеивал модель танка – вот почему долго не открывал.

– Хобби, – пояснил Готорн, заметив мое пристальное внимание.

– Моделирование...

– Верно.

На спинке стула висел пиджак.

Я разглядывал детали, разложенные на столе – до того крошечные, что без пинцета не обойтись, – и вспоминал, как мне в детстве дарили модели. Я всегда приступал к ним с лучшими намерениями, но все шло не так: детальки прилипали к рукам, между пальцами разрасталась паутина клея. Если даже мне и удавалось закончить модель, что случалось редко, она выглядела кособоко и никуда не годилась. С раскрашиванием дела обстояли еще хуже. Я выстраивал в ряд крошечные тюбики, но когда красил, всегда перебарщивал: краска обязательно текла или смазывалась. На следующее утро я с чувством вины и неловкости выбрасывал все в мусорную корзину.

Работа Готорна – совсем другое дело. Каждая модель была собрана безупречно, с невероятным тщанием, раскраска поражала воображение. Я нисколько не сомневался, что флаги, полоски на крыльях, камуфляж – все выполнено в точности. Наверное, сидит над ними часами. Телевизора в комнате нет; видимо, ничем другим больше не развлекается.

– А это что? – спросил я, все еще разглядывая танк.

– Это «Чифтен МК 10», британская сборка. Состоял на вооружении войск НАТО в шестидесятых.

– Выглядит головоломно...

– Маскировка больно хитрая: нельзя собрать, пока все не раскрасишь, и орудийная башня сложновата, а в остальном легко. Здорово сделано, контора знает толк...

Единственный раз он разговаривал вот так, по-человечески, в Диле, когда рассказывал про «Фокке-Вульф».

– И давно ты этим занимаешься? – спросил я.

Готорн помедлил. Даже сейчас ему не хотелось делиться сокровенным.

– Да так... Увлекался, когда был ребенком.

– А у тебя есть братья или сестры?

– Есть сводный брат... – Пауза. – Риелтор.

Так вот откуда такая квартира!

– А у меня в детстве ничего не получалось, – признался я.

– Это вопрос времени и терпения.

Возникла краткая пауза, однако я впервые не чувствовал неловкости; мне было почти комфортно в его обществе.

– Значит, вот где ты живешь...

– Временно.

– Типа присматриваешь?

– Владельцы сейчас в Сингапуре, сами никогда тут не были, но им удобнее, чтобы кто-то здесь жил.

– Это сводный брат тебя сюда устроил?

– Ага. – На столе лежала пачка сигарет, однако дымом не пахло – наверное, выходит курить на улицу. – Ты хотел поговорить о книге.

- Я придумал название.
- А чем тебе не нравится «Расследует Готорн»?
- Мы это уже обсуждали.
- Ну и?

– Утром я просматривал свои заметки и вспомнил наш разговор в Клеркенуэлле. Я говорил, что читателей интересуют персонажи, а ты не согласился. «Это слово – Убийство» – вот как ты сформулировал.

– И?..

– «Это слово – Убийство». По-моему, неплохое название. В конце концов, я – писатель, ты – сыщик.

Готорн подумал с минуту и пожал плечами.

- Пойдет, наверное.
- Я слышу сомнение в твоём голосе.
- Ну... Немного манерно. На пляже такое читать не станешь.
- А ты ходишь на пляж?

Он не ответил.

Я кивнул на стопку книг.

– Как продвигается «Посторонний»?

– Уже закончил. Под конец даже понравилось. Альбер Камю... Умел писать человек.

Мы стояли друг напротив друга, и я уже начал жалеть о своём приходе. Вроде получил что хотел, собрал кое-какие сведения о Готорне. В то же время меня не покидало неловкое ощущение, что я предал его доверие: встречался с Мидоузом за его спиной, заявился сюда без приглашения...

– Может, поужинаем на следующей неделе? – предложил я. – К тому времени, глядишь, успею написать пару глав, заодно покажу.

– Может быть, – кивнул Готорн.

– Ладно, увидимся.

На этом все бы и закончилось: я бы спокойно ушел домой с чувством легкой неловкости. Но тут, обернувшись, я заметил фотографию в рамке: светловолосая женщина опирается на плечо мальчика-подростка, на шее болтаются очки на цепочке. Я сразу понял, что это его жена и сын, и первой мыслью было: опять он ко мне несправедлив! Когда я рассматривал фотографию покойного мужа Дайаны Каупер, Готорн презрительно усмехнулся: «По-твоему, она стала бы хранить фотографию бывшего мужа?» А сам хранит фотографию бывшей жены!

Только я собирался озвучить свое негодование, как вдруг мне пришла в голову еще одна мысль: а ведь я знаю эту женщину! Я точно ее где-то видел...

А потом вспомнил.

– Ах ты сволочь! Гребаный ублюдок!

– Ты чего?

– Это твоя жена?

– Да.

– Я с ней сталкивался!

– Вряд ли.

– Она была на литературном фестивале через два дня после того, как ты предложил мне работать вместе. Сказала, что мои книги оторваны от реальности! Это из-за нее... – Я осекся. – Так ты же ее и послал!

– Не понимаю.

Готорн смотрел на меня невинным, почти детским взглядом. Врешь, больше не проведешь! Не могу поверить, что мной так легко манипулировать... Неужели он и вправду принимает меня за идиота?

– Не лги! – Я почти кричал. – Это ты ее послал! Ты все просчитал заранее!

– Тони...

– Меня зовут Энтони! Никто не называет меня Тони! И вообще – забудь! Это была дурацкая идея, я чуть не погиб! Зря только тебя послушал! Все отменяется!

Я выскочил из квартиры, позабыв про лифт, сбежал по ступенькам с двенадцатого этажа и очнулся лишь на середине моста Блэкфрайарс.

Отдышавшись, я вытащил мобильник.

Сейчас я позвоню своему агенту и скажу, что сделка отменяется. У меня по контракту с «Орионом» еще две книги плюс продолжение «Войны Фойла» – есть чем заняться.

И все же...

Если я сейчас уйду, Готорн просто найдет другого писателя, и что в результате? Я окажусь второстепенным персонажем, подручным в чужой книге – куда хуже, чем главным в собственной. Они смогут сделать со мной все, что захотят, я буду выглядеть полным идиотом.

С другой стороны, если я сам напишу книгу, все останется под моим контролем. Готорн признал, что обратился только ко мне и ни к кому больше. Это моя история. Хильда дала добро, и вообще, если подумать, половина работы уже сделана.

Я все еще держал в руках телефон. К тому времени как я добрался до другого берега, решение было принято.

Благодарности

В создании этой книги приняли участие многие люди.

Я очень признателен Эдварду Кемпу, директору Королевской театральной академии, за приглашение на репетицию. Люси Скилбек предоставила мне необходимые материалы по теме, а также познакомила с Зоуи Уэйтс, которая рассказала о своей учебе в этих стенах (она училась примерно в одно время с Дэмиэном Каупером). Чарли Арчер, недавний выпускник, также поделился личным опытом прослушиваний, а театральный режиссер Линдси Познер любезно снабдил меня записями со своей знаменитой постановки «Гамлета».

С целью глубже вникнуть в личность Роберта Корнуоллиса я провел некоторое время в обществе Эндрю Левертона, чье похоронное агентство несколько не похоже на описанное на этих страницах. Бывший полицейский Колин Саттон, как и Готорн, сотрудничает со многими телекомпаниями; надо сказать, он оказался куда более полезен, чем Готорн. Мой брат, Филип Горовиц, предоставил мне отчет о заседании суда по делу Дайаны Каупер.

В лице Селины Уокер из «Рэндом-хаус» я обрел замечательного редактора, и мы с Готорном рады, что она взяла книгу в работу.

Как всегда, выражаю благодарность своей жене Джилл Грин и сыновьям Нику и Кассу, которые не только прочли книгу и помогли мне на начальной стадии, но и не слишком возражали против того, чтобы быть упомянутыми в ней.

**ОТ АВТОРА АБСОЛЮТНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
NEW YORK TIMES И SUNDAY TIMES
«Дом шелка» и «Мориарти»**

Читатели и критики единодушны: Горовиц способен создать мощный детектив в любых декорациях. Автор сверхпопулярной серии об Алексее Райдере, культовых сериалов «Война Фойла» и «Несправедливость», он получил сразу два почетных предложения: расширить вселенные Шерлока Холмса и Джеймса Бонда. Редчайшее признание заслуг в жанре!

Едва вынырнув из мира Холмса, писатель идет на новый смелый эксперимент: пробует на роль современного доктора Ватсона... самого себя. Ему предстоит работать с Шерлоком XXI века, блестящим и совершенно асоциальным сыщиком Готорном, – чтобы превратить расследование в книгу. Пожилая женщина, мать голливудской суперзвезды, составила план своих похорон – и через несколько часов была зверски задушена. Знала ли она, что умрет так скоро?

**Это безумно запутанная история, где среди героев
не только сам автор,
но даже**

**Стивен Спилберг
и Питер Джексон!**

ISBN 978-5-04-096213-6

9 785040 962136 >